

Светлана Славкова

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ВИДА
И ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ВЫСКАЗЫВАНИИ

На материале русского и болгарского языков

Издамство Лѣва Скоф

© СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ВИДА
И ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ВЫСКАЗЫВАНИИ

На материалe русского и болгарского языков

© Светлана Славкова, автор

Рецензенты:

Пильгун Мария Александровна

Ерофеева Ирина Валерьевна

Българска, първо издание

ISBN 978-954-471-686-8

Издавателство ЛИБРА СКОРП

2020 г.

СВЕТЛАНА СЛАВКОВА

**Семантика и прагматика
вида и времени глагола
В ВЫСКАЗЫВАНИИ**

На материале русского и болгарского языков

Содержание

Введение	9
-----------------------	---

Глава 1.

Роль контекста в выражении аспектуальности в высказывании	29
--	----

1. Немаркированные по виду глаголы в русском и болгарском языках.....	29
--	----

1.1. Аспектуальная интерпретация биаспективов в тексте.....	39
---	----

1.1.1. Временные наречия и конструкции.....	39
---	----

1.1.2. Выражение цели и причины.....	41
--------------------------------------	----

1.1.3. Наличие однородных предикатов.....	42
---	----

1.1.4. Вид глагола и определенность имени.....	44
--	----

1.2. Компенсирующие средства, обеспечивающие семантизацию аспектуальной характеристики высказывания с биаспективами.....	50
---	----

1.2.1. Синонимическая замена глагольно-именными словосочетаниями.....	50
---	----

1.2.2. Словообразовательная продуктивность префиксов и использование окказионализмов.....	53
--	----

1.2.3. Пассивные конструкции.....	54
-----------------------------------	----

1.2.4. Конструкции с деепричастиями и причастиями.....	56
--	----

2. Актуализация аспектуальных значений в высказывании и роль семантического класса предиката в аспектуальной интерпретации высказывания.....	61
--	----

Глава 2.

Выражение общефактического значения глаголов в русском и болгарском языках	83
---	----

1. Роль глагольных времен при выражении общефактического значения в прошедшем времени.....	86
---	----

1.1. Общефактическое значение несовершенного вида в утвердительных высказываниях.....	86
--	----

1.1.1. Конкретно-референтная разновидность общефактического значения	89
1.1.2. Экзистенциальная разновидность общефактического значения.....	93
1.1.3. Непредельная разновидность общефактического значения	97
1.2. Общефактическое значение несовершенного вида в вопросительных высказываниях	106
1.2.1. Общие вопросы с несовершенным перфектом в болгарском языке и их соответствия в русском.....	106
1.2.2. Общие вопросы с несовершенным аористом в болгарском языке и их соответствия в русском.....	108
1.2.3. Общефактическое значение несовершенного вида в частном вопросе	113
1.3. Вопрос о конкуренции видов в прошедшем времени	126
2. О возможности называния «факта действия» в будущем времени.....	128
3. Общефактическое значение в болгарских <i>да</i> -конструкциях и их соответствия в русском.....	136
3.1. <i>Да</i> -вопросы с глаголом в форме презенса	140
3.2. <i>Да</i> -конструкции с глаголом в форме перфекта.....	147

Глава 3.

Роль видо-временных форм глагола в реализации коммуникативной направленности высказывания	153
1. Вид и время глагола в перформативных высказываниях ..	153
2. Перформативы в теории речевых актов	163
3. Вид и время перформативов и связь с категорией вежливости	170
3.1. Перформативные высказывания, допускающие одну видо-временную форму.....	170
3.2. Перформативные высказывания, допускающие две видо-временные формы	173
3.3. Перформативные высказывания, допускающие три видо-временные формы	176

3.4. О возможных причинах неравномерного распределения видо-временных форм перформативных глаголов в различных типах речевых актов	197
--	-----

Глава 4.

Специфические прагматические функции некоторых глагольных префиксов	203
--	------------

1. Русские глаголы, полученные путем внешней префиксации, и их болгарские соответствия	207
---	-----

1.1. Селективно-ограниченные префиксы в русском языке и их болгарские соответствия.....	207
--	-----

1.2. Позиционно-ограниченные префиксы в русском языке и их болгарские соответствия.....	211
--	-----

1.3. Русский дистрибутивный префикс <i>по-</i> и его болгарские соответствия	212
---	-----

2. Об интенсифицирующей функции префиксов <i>по-</i> , <i>под-</i> и <i>при-</i> и роли контекста	213
--	-----

2.1. Прагматические функции префиксов, присоединяемых к глаголам деятельности несовершенного вида	218
--	-----

2.2. Прагматические функции префиксов, присоединяемых к событийным глаголам совершенного вида	230
--	-----

2.3. Вторичная имперфективация делимитативов и аттенуативов в их функции интенсификаторов	236
--	-----

Заключение	249
-------------------------	------------

Библиография.....	253
--------------------------	------------

Введение

В предлагаемой работе категория вида глагола анализируется на основе сопоставления русского и болгарского языков как с учетом лексико-семантических и морфосинтаксических характеристик глагола, так и с точки зрения их прагматических функций в некоторых видах речевых актов. Типологические исследования языков различной структуры показывают, что аспектуальное значение в высказывании далеко не всегда выражается одинаково. Более того, даже в близкородственных языках, могут наблюдаться значительные расхождения в способах выражения категории вида и шире – категории аспектуальности (ср., например, славянские языки восточной и западной группы с одной стороны, и южнославянские, в частности, болгарский и македонский, – с другой). Эта особенность влечет за собой и различия в контекстном оформлении аспектуальной информации. В предлагаемой работе рассматриваются некоторые механизмы взаимного влияния различных носителей аспектуальной характеристики высказывания, в частности, вопрос о том, каким образом видовая характеристика глагольного слова интегрируется в структуру высказывания, как она взаимодействует с другими элементами высказывания и как контекст способствует ‘созданию’ (структурированию) и декодификации аспектуальной характеристики высказывания.

Как известно, в рамках одного языка одно и то же грамматическое значение может выражаться различными показателями. Это явление асимметрии между определенным грамматическим значением и средствами его выражения, известное под названием *layering*, было описано в работе Hopper 1991, где, в частности, отмечается: “Within a broad functional domain, new layers are continually emerging. As this happens, the older layers are not necessarily discarded, but may remain to coexist with and interact with the newer layers” (Hopper 1991: 22). Иными слова-

ми, процесс замены ('выдавливания') старых средств выражения определенного грамматического значения новыми происходит медленно и предполагает некоторый период одновременного присутствия в языке и тех и других грамматических показателей: "The Principle of Layering refers to the prominent fact that very often more than one technique is available in a language to serve similar or even identical functions" (Hopper 1991: 23). Более того, развитие отдельных категорий может привести к перераспределению некоторых функций, а также к появлению новых. Примером является болгарский язык, обладающий усложненной видо-временной системой, в которой видовая оппозиция *совершенный : несовершенный вид* накладывается на аспектуальное противопоставление *аорист : имперфект*. При этом глаголы обоих видов в болгарском языке достаточно свободно комбинируются с аспектуальными показателями темпоральной системы. В результате, возможны случаи удвоения выражения видового значения: *Прочетох*^{CB-аор} *книгата* или, наоборот, сочетание показателей противоположных аспектуальных характеристик *Четох*^{НСB-аор} *книгата*. Поэтому изучение аспектуального функционирования предикатов в болгарском языке предполагает помимо анализа их видовой и акциональной характеристики также обязательный учет аспектуальных функций грамматических времен. Отдельно стоит рассмотреть роль артикля (как выразителя определенности имени) в болгарском языке и роль референтности в русском.

Известно, что в высказывании, наравне с обязательными (грамматикализованными), средствами выражения вида, присутствуют и другие, факультативные (словообразовательные, лексические, синтаксические) средства, дублирующие аспектуальную информацию. Самым простым примером такого «удвоения» грамматического выражения вида, например, является специфическое употребление обстоятельств времени. Так, например, в тех случаях, когда моментальные глаголы несовершенного вида (пунктивы) сопровождаются наречиями кратности и / или квантифицированным прямым объектом имеет место простое удвоение аспектуального значения:

(1) Я не раз **находил** в лесу грибные хранилища белок (НКРЯ)¹

(2) Володя **находил** потрясающие сюжеты, знакомил телезрителей с западными эстрадными звёздами (НКРЯ)

(3) В парке **находили** трупы самоубийц, трупы расстрелянных (НКРЯ)

В примере (1) обстоятельство *не раз* дублирует значение многократности, содержащееся в семантике глагола *находить*, а в примерах (2) и (3) это же значение поддерживается множественным числом исчисляемых существительных в функции прямого объекта.

Роль контекста можно показать на примере (4), где объект в единственном числе может способствовать общефактической интерпретации прошедшего времени НСВ, в том смысле, что действие могло иметь место один только раз.

(4) Еще с бассейном в подвале **находил** квартиру в Мегельдорфе, тоже коммуналка там была немаленькая, ну и бассейн в подвале под квартирой меня смущает, если честно.²

Возможны также случаи, высвечивания одного из аспектуальных значений основы предельного имперфектива, как в

¹ Источником примеров в работе будет материал словарей, *Национальный корпус русского языка* (далее НКРЯ), в том числе параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ. Большинство болгарских примеров взято из Национального корпуса болгарского языка (*Български национален корпус*, далее БНК), из специализированного корпуса *Корпус на българската политическа и журналистическа реч*, а также из поисковых систем Google и Yandex (интернет-источники указаны в каждом отдельном случае). Во всех примерах сохранена авторская орфография и пунктуация. Некоторые (немногочисленные) примеры специально сконструированы.

² <https://moonkan.livejournal.com/622222.html> – последнее обращение 17.09.2020.

примерах (5) и (6). При помощи этого механизма набор потенциальных аспектуальных значений конкретной глагольной основы сужается до одного, и таким образом двусмысленность снимается:

(5) Наш журнал уже не раз **писал** о технологиях, которые помогли бы обойтись без традиционного бензина (НКРЯ)

(6) Следовательно что-то долго **писал** на листе бумаги, потом снова поднял глаза на старика (НКРЯ)

Другим фактором, способствующим интерпретации аспектуальной информации предельного имперфектива, является грамматическое число объекта или вообще кратность ситуации:

(7) По документам вообще было так: он **строил** эти здания как бы для себя, а потом минобразования у него их выкупало.³

К сказанному можно добавить также, что в болгарском языке дублирование аспектуальной семантики может проявляться в отмеченном выше сочетании видовых и темпоральных характеристик предикатов. Типичным примером являются формы совершенного аориста (8) и (9) и несовершенного имперфекта глаголов 10) – (11):

(8) Спартанците **застанаха**^{СВ-аор} мирно и **отдадоха**^{СВ-аор} чест (БНК)

(9) Кийс **отговори**^{СВ-аор} на поздрава (БНК)

(10) Беше открил черпака и сега **сипваше**^{НСВ-имперф} супа в две купи (БНК)

³ <http://ulyanovsk.fas.gov.ru/node/24541> – последнее обращение 17.09.2020.

(11) Тео вече бе измъкнал пакета с чипс и го **отваряше**^{НСВ-имперф} (БНК)

Кроме того, в болгарском языке вступает в действие еще один фактор, а именно, определенность и референтность имени. Однократность законченного (хотя и комплексного) действия, выраженного аористом предельного глагола совершенного вида требует референтного объекта (*прочетох книгата / една книга / няколко книги*). Имперфект предельного глагола НСВ сам по себе недостаточен для аспектуального толкования. В сочетании с множественным числом как определенного (12), так и неопределенного (13) объекта⁴ такие формы выражают итеративность:

(12) С еднакъв интерес **поглъщах**^{НСВ-имперф} научните книги от библиотеката на баща ми и романите на Дикенз, които мама ми **четеше**^{НСВ-имперф} (БНК)

(13) Някога България **произвеждаше**^{НСВ-имперф} телевизори.⁵

В сочетании с единственным числом объекта – скорее всего процесс (14), хотя при наличии других показателей кратности, вне зависимости от грамматического числа объекта, на передний план выступает повторяемость процесса, как в (15).

(14) Среброкосият елф седеше на кухненската си маса и **четеше**^{НСВ-имперф} опърпан свитък (БНК)

(15) Йордан всеки ден **четеше**^{НСВ-имперф} библията, въпреки че цитираше точно пасажи от нея.⁶

⁴ Речь, конечно, об исчисляемых именах.

⁵ <https://bazar.bg/obiava-24524664/niakoga-balgariia-proizvezhdashe-televizori> – последнее обращение 17.09.2020.

⁶ https://lupa.bg/news/ubitite-krai-negovan-bili-evangelisti_20664news.html –

Все эти примеры подтверждают важность обращения к тексту для интерпретации значения глагольных времен, что было отмечено уже в работе Weinrich 1978 [1964], где подчеркивается, что видо-временные морфемы, присоединяясь к глагольной основе, относятся на самом деле к целым фрагментам текста – до тех пор, пока не ‘одержит верх’ новая временная морфема (1978: 37). И действительно, коммуникативная организация текста предусматривает не только выбор видовых форм, но и выбор других компонентов текста. В этом смысле, в отношении романских языков, а также английского, П.М. Бертинетто анализирует видовые значения временных форм на уровне высказывания и текста (Bertinetto 1997, 2003). По мнению итальянского ученого это вызвано необходимостью уточнить, конкретизировать неясное, размытое видовое значение (*‘valore aspettuale ancipite’*) как *Simple Past* в английском, так и *Passato prossimo* в итальянском (Bertinetto 2003: 141), для интерпретации видового значения которых требуются дополнительные морфосинтаксические показатели (там же: 142).

Таким образом, становится очевидным, что, изучая вид глагола, мы должны учитывать практически все уровни языка – лексический, морфологический, синтаксический. Иными словами, мы не можем абстрагироваться от акциональной характеристики глагольного слова, от морфологических механизмов и словоизменительных и словообразовательных средств, а также от синтаксических условий реализации лексической семантики глагола. В различных языках каждый из этих уровней имеет различный удельный вес. По этой причине аспектуальные свойства глаголов должны рассматриваться с точки зрения их синтаксического потенциала в том смысле, что языковые единицы обладают определенным потенциалом, который реализуется в речи «во взаимодействии с ее средой» (Бондарко 1987: 17). Как мы покажем ниже, кроме семантических и морфосинтаксических характеристик глагола и его аргументов, немаловажную роль в выборе вида играет и комму-

последнее обращение 17.09.2020.

никативное намерение говорящего, его прагматическая установка, отношения между собеседниками (их близость или, наоборот, дистанцированность), категория вежливости.

В связи со всем вышесказанным, далее мы будем говорить о виде как о лексико-семантической и морфологической (словообразовательной) категории глагола славянского типа, в то время как термин аспект целесообразно использовать в отношении неславянских европейских языков как категорию морфологическую (словоизменительную). Термин же аспектуальность будет использоваться в применении к высказыванию в целом, к его семантико-синтаксическим характеристикам, с учетом расширенного контекста.

Анализируя глагольный вид в славянских языках, исследователи, как правило, основываются на двух базовых работах, которые и определили основные направления в исследовании глагольного вида. Речь идет о работах Маслов 1948 и Vendler 1957, в которых учеными независимо друг от друга, на материале русского и английского языков, соответственно, были впервые выделены семантические (акциональные) классы глаголов.⁷ Было установлено, что принадлежность к тому или иному классу обуславливает в английском языке ограничения на некоторые формы времени, а в русском – возможность или невозможность образовывать видовые пары или сам тип видовой пары.⁸ Все последующие исследования аспектуальности – как славянских, так и неславянских языков, – как правило, учитывают и развивают акциональную классификацию Венд-

⁷ В обеих работах авторы, независимо друг от друга, проводят четкое разграничение семантических (акциональных) классов глагола. З. Вендлер выделяет четыре семантических класса глаголов: *states*, *activities*, *achievements*, *accomplishments*. В русском первым двум классам соответствуют глаголы *imperfectiva tantum*, в частности, это глаголы состояния и деятельности; глаголы класса *achievements* в русском образуют так называемые тривиальные видовые пары, а глаголы класса *accomplishments* – предельные.

⁸ Подход и терминология Вендлера были применены на русском материале в работе Мелиг 1985.

лера, видя в ней универсальный подход к изучению типов ситуаций, описываемых глаголами. Среди работ, посвященных славянскому виду, нужно упомянуть как исследования, проведенные в семантико-грамматическом ключе (Forsyth 1970, Antinucci, Gebert 1976 – 1977, Comrie 1976, Gebert 1991), так и опирающиеся на когнитивный подход к описанию языковых явлений (Dickey 2000, Janda 2013). Типологический подход представлен в работах Аркадьев 2008 и 2015, Плунгян 2011а, Wiemer, Seržant 2017.

Наш анализ будет основываться на сопоставлении русского и болгарского языков. Выбор двух славянских языков обусловлен их принадлежностью к различным языковым ареалам, неодинаковыми условиями исторического развития, в том числе с точки зрения языковых контактов и, в результате, существенными различиями в выражении времени, вида и именных категорий.

В отношении русского языка будем исходить из положения, что каждый глагол совершенного или несовершенного вида выражает не одно аспектуальное значение, а набор значений: «Перфектив, так же, как и имперфектив – это не конкретное аспектуальное значение, а пучок функций. [...] Сложность описания категории вида в славянских языках объясняется не в последнюю очередь именно тем, что единственная бинарная оппозиция несёт в этих языках очень большую функциональную нагрузку, выражая с помощью двух граммем весь спектр количественных и линейных аспектуальных значений» (Плунгян 2003: 303).⁹

Иными словами, в бинарной видовой системе каждый глагол совершенного или несовершенного вида должен неизбежно рассматриваться как «емкость», которая включает более одного аспектуального значения. Если исходить из этого положения, то придется признать, что в каждом отдельном случае употребления глагола определенного вида в тексте должны

⁹ Ср. также понятие аспектуального кластера в другой работе В.А. Плунгяна (2011б: 402 и след.).

присутствовать элементы, позволяющие актуализировать одно только значение, блокируя остальные, потенциально возможные, но не реализуемые в данном конкретном контексте.

В отношении русского языка мы принимаем положение, что глаголы несовершенного вида выражают значения дуратива, хабитуалиса и прогрессива, а глаголы совершенного вида совмещают семантику пунктива и лимитатива.¹⁰

Болгарский язык, как известно, вписывается в общеславянскую модель вида в том смысле, что основная форма глагола¹¹ уже охарактеризована по виду. Как и в русском языке, глаголы совершенного вида совмещают семантику пунктива и лимитатива, а лексемам несовершенного вида присуще значение дуратива, хабитуалиса и прогрессива. В дополнение к сказанному необходимо отметить наличие характерных для болгарского языка стандартных словообразовательных моделей, приводящих к регулярному образованию имперфективных deverбативов от приставочных парных глаголов совершенного вида благодаря механизму вторичной имперфективации. В результате, намного чаще, чем в русском языке, приходится говорить о видовых тройках (*пиша / напиша / написвам, строя / постройка / постройка, каня / поканя / поканвам*).¹²

Помимо сказанного, можно добавить, что для болгарского языка характерна разветвленная система глагольных времен, среди которых важно особо отметить аспектуально релевантные аорист и имперфект. При этом показатели вида и времени в болгарском языке комбинируются практически без ограни-

¹⁰ Пунктив и лимитатив в терминологии В.А. Плунояна – это граммы, служащие для «свертывания» длительных ситуаций до мгновенных, в результате чего процесс может быть представлен как ситуация «эквивалентная точке» или как «ограниченный отрезок» (Плуноян 2003: 301-302).

¹¹ Т.е. форма 1 л. ед.ч. наст. времени, поскольку в болгарском нет инфинитива.

¹² Глаголы, полученные путем вторичной имперфективации, однако, не всегда имеют полную временную парадигму: они активно употребляются только в некоторых временных формах (таких, как настоящее историческое, настоящее и имперфект со значением повторяемости).

чений – по крайней мере, достаточно свободно, чтобы в результате мы получили или простое удвоение видового значения, как в примерах (16) и (17), или такие семантически сложные и аспектуально конфликтные формы, как имперфект совершенного вида в примере (18) и аорист несовершенного вида в примере (19)¹³:

(16) **Прочетох**^{СВ-аор} книгата.

(17) **Докато четях**^{НСВ-имперф} книгата, се смеех на глас.

(18) След като **прочетях**^{СВ-импф} книгата, **излизах**^{НСВ-имперф}.

(19) Какво **прави**^{НСВ-аор} вчера? **Четох**^{НСВ-аор} (една) книга / книгата.

Таким образом, в болгарском высказывании присутствуют, накладываясь один на другой, два ряда средств выражения аспектуальной характеристики: собственные видовые значения глагольных лексем и аспектуальные значения прошедших глагольных времен (аориста и имперфекта). При этом отдельные элементы контекстного окружения глагольных форм могут выборочно связываться с конкретными аспектуальными значениями, потенциально присутствующими в глагольной форме. В этой связи, необходимо отметить, что, наравне с грамматическими, т.е. обязательными (см. Якобсон 1998: 234), показателями в высказывании могут присутствовать и другие, дополнительные (факультативные), средства передачи аспектуальной характеристики ситуации (словообразовательные, лексические, просодические, синтаксические), которые поддерживают грамматическое значение. Более того, средства выра-

¹³ В. Брой, анализируя видовременную систему молизско-славянского языка, называет похожие комбинации перфекта СВ и имперфекта НСВ внутренне гомогенными, а комбинации перфекта НСВ и имперфекта СВ – противоречивыми (Брой 2006: 77-78).

жения вида, обычно выполняющие вторичную, дублирующую функцию, в некоторых случаях могут становиться единственным и основным средством аспектуальной идентификации. К сказанному можно добавить, что, как справедливо замечает Ö. Dahl, выбор носителя грамматического значения не всегда является свободным и не зависящим от контекста: “In general, the choice of values of grammatical categories is bound either by the syntactic context or by factors in the speech situation” (Dahl 2004: 49–50).

Система времен, засвидетельствованная в церковно-славянских текстах русской редакции, распространенных на Руси после принятия христианства, отличается в незначительной степени от системы времен старославянского языка южнославянской¹⁴ редакции. Этот факт объясняется влиянием южнославянской языковой системы, проникшей в Киевскую Русь благодаря распространению первых переводов церковных документов в XI веке, которые воспринимались как образец книжного языка и которые обслуживали в первую очередь сферу духовной и культурной жизни на Руси: «В этот период, специфические особенности которого связаны с формированием древнерусского языкового единства, распространяется и книжнописьменный язык на старославянской основе как язык государства и официальной церкви, являвшейся неременным атрибутом средневековой государственности и культуры» (Горшкова, Хабургаев 1997: 31). Отношения и связи между древнерусским и церковнославянским языками подробно анализируются Б.А. Успенским (1994, 2002), который определяет языковую ситуацию в Древней Руси как реализацию модели диглоссии (2002: 31). Временная система, представленная в церковных текстах древнерусского периода,¹⁵ отличается

¹⁴ В болгарскоязычной литературе чаще употребляется термин старобългарски [древнеболгарский], поскольку этот период письменности рассматривается в составе общей периодизации истории болгарского литературного языка. В работах историков языка древнеболгарский период ограничен IX – XI веками (Харалампиев 2001, Славова 2017)

¹⁵ Согласно общепринятой периодизации древнерусский период охватыва-

большим разнообразием и включает, в частности, в плане прошедшего, такие формы как аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. В то же время наблюдались и существенные различия в системах церковнославянского языка русской редакции и древнерусского языка, засвидетельствованного, например, в юридических и административных текстах, близких по своей структуре к устной речи. Действительно, установлено, что в русском деловом письме редко использовались такие формы, как аорист (присутствующий частично в севернорусских грамотах до XIII века),¹⁶ в то время как формы имперфекта практически отсутствуют (хотя и засвидетельствованы в церковнославянских текстах, распространенных на Руси в XII–XIV вв.): «имперфект существовал в русском языке еще в XI–XII вв., но в грамотах, Русской Правде и других памятниках делового языка имперфект не встречается ни разу; можно думать, что он был утрачен живым языком не позже XII в.» (Дурново 2000 [1924]: 303).¹⁷ Как правило, указанные глагольные формы в древнерусских текстах нецерковного характера заменялись формой перфекта, которая к тому же нередко имела аористическое значение, что подтверждает несвойственность форм аориста живой речи, а также недифференцирован-

ет IX – XIV вв. (Горшкова, Хабургаев 1997: 30); он включает также время первого южнославянского влияния (XI – XIV вв.), в которое формируется русская редакция церковнославянского языка.

¹⁶ «Аорист в южнорусских и западнорусских говорах был утрачен очень рано, так как из памятников, писанных в области этих говоров, встречается лишь в сочинениях церковного характера и летописях и вовсе отсутствует в грамотах и других памятниках делового письма. Но в севернорусских говорах, аорист, по-видимому сохранялся несколько дольше. [...] такие указания дают новгородские и двинские грамоты, в которых формы аориста, правда, больше в традиционных формулах, попадают изредка еще в XIV–XV вв.» (Дурново 2000 [1924]: 303–304). Это утверждение подтверждается данными подкорпуса «берестяные грамоты» НКРЯ, где на шесть вхождений имперфекта и 42 словоупотребления аориста приходится 514 форм перфекта (чаще всего без связки) – данные на 12.10.2020.

¹⁷ Ср. также по этому поводу Горшкова, Хабургаев 1997: 320–321.

ность семантики аориста и перфекта (Успенский 2002: 216).¹⁸ Более того, в нелитературных текстах с одной стороны наблюдается использование форм перфекта для обозначения прошедших действий, выражаемых в церковнославянских текстах простыми претеритами, с другой – в силу отсутствия у древнерусских писцов навыков в употреблении аориста и имперфекта в устной речи нередко имеет место создание контаминированных форм аориста и имперфекта (Успенский 2002: 220). Экспансия форм перфекта, которые начинают выражать, помимо своего собственного значения, значения аориста и имперфекта приводит к тому, что основным прошедшим временем в русском языке становится перфект (не всегда, однако, имеющий перфектное значение),¹⁹ который постепенно теряет связку, но в формах которого – сначала на лексическом уровне – начинают кристаллизоваться видовые различия: «Таким образом, в плане содержания внутри прош. времени имеет место противопоставление по виду: церковно-славянский язык испытывает здесь влияние русского книжного языка. В плане выражения каждому из членов видовой оппозиции соответствует не один, а два набора средств выражения, т.е. соверш. вид выражается формами аориста и формами перфекта типа *дал есть*, а несоверш. вид выражается формами имперфекта и формами перфекта типа *давал есть*» (Успенский 2002: 225). Противопоставление в данном случае осуществляется в первую очередь по признаку кратности, который, по мнению некоторых ученых, стал базой для развития категории вида в русском языке.

С точки зрения словообразования связь развития видовых противопоставлений с категорией кратности обнаруживает в своем анализе и Т.П. Ломтев, который в основу развития видовой коррелятивности кладет категорию неопределенности и

¹⁸ См. о русском перфекте также Майсак и др. 2016.

¹⁹ В этой связи показательное присутствие в семантике современных форм русского прошедшего времени значений аориста и имперфекта, в частности, это видно из интерпретации подвидов общефактического значения НСВ в современном русском языке (об этом подробнее см. во Второй главе).

определенности, которая в русском языке в ‘довидовой’ период касалась только бесприставочных глаголов. При этом определенность понималась как некратность и недлительность, а неопределенность – как кратность и длительность. Однако главным толчком в формировании категории вида по Ломтеву стала перфективация путем префиксации бесприставочных глаголов, от которых в свою очередь образовались соответствующие глаголы несовершенного вида: «Видовая коррелятивность складывалась именно внутри приставочных глаголов, а не внутри бесприставочных глаголов; внутри бесприставочных глаголов была коррелятивность, но эта коррелятивность охватывала некоторую часть глаголов, и соотносительные формы различались по характеру длительности действия, его определенности и неопределенности» (Ломтев 1958: 244). Участие же бесприставочных глаголов в видовой корреляции с приставочными представляет собой явление более позднее и не обязательное (там же: 245). Следы связи оппозиции *совершенный : несовершенный вид* с категорией кратности в русском языке мы находим в глаголах движения, в тривиальных видовых парах, основанных на отношении простой кратности (таких, как *находить – найти, приходиться – прийти*), в видовых тройках – таких, как *есть – съесть – съесть, копать – выкопать – выкапывать*, где первый и второй член тройки образуют предельную видовую пару (т.е. называют, соответственно, предельный процесс, который может употребляться и в повторительных контекстах, и его результат), а второй и третий член тройки образуют тривиальную пару и называют однократное или неопределенной кратности моментальное действие. Видовые тройки выделялись в особую категорию в Гловинская 2001 (145). Данная ситуация, считавшаяся до недавнего времени в русском языке ‘нестандартной’, в последнее время рассматривается как регулярная, в особенности с появлением возможности проводить лингвистические исследования на базе НКРЯ. Обращение к корпусу и к другим электронным источникам показывает регулярность механизма вторичной имперфективации, его продуктивность и потенциальную приме-

нимость к любому префигированному глаголу совершенного вида (см. об этом в Зализняк, Микаэлян 2010, а также, более подробно, в Зализняк и др. 2015). Однако, что именно считать видовой парой и как рассматривать возможность одновременного вхождения одного и того же глагола совершенного вида в парные отношения и с простым имперфективом (*simplex*), и с вторично имперфективированным глаголом несовершенного вида у исследователей русского языка не находит однозначного ответа. В работе Зализняк, Микаэлян 2010 отношения двух глаголов несовершенного вида рассматриваются как парадигматические отношения синонимии: «Тот факт, что многие русские приставочные глаголы сов. вида вступают в такую корреляцию с двумя разными глаголами несов. вида означает только, что в этом участке системы, помимо собственно аспектуальной корреляции, в игре участвуют также парадигматические отношения лексической синонимии. Видовая тройка – результирующая этих двух факторов» (Зализняк, Микаэлян 2010: 134). В других работах акцент ставится на регулярности видовых пар, полученных путем вторичной имперфективации. Выдвигается тезис о прототипичности именно словоизменительной модели реализации категории вида в русском языке, представленной механизмом образования видовой пары путем создания вторично имперфективированного парного коррелята за счет добавления к уже префигированному глаголу совершенного вида специального показателя с семантикой имперфективности (Горбова 2015, 2017). Здесь необходимо отметить, что вопрос о двух коррелятах несовершенного вида к одному и тому же значению префигированного перфектива рассматривался более полувека тому назад в отношении болгарского языка, в котором суффиксы вторичной имперфективации достигли максимальной грамматикализации и приобрели «исключительно видообразующий характер» (Андрейчин 1962: 233). Этот факт особой морфологической регулярности видовых пар в болгарском языке отмечался и Ю.С. Масловым как особая черта болгарского языка, отличающая его от остальных славянских языков. Эта «почти неограниченная спо-

способность образования в болгарском языке производных основ несовершенного вида» Масловым оценивается как признак высокого развития вида, признак «чрезвычайно последовательного осуществления в болгарском языке основной тенденции, наблюдаемой в развитии видовой системы во всех славянских языках» (1955: 47 – разрядка наша, С.С.). И действительно, эта тенденция, выявленная Масловым более полувека тому назад, сегодня подтверждается в работах исследователей, пользующихся новыми средствами и способами сбора языкового материала, позволяющих ориентироваться на реальную естественную речь носителей русского языка.²⁰

Кристаллизации понятия видовой коррелятивности глаголов в его современном понимании предшествовали многочисленные работы, посвященные деривационным процессам, в том числе роли суффиксации и префиксации в формировании категории глагольного вида. В современной аспектологии в связи с этим сегодня мы говорим о специфическом славянском типе аспекта (см. *slavic-style aspect* в Dahl 1985: 84) и о пучках функций, приписываемых каждому из видов (Плунгян 2011б). Тем не менее, сложная аспектуальная семантика, однако, как мы уже сказали, не концентрируется полностью на глагольном слове, ее выражение распределяется внутри всего высказывания.

Возвращаясь к формам прошедшего времени древнерус-

²⁰ В этом же ключе можно рассматривать также тезис И.Г. Милославского о двусемности русских глагольных приставок. Согласно предлагаемой концепции, присоединяясь к простой глагольной основе (*simplex*), префиксы «реализуют два компонента значения», совмещая свою собственную семантику (результативности, способов действия и пр.) со значением кратности и образуя таким образом глагол совершенного вида. В процессе вторичной имперфективации присоединение суффикса *-ыва-/-ива-* «зачеркивает ту часть значения приставки, которая сообщает о том, что действие или состояние имело место либо один раз, либо было успешным, т.е. ту часть значения, которая имеет своим следствием СВ глагола» (Милославский 2002: 110) и при этом «оставляет в неприкосновенности другую, уже не связанную с видом часть значения приставок» (там же: 110-111).

ского языка, повторим, что развитие категории вида в русском языке интерпретируется историками языка именно как следствие утраты простых претеритов в древнерусском (Горшкова, Хабургаев 1997: 347), а специализация суффиксов *-ыва-/-ива-* в качестве средств имперфективации в русском языке, оформление категории вида и ее отделение от категории времени рассматривается как долгий историко-лингвистический процесс, завершившийся в общих чертах кодификацией русского литературного языка в XVII – XVIII вв.: «Хотя противопоставленность совершенного и несовершенного вида начала развиваться очень рано, наиболее активное развитие данной категории имело место на протяжении XIII века, а завершение этого процесса наступило лишь к концу XVII века» (Galster 1982: 193).²¹

В болгарском языке разветвленная система глагольных времен старославянского языка, не только сохраняется и развивается, но и усложняется еще больше за счет выражения глагольного вида каждой исходной глагольной лексемой. В результате, в языковой системе присутствуют два вида глагола (совершенный и несовершенный), а также морфологически оформлены как абсолютные времена, так и относительные.²² Самым независимым из прошедших времен в болгарском языке является аорист, который образуется без ограничений как от

²¹ Ср. также: «К XVII в. категория вида глагола приобрела то состояние, какое обнаруживается в современном языке: каждый глагол относится к совершенному или несовершенному виду (за исключением немногих так называемых двувидовых глаголов)» (Иванов 1990: 348).

²² К абсолютным временам относятся презенс, аорист, перфект и будущее время, а к относительным – имперфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем или *futurum preteriti*, будущее предварительное или *futurum exactum*, будущее предварительное в прошедшем или *futurum exactum preteriti* (Грамматика 1998: 101). Любомир Андрейчин в составе абсолютных времени выделяет настоящее, прошедшее совершенное (аорист) и будущее и шесть относительных, выражающих сложные хронологические отношения, к которым относятся прошедшее несовершенное (имперфект), прошедшее неопределенное (перфект), прошедшее предварительное (давнепрошедшее), будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем и будущее предварительное время (1972 [1944]: 145-146).

глаголов совершенного вида, так и от глаголов несовершенного вида, придавая действию значение единичности и ограниченности во времени (не случаен тот факт, что в болгарской лингвистической терминологии это время называется *минало свършено време* ‘прошедшее завершившееся’). Рассматривая противопоставление аориста и имперфекта с точки зрения аспектуальной семантики, Б.Ю. Норман пишет следующее: «Таким образом, если аористу мы приписываем событийную семантику, то для имперфекта характерна семантика процессуальная» (1980: 140). Однако процессная семантика имперфекта реализуется только в том случае, если она совместима с семантикой глагольной лексики (состояние, деятельность процесс). Если же глагол несовершенного вида называет событие, то имперфект этого глагола будет иметь уже не процессуальное значение, а итеративное (*намираше, спъваше се, срещаше*). Таким образом, процессная семантика имперфекта (из-за которой он и получил название *минало несвършено време* ‘прошедшее незавершившееся’) может проявляться не всегда, в то время как итеративная не имеет ограничений: она возможна как у глаголов с событийной семантикой (*Всеки ден се среща с Иван* ‘Он каждый день встречался с Иваном’), так и у глаголов, совмещающих значение процесса (*Всеки ден четеше книгата* ‘Каждый день читал (эту) книгу’), и события (*Всеки ден четеше по един разказ* ‘Каждый день читал по рассказу’). Таким образом, в современном болгарском языке выделяются на уровне высказывания два фундаментальных противопоставления, участвующих в формировании аспектуальной характеристики предложения – оппозиция *аорист : имперфект* (которая проявляется только в прошедшем времени) и оппозиция *совершенный : несовершенный вид* (проявляющаяся во всех глагольных формах, спрягаемых и неспрягаемых). Эти два типа противопоставлений отмечены в работе Маслов 1959, где определены два типа аспектуальных противопоставлений: оппозиция ‘совершенство – несовершенство’, которую следует рассматривать как вид в узком смысле, и грамматическое разграничение ‘имперфект – аорист’, определяемое как вид в ши-

роком смысле (165).

На основании анализа функционирования видов и организации категории глагольного вида в славянских языках Е.В. Петрухина особо подчеркивает «в целом однотипные функциональные различия между СВ и НСВ, проявляющиеся прежде всего в том, что при обозначении актуально длящегося процесса (в частности, совпадающего с моментом речи) и в сочетании с фазовыми глаголами не могут быть употреблены глаголы СВ, а только глаголы НСВ, которые при таком употреблении противостоят глаголам СВ, но в определенных контекстуальных условиях во всех славянских языках возможно и синонимическое употребление глаголов разного вида» (Петрухина 2000: 57). Отметим, однако, некоторые различия, имеющие важное значение для нашего исследования. Нужно, например, подчеркнуть тот факт, что между членами видовой пары в болгарском языке возникают строгие, в значительной степени регулярные словообразовательные отношения. Несмотря на наличие противопоставления *аорист* : *имперфект*, так же последовательно осуществляется вторичная имперфективация, когда от всех глаголов совершенного вида при помощи нескольких специализированных суффиксов образуются соответствующие корреляты несовершенного вида. В русском языке данный процесс тоже имеет место, он менее ярко выражен, хотя, как мы увидим далее, использование данных лингвистических корпусов, в частности, НКРЯ, показывает тенденцию к большей свободе в создании вторично имперфективированных глаголов (в том числе парных коррелятов уже префигированных глаголов совершенного вида, что приводит к созданию так называемых видовых троек).

Еще одна важная особенность русского и болгарского языков касается так называемых двувидовых глаголов, имеющих общую видовую основу и употребляемых в значении как совершенного, так и несовершенного вида.

При беглом, поверхностном взгляде может показаться, что биаспективы в болгарском и русском языках развиваются в противоположных направлениях. Так, в отношении русского

языка отмечается стойкая тенденция к перфективации базовых двувидовых глаголов типа *анализировать, штрафовать* в основном путем префиксации (ср. *проанализировать, оштрафовать* и т.д.) при сохранении немногочисленных двувидовых, как исконных (*женить(ся), казнить, исследовать*), так и заимствованных (*аннулировать, ликвидировать*) (Чанг 1997, Черткова, Чанг 1998, Андросюк 2015). В болгарском языке соответствующие глаголы, оставаясь формально двувидовыми, наоборот, вписываются в систему регулярных аспектуальных противопоставлений. Эта ситуация объясняется Св. Иванчевым прежде всего отсутствием необходимости в возникновении соответствующих коррелятов совершенного вида в болгарском языке, так как видо-временная оппозиция в болгарском, в отличие от русского, поддерживается формами аориста и имперфекта (Иванчев 1971: 171 – 183). Тем не менее, и в русском языке сохраняются биаспективы, которые не подвергаются процессам перфективации или имперфективации. Задаваясь вопросом о причинах устойчивости этой группы глаголов, мы проанализировали контексты, способствующие, по нашему мнению, сохранению биаспективов в русском и болгарском языках, а также языковые средства, в некотором смысле компенсирующие отсутствие видового коррелята (чаще всего) совершенного вида.

Глава 1.

Роль контекста в выражении аспектуальности в высказывании

1. Немаркированные по виду глаголы в русском и болгарском языках

Как известно, стандартная видовая система славянских языков представлена глаголами совершенного и несовершенного вида. Тем не менее, в нее входит еще одна группа глаголов, вид которых не маркирован на лексическом уровне. Эти глаголы представлены во всех славянских языках, хотя и наблюдаются неодинаковые процессы при их вхождении в аспектуальную систему различных языков. Наиболее частотным и регулярным является феномен «моноаспектуализации», т.е. специализация двувидового глагола в выражении одного из двух видов (чаще всего несовершенного) с одновременным образованием парного (чаще всего префигированного) глагола совершенного вида и получением таким образом регулярной видовой пары. Тем не менее, в русском и болгарском языках список двувидовых глаголов не только не уменьшается, но и активно пополняется.¹ При этом, высказывания с такими глаголами, как правило, получают однозначную аспектуальную интерпретацию, и коммуникативных неудач не возникает.

Остановимся кратко на изучении двувидовых глаголов в русистике. В академических грамматиках (Грамматика-60, Грамматика-80), а также в корпусной грамматике русского языка (<http://rusgram.ru/>) подчеркивается зависимость аспекту-

¹ Некоторые из изложенных ниже положений обсуждались в статьях Славкова 2009 и Slavkova 2010. В настоящей работе исследование вопроса дополнено новым материалом.

альной интерпретации как исконных, так и заимствованных биаспективов от контекста (Сичинава 2011). В работах, посвященных виду глагола и биаспективам, в частности, двувидовость рассматривается в основном как аномальное явление. Так, например, в работе (Чанг 1997) подчеркивается, что двувидовые глаголы представляют собой чужеродное явление в русской видовой системе и со временем приспосабливаются к ней, утрачивая свой двувидовой характер и образуя парный глагол противоположного вида (209). В результате, формируется видовая пара, и таким образом бывший двувидовой глагол (особенно если речь идет о предельных глаголах) вписывается в систему русского грамматического вида. Аномальный характер биаспективов отмечается также в работе Авилова 1976. В частности, отмечается, что именно отсутствие формального выражения вида делает выражение видового содержания данного глагола не синтетическим, а недостаточным, неясным, диффузным, вследствие чего язык и стремится найти это формальное выражение, сделать видовое содержание ясным (Авилова 1976: 146). Внутрисистемная необходимость в образовании от биаспективов глаголов совершенного (*проанализировать, отрекламировать, сфальсифицировать*) или несовершенного вида (*стерилизовывать, атаковать, арестовывать*) подчеркивается в работах Чанг 1997, Черткова, Чанг 1998. Об активизации процесса префиксации иноязычных глаголов, который «служит средством выражения значения сов. вида» и «способствует их включению в систему русского языка» пишет и Е.А. Земская (2000: 127).

На механизмах устранения двувидовости останавливаются также авторы работ Исаченко 2003 [1960] и Зализняк, Анна А. и др. 2015. В этих работах многочисленные заимствованные биаспективы рассматриваются отдельно от более редких исконно русских двувидовых глаголов, а также подчеркивается тенденция к перфективации или (реже) к имперфективации: «Двувидовые глаголы в современном русском языке представляют собой периферийное явление, так как языковая система стремится к тому, чтобы грамматическим различиям соответ-

ствовали формальные» (Зализняк, Анна А. и др. 2015: 2015: 87).²

Зависимость видовой интерпретации биаспективов от контекста и вытекающая из этого потребность в формальном выражении аспектуальной характеристики отмечается в Forsyth 1970: “With bi-aspectual verbs, the context must be relied upon to make clear the aspectual meaning of the form used. [...] That this lack of formal expression of aspect is felt to be undesirable is shown by the fact that the number of originally Russian verbs of this type is very small, and that there is a tendency to derive forms which are unambiguously of one or the other aspect” (33).

Далее, правда, автор ссылается на И.П. Мучника: “In Muchnik, 1966, however, this is rejected in favour of the view that bi-aspectuality must be recognised as an essential factor in the aspectual system of Russian” (Forsyth 1970: 33). И действительно, И.П. Мучник (1966, 1971) считает наличие двувидовых глаголов в русском языке естественным в системе языка. По его мнению, речь идет не столько (или, по крайней мере, не только) о заимствовании готовых двувидовых глаголов, сколько об образовании новых глаголов от заимствованных имен существительных и прилагательных.³

Заимствованные двувидовые глаголы стали проникать в русский язык на рубеже XVII – XVIII веков, когда видовая система уже сложилась. В связи с этим, наблюдалась попытка «подчинения их основным нормам этой системы» (Мучник

² Ср. также в более ранней работе: «Двувидовые глаголы в современном русском языке представляют собою периферийное явление, так как языковая система стремится к тому, чтобы грамматическим различиям соответствовали формальные. Иными словами, русская аспектологическая система стремится устранить омонимию сов. и несов. вида, каковую являют собою двувидовые глаголы» (Зализняк, Шмелев 2000: 75-76).

³ Речь идет о третьем продуктивном классе глаголов в русском языке с основой инфинитива на *-ова/-ева-* (и на их производные) и основой настоящего времени на *у/-* (*адресовать – адресуют, ликвидировать – ликвидируют, классифицировать – классифицируют*).

1971: 141) посредством присоединения приставок и суффиксов. В последние десятилетия наблюдается повышенная активность в образовании и функционировании двувидовых глаголов, нередко и на основе русских мотивирующих основ. Нам представляется обоснованным взгляд на двувидовые глаголы как на явление системы, обусловленное высокой словообразовательной регулярностью.⁴ Сохранение данной тенденции в течение всего советского периода отмечалась и в работе Мучник 1971: ср. *военизировать, советизировать, коренизировать, складировать, десантировать, арендовать* (145). Нет, по-видимому, оснований считать эту тенденцию исчерпанной и сегодня: ср. в современном русском глаголы *звукофицировать, теплофицировать* (Улуханов 2005: 213). Частотно также параллельное образование существительного и глагола от одного мотивирующего имени (ср. *зарплатизация и зарплатизировать, долларизация и долларизировать*).

Русские двувидовые глаголы разделены И.П. Мучником на пять групп в зависимости от словообразовательного суффикса; некоторые из нижеперечисленных суффиксов и являются основными показателями двувидовости в русском языке (Мучник 1971:139–140):

1. неосложненный суффикс **-ова-**: адресовать, арендовать, арестовать, атаковать, кредитовать, патентовать, аккредитовать;
2. **-изова-**: деморализовать(ся), организовать(ся), стерилизовать, характеризовать, авторизовать, децентрализовать, ма-

⁴ Этот процесс отражен и в Ефремова 1996, где отмечается все большее распространение глаголов, образованных по специфической словообразовательной модели, в частности, от основ таких существительных и прилагательных, как *аренда, активный, аргумент, адрес, атака, кредит, склад, русский*, к которым присоединяется суффикс *-ова-* и его производные. Как мы увидим далее, суффиксы двувидовых глаголов выполняют специфическую функцию, сопоставимую с ролью лексических функций в модели «Смысл ⇔ Текст» – таких, как *Oper, Real, Caus* (см. о понятиях лексического параметра и лексической функции в Мельчук 1999 [1974] и 1995, Апресян 1995 [1974], Иорданская, Мельчук 2007).

териализовать(ся), поляризовать(ся);

3. **-фицирова-**: русифицировать(ся), фальсифицировать, газифицировать(ся), идентифицировать(ся), кодифицировать, классифицировать(ся), квалифицировать(ся);

4. **-ирова-**: абонировать(ся), акцентировать, аннулировать(ся), аргументировать, гарантировать, иммигрировать, эмигрировать, репрессировать, премировать, форсировать;

5. **-изирова-**: автоматизировать(ся), активизировать(ся), драматизировать, систематизировать(ся), схематизировать, терроризировать.

Важную роль в этом процессе играет ударение в суффиксе (Мучник 1971: 137 – 138): если конечный гласный *a* в суффиксе **-ирова-** (и в его производных **-фицирова-**, **-изирова-**) безударен, то присоединение имперфективирующего суффикса невозможно. Такие глаголы подвергаются перфективации путем префиксации, и ударение в них сохраняется на том же слоге: *концентри́ровать – сконцентри́ровать, анализи́ровать – проанализи́ровать, фальсифици́ровать – сфальсифици́ровать*. При этом исходный глагол может оставаться двувидовым и интерпретироваться как перфектив (1)⁵ или имперфектив – в (2) и (3):

(1) Первый же его теракт был чудовищен по своему цинизму. Караев **атаковал**^{СВ} людей, собравшихся на праздничный рождественский сон вокруг одной из локальных гипноелок (НКРЯ)

(2) Мы долго **атаковали**^{НСВ} передовые отряды душманов... а потом нам удалось договориться с населением и руководителями душманов (НКРЯ)

⁵ Здесь и далее в этой главе в верхнем индексе при биаспективе указан вид глагола, выводимый из контекста. Это обозначение является чисто условным в том смысле, что указана та возможная интерпретация вида, которая комментируется в каждом отдельном случае.

(3) Нападая на противника, бульдог всегда **атаковал**^{НСВ} его спереди и обычно кусал за губу, язык или глаз.⁶

Наоборот, если ударение в суффиксе падает на конечный гласный *a* (*-ова́-*, *-изова́-*), то более частотными являются случаи имперфективации путем суффиксации, в частности, путем добавления итеративного суффикса *-ыва-*, которое сопровождается переносом ударения: *организова́ть* – *организо́вывать*, *атакова́ть* – *атако́вывать*, *арестова́ть* – *аресто́вывать*⁷ – см. примеры (4) и (5):

(4) В воскресенье за завтраком Наследник всегда **атаковывал**^{НСВ} меня расспросами: получили ли “Тайны Нью Йорка”, как называются эпизоды и т.п.⁸

(5) Арест Platона Лебедева вызывает эффект “дежа вю”: точно так же **арестовывали**^{НСВ} гусинского начфина Антона Титова [...] и личного друга и близкого соратника Березовского Николая Глушкова (НКРЯ)

Несмотря на наличие случаев имперфективации, в русском языке доминирует тенденция к перфективации (*анализировать* – *проанализировать*), в то время как механизм имперфективации (*образовать* – *образовывать*) используется реже.⁹

⁶ <http://ru.top-dog.pro/breed-articles/breed/79> – последнее обращение 18.09.2020.

⁷ Этот механизм соответствует существующим в русском языке продуктивным словообразовательным механизмам: ср. *праздновать* – *отпраздновать* в первом случае и *разрисовать* – *разрисовывать* – во втором.

⁸ http://grwar.ru/library/Kondzerovsky/DG_14.html – последнее обращение 18.09.2020.

⁹ Эта особенность объясняется тем, что имперфективация предполагает добавление к суффиксу исходного глагола еще одного суффикса. Это возможно только в случае суффикса *-ова-* (*-ова-* → *-овыва-*), а к длинным, составным суффиксам *-ирова-*, *-изирова-*, *-фицирова-* еще один суффикс добавить невозможно.

Подчеркнем еще раз, что с точки зрения семантики глагольного вида значение этих глаголов остается неясным: в тех случаях, когда языковая норма обязывает говорящего выбирать из двух возможных видо-временных форм глаголов, дву-видовые глаголы такой возможности не предоставляют. В частности, это касается прошедшего времени в русском и будущего в болгарском – в них биаспективы используются как в контекстах, типичных для глаголов несовершенного вида (т.е. для выражения процесса или неопределенной кратности действия), так и для выражения однократности и результата действия, типичных для глаголов совершенного вида.

В современном болгарском языке биаспективы распространены достаточно широко. Они давно стали предметом изучения в болгарском языкознании, в частности, в формах прошедшего времени (Иванчев 1971, Кабакчиев 1992). Высказывалась мысль, что двувидовость не противоречит системе, так как в прошедшем времени в болгарском языке сохранилась разветвленная система глагольных времен, в том числе и формы аориста и имперфекта. Этот факт и обуславливает отсутствие ярко выраженной необходимости в формировании видовой пары и, следовательно, сохранение этих глаголов в системе (Иванчев 1971: 83). Однако, как справедливо было замечено Кабакчиевым (1992: 38), в болгарском языке эти глаголы (в особенности, заимствованные, с суффиксами *-ира-*, *-изира-*, *-фицира-*) принадлежат к третьему спряжению (с тематическим гласным *-а*), где аорист и имперфект различаются только во втором и третьем лице единственного числа, в то время как во всех остальных лицах формы этих двух времен совпадают и не могут выполнять различительную функцию. Поэтому оппозиция *аорист: имперфект* обладает ограниченной различительной способностью. Что касается форм будущего времени, они также не обеспечивают формального различения видов глагола, так как грамматикализованная частица *ще* может присоединяться к глаголам обоих видов. Ниже мы покажем, какими другими регулярными средствами передается аспектуальная информация в высказываниях, содержащих двувидовой глагол

в русском и болгарском языках. Мы полагаем, что именно эти возможности языка способствуют их сохранению в системе.

В болгарский язык двувидовые глаголы активно проникают в первой половине XX века; они образуются от заимствованных из западноевропейских языков существительных (Станчева, 2004). В первой половине прошлого века болгарскими лингвистами даже рекомендовалась замена латинского *-ir-* исконно-славянским суффиксом *-ува-м* (Теодоров-Балан 1940, Младенов 1939). Однако суффикс *-ir-* легко адаптировался к системе болгарского глагола посредством тематической грамеммы *-а-*, в сущности, как и соответствующие суффиксы в русском языке (*-ирова-*, *-изирова-*). Сегодня глаголы на *-ир-а-м* (*-изир-а-м*, *-фицир-а-м*) отличаются высокой активностью и продуктивностью. В работах о виде они рассматриваются как типичный пример проявления двувидовости (Иванчев, 1971: 164).

Факт широкого распространения двувидовых глаголов в болгарском языке подчеркивается и в работе Comrie, Corbett 1993: “Bi-aspectual’ verbs – verbs with one stem for both aspects – are common; most are borrowings: тренирам / treniram ‘(I) train (IMPFV/PRF)’” (212).¹⁰

Ниже мы постараемся показать, что феномен двувидовости в современном русском и болгарском языках не является маргинальным, а вполне закономерным и системным. Двувидовые глаголы выражают как совершенновидовые значения результативности и однократности, так и несовершенновидовые значения процесса и многократности, и, кроме того, легко адаптируются к общефактическим ситуациям и могут использоваться в общефактическом значении. Это становится возможным, благодаря специфическому взаимодействию морфологических характеристик глаголов с синтаксическим оформлением высказывания.

Некоторые славянские языки отличаются большей регулярностью в перфективации заимствованных двувидовых гла-

¹⁰ Обзор ситуации в других славянских языках см. в Comrie, Corbett 1993.

голов. В польском языке, например, наблюдается систематическое образование видовых пар от исходного двувидового глагола: *importować* – *zimportować* (Rothstein 1993: 752). Основным специализированным перфективирующим префиксом является префикс *z-*: “The prefix *z-* is especially common in this function” (там же: 722): *zimportować*, *zdekolonizować*, *zaawansować* и т.д.¹¹ В русском и болгарском языках это происходит не всегда. В этих языках остается значительное количество глаголов, которые не обнаруживают никаких тенденций – ни реальных, ни потенциальных – к утрате своего двувидового характера (Мучник 1971: 152). Интересна ситуация в чешском, где наряду с префиксами *o-*, *roz-*, *vy-* важную роль, так же, как и в польском, играет префикс *z-*: *(z)aktualizovat*, *(z)asimilovat*, *(z)linčovat*, *(z)nacionalizovat* (Лебедь 1983: 141). Однако на этом словообразовательная цепочка не заканчивается. В работе Esvan 2017, например, отмечается, что от значительного числа префигированных двувидовых глаголов в чешском образуются вторичные имперфективы, в особенности, от заимствованных префигированных глаголов (как например, *zorganizovávat* от *organizovat*, несмотря на наличие *organizovat*).

Видовая интерпретация двувидовых глаголов происходит на уровне высказывания за счет других средств, и понимание текста обеспечивается благодаря активированию комплексных когнитивных механизмов в процессе коммуникации. Говорящий, приписывающий определенной ситуации (положению вещей) соответствующую аспектуальную характеристику, обязан облегчить задачу слушающего для ее понимания (согласно принципу кооперации Грайса и, в частности, его максимы количества,¹² т.е. обеспечения необходимой и достаточной ин-

¹¹ Отметим также тот факт, что суффикс *-owa-* в польском (как, впрочем, и *-ова-* в украинском) остается неосложненным, т.е. не удлиняется за счет интерфикса *-ir-*, в то время, как этот дополнительный слог существенно удлиняет глаголы в русском и болгарском.

¹² “The QUANTITY relates to the quantity of information to be provided, and under it fall the following maxims: 1. Make your contribution as informative as is required (for the current purposes of the exchange). 2. Do not make your con-

формации, в том числе выражаемой грамматическими средствами, а также «способа», или ясности, во избежание двусмысленности), а слушающий, владеющий всеми средствами и механизмами для интерпретации видовой характеристики высказывания, в свою очередь, эту характеристику определяет. Как мы увидим ниже, в некоторых случаях говорящий может прибегать к использованию окказионализмов с ярко выраженными прагматическими или стилистическими функциями; при этом исходный глагол может оставаться двувидовым. В этом смысле двувидовость представляет собой важный (не маргинальный) сектор в составе категории аспектуальности в русском языке. Иными словами, биаспективы не исключены из видовой системы, модифицирован только план выражения аспектуальности, поскольку расширяется круг аналитических средств и сокращается набор аффиксальных средств (Мучник 1971: 153). В то же время приобретают исключительную важность процессы инференции, то есть непосредственное «вмешательство» слушающего в расшифровку и восстановление смысла текста, семантический вывод, сделанный слушающим. Именно благодаря этому вмешательству получателя текста и становится возможной интерпретация аспектуальной информации. Если говорящий предполагает, что когнитивное усилие слушающего превысит допустимые для успешной коммуникации нормы, он разрешает двусмысленность при помощи имеющихся в его распоряжении языковых средств, в том числе окказиональных.

Итак, из сказанного до сих пор следует, что двувидовость, несмотря на неполноту синтетических (аффиксальных) средств выражения вида глагола, представляет собой важный сегмент в видовой системе русского глагола, поскольку позволяет выявить особенности всего спектра аналитических (синтаксических и лексических) способов реализации категории аспектуальности.

tribution more informative than is required” (Grice 1975: 45).

1.1. Аспектуальная интерпретация биаспективов в тексте

Анализ конкретного языкового материала даст нам возможность выявить некоторые элементы контекста, которыми пользуется слушающий для разрешения видовой двусмысленности с целью правильного понимания текста. Напомним, что говорящий строит высказывание на основе известной ему ситуации, аспектуальное содержание которой выражается за счет комбинирования, наслаивания, сложения или взаимного зачеркивания аспектуальных значений, выражаемых различными средствами. Согласно мнению И.П. Мучника «в качестве средств выражения их видовых значений выступают окружение каждой отдельной формы, т.е. ее контекст, в котором наибольшую роль играют поясняющие ее обстоятельства, временное значение формы, а также субститулируемые аффиксы» (1971: 130). Большое разнообразие этих средств позволяет нам в каждой отдельной ситуации выбирать самое подходящее из них.

Далее мы покажем, какими регулярными средствами передается аспектуальная информация в высказываниях, содержащих биаспективы в русском и болгарском языках. Иными словами, попытаемся определить те возможности языка, которые обеспечивают преодоление двусмысленности и тем самым способствуют сохранению двувидовых глаголов в системе.

1.1.1. Временные наречия и конструкции

В первую очередь отметим в обоих языках временные наречия и конструкции. Они и являются первым ожидаемым элементом на уровне высказывания в тех случаях, когда не ясна аспектуальная характеристика глагола. В примерах (6) – (11) видовая характеристика отражает количественный аспект ситуации, которая понимается как однократный процесс в примере (6), как повторяющийся процесс в примерах (7) и (8), как однократное событие в (9) и как многократное событие в (10) и (11).

(6) а. Напомним, что в нынешнем чемпионате “волки” стартовали с пассивом в “-7” пунктов. И довольно долго **ликвидировали**^{НСВ} это отставание.¹³

б. Часове наред шуменските огнеборци **ликвидираха**^{НСВ} пожар в склад за камини, градинска мебел и велосипеди.¹⁴

(7) [...] каждые 10 дней **исследовали**^{НСВ} сыворотку крови и различные органы зараженных животных с помощью полимеразной цепной реакции на наличие вирусных нуклеотидных последовательностей (НКРЯ)

(8) На всеки етап участниците **използваха**^{НСВ} различен електрокар, съответно от марките EP, Hyster, Hyundai и Toyota.¹⁵

(9) а. Плотина Красноярской ГЭС полностью **ликвидировала**^{СВ} угрозу наводнений, приносивших раньше ущерб в десятки миллионов рублей (НКРЯ)

б. Враговете му в клиниката веднага **ликвидираха**^{СВ} неговия метод, за да не бъдат обвинени и те от целомъдрената наука за “насадители на разврат” [...]¹⁶

(10) Русские офицеры (а именно они составляли подавляющее большинство переселенцев) часто **компрометировали**^{НСВ} себя недостойными поступками (НКРЯ)

(11) Винаги **ликвидираха**^{НСВ} жертвата си без да оставят следа (БНК)

¹³ <https://fcbate.by/ru/infocenter/club-news/id/7939?print=1> – последнее обращение 18.09.2020.

¹⁴ <https://topnovini.bg/novini/791311-pojar-gorya-v-skladove-v-shumen> – последнее обращение 18.09.2020.

¹⁵ <https://www.logistika.bg/bg/menu/24/post/22055/> – последнее обращение 18.09.2020.

¹⁶ <https://chitanka.info/text/1685/8> – последнее обращение 18.09.2020.

Как видно из приведенных выше примеров (6) – (11), показатели длительности (6), результативности в (9) или итеративности в (7), (8), (10) и (11), которые при обычных, одновидовых глаголах в обоих языках только дублируют аспектуальную информацию, в высказываниях с биаспективами становятся основными ее носителями, иными словами, “синтаксическими” показателями аспектуальности.

1.1.2. Выражение цели и причины

Достижение цели в нашем сознании нередко связывается с достижением результата, а причинно-следственная связь – с изменениями, приводящими к событиям, создающим новое положение вещей. В примерах (12) и (13), например, формы *исследовали* и *инжектираха* интерпретируется как глаголы совершенного вида, так как завершенность и целостность действий представляются необходимыми для достижения цели, выраженной в придаточном предложении. Кроме того, фраза, непосредственно следующая за предложением с двувидовым глаголом в (12) еще яснее указывает на результативный характер действия *исследовать* (*И выяснилось...*). В примере (13) такую же функцию выполняет предшествующее предложение (*Китайски учени създадоха...*), называющее результат.

(12) Для того, чтобы убедиться в своем мнении, **исследовали**^{CB} 120 000 семей, имеющих более одного ребенка. И выяснилось, что младшие дети с большим успехом умеют привлечь внимание общественности к своей персоне (НКРЯ)

(13) б. Китайски учени създадоха първата истинска синя роза [...]. За целта те **инжектираха**^{CB} произвеждащата пигмента бактерия в листенцата на бяла роза.¹⁷

¹⁷ <https://www.monitor.bg/bg/a/view/kitajski-ucheni-syzzadoha-pyrvata-istinska-sinja-roza-146847> – последнее обращение 18.09.2020.

В примере (14) возможна подобная интерпретация в конструкции с эксплицитным выражением причины:

(14) а. На этапе монтажа [...] заказчик **аннулировал**^{CB} заказ в связи с необходимостью переноса места эксплуатации антенны (НКРЯ)

В приведенных примерах интерпретация двувидового глагола как глагола совершенного вида является доминирующей, но не обязательной. Тем не менее, для того, чтобы двувидовой глагол в приведенных конструкциях воспринимался как глагол несовершенного вида, нужны специальные условия, в том числе дополнительные показатели итеративности или длительности. Эти показатели могут перечеркнуть интерпретацию действия как однократного события и 'навязать' семантику процесса (15) или многократности (16), становясь при этом основным аспектуальным показателем:

(15) Для того, чтобы убедиться в своем мнении, долго **исследовали**^{НСВ} 120 000 семей, имеющих более одного ребенка.

(16) На этапе монтажа [...] заказчик часто **аннулировал**^{НСВ} заказ в связи с необходимостью переноса места эксплуатации антенны.

1.1.3. Наличие однородных предикатов

Другим важным показателем вида биаспективов в высказывании являются имеющиеся в тексте глаголы, маркированные по виду. В частности, речь идет о предложениях с однородными предикатами: если один из предикатов выражен биаспективом, его интерпретация зависит от вида других глаголов.¹⁸ Иными словами, отсутствие видового показателя у одно-

¹⁸ В этой связи уместно подчеркнуть, что в русском языке последовательность законченных действий выражается при помощи однородных предикатов совершенного вида, а одновременность – при помощи однородных

го из глаголов в цепочке однородных предикатов, аспектуально маркированных, не является препятствием для его видовой интерпретации.¹⁹

И в болгарском, и в русском языке можно определить вид двувидового глагола благодаря видовой характеристике других, однородных, предикатов:

(17) Коммунальщики провели^{CB} ремонт, аварию кое-как **ликвидировали**^{CB} (НКРЯ)

(18) Человек греется^{НСВ} и аварию свою маленькую **ликвидирует**^{НСВ} самостоятельно (НКРЯ)

(19) При правильном применении эта гимнастика **ликвидирует**^{CB}, уменьшит^{CB} или как минимум приостановит^{CB} близорукость, если она прогрессирует (НКРЯ)

(20) Аз **ликвидирах**^{CB} уважението на бойците към мен, изпълних^{CB} ги със злоба и ирония към кадрите ми. Лиших^{CB} ги от вяра в справедливостта и величието на каузата ми. Унижих^{CB} ги! (БНК)

(21) Можеха да лавират и да оцелеят, но разпадът вече бе започнал. Изнасяха^{НСВ} капитали зад граница, **ликвидираха**^{НСВ} фирми... (БНК)

глаголов несовершенного вида. Иными словами, действия, выраженные совершенным видом глагола и следующие одно за другим, образуют цепочку последовательных действий (событий). Этот характерный для русского перфектива признак получил название «секвентная связь» (Барентсен 1998). Ср. также Бондарко, Буланин 1967: «Цепь». Так можно назвать тип контекста, в котором выступает ряд глагольных форм совершенного вида, обозначающих последовательные, сменяющие друг друга действия» (62).

¹⁹ Похожий феномен был отмечен в работе Bybee, Dahl 1989 (хотя и по другому поводу), где подчеркивается, что в случаях, когда повествование оформлено с помощью определенного грамматического маркера, выражение этого маркера при каждом глаголе в определенных контекстах может быть избыточным (1989: 65).

В примерах (17) и (19) формы *ликвидировали* и *ликвидирует* интерпретируются как глаголы совершенного вида, поскольку сопровождаются другими глаголами совершенного вида: прошедшего времени *провели* в примере (17) и простого будущего (*уменьшит, приостановит*) в (19). В примере (18), наоборот, форма *ликвидирует* приобретает значение несовершенного вида, так как однородна с глаголом несовершенного вида настоящего времени *греется*. Что касается болгарских примеров (20) и (21), здесь нужно говорить об интерпретации видо-временной формы глагола *ликвидирах* в (20) как формы совершенного вида в форме аориста (по форме однородного сказуемого *изпълних*), а в (21) – как формы несовершенного вида (по форме глагола *изнасяха*).²⁰

1.1.4. Вид глагола и определенность имени

Связь вида глагола с именными категориями проявляется в болгарском языке, где грамматическая категория определенности имени выражается при помощи артикля. Этот факт оказывается важным при интерпретации двувидовых предикатов в тех лицах и числах, в которых формы аориста и имперфекта не различаются. Поэтому причины распространения биаспективов в болгарском языке можно связать с категорией определенности имени. В работе Кабакчиев 1992 показано, что в болгарском языке наличие или отсутствие определенного артикля имени может влиять на видовую интерпретацию предельных двувидовых глаголов.

Если рассматривать примеры с биаспективами в минимальном контексте (т.е. без обстоятельственных пояснений

²⁰ Напомним, что болгарские двувидовые глаголы иностранного происхождения относятся к третьему глагольному спряжению (с основой на *-а*), в котором формы аориста и имперфекта различаются только во втором и третьем лице единственного числа. Во всех остальных случаях нужна поддержка контекста. Именно поэтому для форм *ликвидирах* и *ликвидираха* в примерах (20) и (21) без расширенного контекста невозможно определить грамматическое время.

времени), то можно заметить, что в случаях, когда прямой объект при двувидовом глаголе в формах, в которых не различаются имперфект и аорист, является неопределенным, как в примере (22), то это говорит о том, что биаспектив скорее всего будет называть деятельность и интерпретироваться как глагол несовершенного вида. Если же имя в позиции объекта маркировано по признаку определенности (т.е. снабжено артиклем), то предикат может пониматься как предельный глагол обоих видов (23).

(22) **Анализира**^{НСВ-имперф} доклады.²¹

(23) **Анализира**^{СВ-аор/НСВ-имперф} докладите.

Наличие / отсутствие определенного артикля в примерах (22) и (23) в известной степени гармонирует с различающимися окончаниями аориста и имперфекта предиката в 3 лице единственного числа, как это видно и из примеров (24) и (25). При неопределенном объекте форма аориста глагола совершенного вида маловероятна (26):

(24) **Анализираше**^{НСВ-имперф} / **Анализира**^{СВ-аор} докладите.

(25) **Анализираше**^{НСВ-имперф} доклады [някакви].

(26) ? **Анализира**^{СВ-аор} доклады.

Из сказанного до сих пор может сложиться впечатление, что интерпретация глагола *анализирам* как совершенного аориста возможна только если действие распространяется на определенный объект. Тем не менее, если добавить неопределенное местоимение *един*,²² выполняющее функцию индиви-

²¹ Пример из Кабакчиев 1992.

²² Здесь важен также вопрос о статусе неопределенного местоимения *един*, которое, согласно некоторым теориям, может функционировать как неоп-

дуализации объекта, как в примерах (27) и (28), то становится понятным, что дело не в определенности, а в референтности аргумента:

(27) **Анализи́рше**^{НСВ-имперф} едни доклади.

(28) **Анализи́ра**^{СВ-аор} едни доклади.

Сказанное можно отнести и к предложениям с объектом в единственном числе, как в (29) – (32):

(29) **Анализи́раше**^{НСВ-имперф} доклада (когато влязох).

(30) **Анализи́ра**^{СВ-аор} доклада.

(31) **Анализи́раше**^{НСВ-имперф} един доклад (когато влязох).

(32) **Анализи́ра**^{СВ-аор} един доклад.

Примеры (27) – (32) показывают, что интерпретация биаспектива как глагола совершенного вида возможна, если действие распространяется на референтный объект (который может быть определенным или неопределенным). Формы аориста и имперфекта также играют важную роль в создании полной картины аспектуальности высказывания. В примерах с имперфектом возможен как референтный, так и нереперентный объект, но подчеркивается процессный характер действия и отсутствие достижения предела. Ноборот, форма аориста двувидового глагола передает законченность действия, а в сочетании с референтным (хотя и не определенным) объектом – достижение внутреннего предела действия, его исчерпанность.

Кроме того, если присутствует обстоятельство времени, то

ределенный артикль с функцией индивидуализации объекта. Подробный анализ функций и определение этапа грамматикализации *един, една, едно, едни* представлены в работе Алексова 2019.

возможны те формы, которые не противоречат референтности / нереферентности объекта, как это наблюдается в примерах (33) и (34):

(33) Цяла сутрин **анализираше**^{НСВ-имперф} докладите / доклади.

(34) Цяла сутрин **анализира**^{НСВ-аор} докладите / доклади.

Как видно из примеров (33) и (34), обстоятельство типа «X времени» обяывает к интерпретации вида глагола как несовершенного, а объект может быть как определенным, так и неопределенным (но референтным).

Если же речь идет о выражении «за X времени», то предполагаются действия, направленные на определенный объект, как в следующих двух примерах, где аорист глагола совершенного вида будет обозначать однократное результативное действие (35), а имперфект несовершенного вида – повторяющееся результативное действие (36):

(35) За два часа **анализира**^{СВ-аор} докладите.

(36) За два часа **анализираше**^{НСВ-имперф} докладите.

Сочетание обстоятельства типа «за X времени» с аористом совершенного вида и неопределенным (нереферентным) объектом, как в (37) и (39), представляется маловероятным. Более вероятным является его сочетание с имперфектом несовершенного вида, поскольку возможно понимание этой формы как многократного результативного (38) или, возможно, потенциального (40) действия:

(37) ? За два часа **анализира**^{СВ-аор} доклади.

(38) За два часа **анализираше**^{НСВ-имперф} доклади.

(39) ? За два часа **анализира**^{CB-aop} доклад.

(40) За два часа **анализираше**^{НСВ-имперф} доклад.

Таким образом, мы видим, что в болгарском языке вид и время глагола, число и определенность объекта вступают в сложное взаимодействие, обеспечивающее дополнительные возможности для выражения аспектуальной характеристики высказывания.

В русском языке интерпретация аспектуального значения биаспективов в связана с именной референцией. Это можно показать, на примерах с парными глаголами (41) и (42).

(41) Он **брал**^{НСВ} / ***взял**^{CB} с собой какую-нибудь книгу (каждый раз, когда уезжал в командировку).

(42) Он **взял**^{CB} с собой какую-то книгу (вчера, когда уезжал в командировку).

Как видно из приведенных примеров, неспецифическое неопределенное местоимение с частицей *-нибудь* в (41), подразумевающее отнесенность объекта к многократному, повторявшемуся в прошлом событию (не обладающему поэтому конкретной временной референцией), препятствует возможности использования глагола совершенного вида в прошедшем времени. Наоборот, наличие в (42) специфического местоимения с частицей *-то* которое может относиться к референтному (хотя и неизвестному) объекту, допускает использование парного глагола совершенного вида.

В связи с этим, можно предположить, что в высказываниях с референтными именами в роли прямого объекта больше вероятности интерпретировать вид глагола, немаркированного аспектуально, как совершенный, т.е. как выражающий достижение внутреннего предела. Если же прямой объект не имеет конкретного референта и вписывается в нереферентную ситуацию, то скорее всего биаспектив будет интерпретироваться

как глагол несовершенного вида. Иными словами, в высказываниях с двувидовыми глаголами элементы такого типа становятся единственными показателями аспектуальной характеристики предиката и высказывания в целом. Так например, нереферентное неопределенное местоимение *какой-нибудь*²³ в примере (43) блокирует интерпретацию глагола *арендовать* как глагола совершенного вида и придает высказыванию высокую степень неопределенности, в то время как референтное (хотя и неопределенное) местоимение *какой-то* в примере (44) способствует проявлению значения однократного результативного действия:

(43) **Арендвали** какой-нибудь уединенный курорт, где пары и одиночки поселялись на две-три недели (НКРЯ)

(44) – Где они остановились? – тревожно спросил Стефан.
– **Арендвали** какой-то домик. Точно не знаю.²⁴

Порядок слов, который связан напрямую с возможностью тематизировать объект, также может выполнять вспомогательную функцию в интерпретации аспектуальной характеристики высказывания. Так, из примеров (45) и (46) видно, что тематизация объекта и отнесение предиката к реме может вести к прочтению предиката как глагола совершенного вида.

(45) Заезд я **аннулировал**^{CB}.

(46) Поръчката я **анулирах**^{CB}.

Приведенные примеры употребления двувидовых глаголов подтверждают мысль о том, что аспектуальная характеристика высказывания не концентрируется только на глагольной

²³ О классификации неопределенных местоимений в русском языке см. Падучева 2001 [1985].

²⁴ <http://nemaloknig.net/read-9074/?page=5> – последнее обращение 18.09.2020.

лексеме и на специализированных морфологических показателях, но выражается также на синтаксическом уровне.

1.2. Компенсирующие средства, обеспечивающие семантизацию аспектуальной характеристики высказывания с биаспективами

Тем не менее, существуют в речи контексты, когда окружения глагола бывает недостаточно для интерпретации видовой характеристики глагола в конкретном высказывании (47).

(47) Деревню **газифицировали**^{СВ/НСВ}.

В таких случаях с целью снятия двусмысленности появляется необходимость в других, компенсирующих невыраженность видовой характеристики, средствах. В частности, это те средства языка, которые способствуют избежать употребления двувидового глагола в тех случаях, когда не имеется других возможностей для выражения аспектуальной характеристики высказывания. Именно наличие таких способов способствует сохранению сложившегося *status quo*.

1.2.1. Синонимическая замена глагольно-именными словосочетаниями

Двувидовые глаголы в русском языке, в основном, заимствованные, в обоих языках с регулярностью легко перифразируются при помощи глагольно-именных словосочетаний: *идентифицировать* = *производить / произвести идентификацию*; *идентифицирам* = *извѣривам / да извѣрша идентификация*; *аргументировать* = *приводить / привести аргументы*; *аргументирам* = *привеждам / приведа аргументи*. С точки зрения семантического содержания такие глаголы могут рассматриваться как «мотивированные словосочетанием», т.е. результатом комбинирования смыслов при котором семантическая составляющая словосочетания выражается корнем би-

аспектива, а глагольная – суффиксом: *минерализовать* = *насыщать / насытить* минеральными солями (Улуханов 2005: 276), *стабилизировать* = *делать / сделать* стабильным или стабильнее (там же: 288).

В этом ключе можно провести аналогию с теорией лексических функций, разработанной в работах (Мельчук 1995; Апресян 1995 [1974], Иорданская, Мельчук 2007), согласно которой функциональный глагол соединяет «первого актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения» (Мельчук 1995: 94). Значения биаспективов можно представить при помощи стандартной лексической функции *Oper₁* (48), имеющей общее (абстрактное) значение ‘совершать / совершить’ и выражаемой полувспомогательным глаголом:

(48) [аргументировать] → *Oper₁* (аргумент) = приводить / привести

[аргументирам] → *Oper₁* (аргумент) = привеждам / да приведа

[идентифицировать] → *Oper₁* (идентификация) = производить / произвести

[идентифицирам] → *Oper₁* (идентификация) = извършвам / да извърша

[автоматизировать] → *Oper₁* (автоматизация) = внедрять / внедрить

[автоматизирам] → *Oper₁* (автоматизация) = осъществявам / да осъществя

Отадъективные глаголы можно описать при помощи лексической функции *Caus* (49) с общим значением ‘каузировать’:

(49) [стабилизировать] → *Caus* (стабильный, стабильнее) = делать / сделать

[активизирам] → *Caus* (активен, по-активен) = правя / да направля

Из примеров (48) и (49) видно, что общее значение ‘делать/сделать’ или ‘каузировать’ полностью выражается глагольными суффиксами *-ирова-* и *-ирам* и их производными, в то время как мотивирующая основа соответствует названию ситуации или признака. Вид лексико-функционального (полу-вспомогательного глагола) в русском и в болгарском языках всегда выражен, и поэтому сама возможность замены двувидового глагола на устойчивое глагольно-именное словосочетание в некотором смысле не стимулирует процесс ‘моноаспектуализации’ двувидового глагола. Невыраженность видовой характеристики биаспектива легко компенсируется возможностью его замены глагольно-именным словосочетанием.

Интересным представляется пример (50), в котором аспектуальная информация могла бы остаться невыраженной, если бы были использованы глаголы *клонировать* и *секвенировать*. И только замена одного из двух биаспективов (*секвенировать*) на лексико-функциональный глагол (*подвергать*) в сочетании с названием процесса (*секвенирование*) позволяет выразить нужную видовую характеристику и биаспектива *клонировать*:

(50) Препараты очищенной ДНК **клонировали**^{НСВ} с помощью набора “ТОРО TA cloning kit” (“Invitrogen”, Нидерланды) и **подвергали**^{НСВ} **секвенированию** в двух направлениях, используя “Dye Terminator Cycle Sequencing kit” (“Perkin Elmer”, Германия) (НКРЯ).

Несмотря на то, что, как правило, соответствия ‘полнозначный глагол – глагольно-именное словосочетание’ различаются и стилистически (*решать* / *решишь* = *принимать* / *принять решение*), в случае двувидовых глаголов можно утверждать, что различие касается исключительно грамматического вида.

1.2.2. Словообразовательная продуктивность префиксов и использование окказионализмов

Другой возможностью для выражения видового значения двувидовых глаголов в русском языке – это использование окказионализмов, т.е. специально образованных видовых коррелятов как в (51) – (55) при помощи продуктивных глагольных префиксов *от-*, *про-*, и *с-*:

(51) Считаю, что могу рекламировать спортивные товары, с удовольствием **отрекламирую**^{CB} хорошие книги. Я **отрекламировал**^{CB} хорошую мужскую парфюмерию, хорошую одежду. Пожалуйста, **отрекламирую**^{CB} все, если это совпадает с моими принципами, вкусами (НКРЯ)

(52) – Меня просят **прорекламировать**^{CB} продукцию, провода те же самые, – говорит он. – Я рекламирую: «Так, внимание, подписчики, я нахожусь на фирме, они делают то-то, у них хорошие провода». И валом берут (НКРЯ)

(53) В декабре прошлого года Нарендра Моди **пролоббировал**^{CB} в ООН введение Международного дня йоги, отныне он будет отмечаться 21 июня (НКРЯ)

(54) Гурам просил **отлоббировать**^{CB} повышение пошлин на минеральные удобрения. Сулит миллионы.²⁵

(55) Причем совершенно по делу. Разве не своевременна критика православного духовенства, ловко **слоббировавшего**^{CB} указ о признании теологии наукой? Патриарх Пантелеймон залудил диссертацию – «Святое причастие как источник полного спектра здоровых протеинов» (НКРЯ)

²⁵ <https://books.google.it/books?id=HRqXBgAAQBAJ&pg=PT188&lpg=PT188&dq=#v=onepage&q&f=false> – последнее обращение 18.09.2020.

Этот механизм для многих глаголов становится регулярным (ср. *анализировать* – *проанализировать*), тем не менее, он не всегда способствует формированию видовой пары. Так, например, в отличие от глагола *проанализировать*, который является утвердившимся видовым коррелятом глагола *анализировать*, такие образования, как *пробойкотировать*, *отрекламировать* и *прорекламировать*, *отконвертировать*, *отлоббировать*, *слоббировать* и *пролоббировать* являются редкими и нерегулярными,²⁶ хотя и вполне возможными именно из-за продуктивности приставок *с-*, *про-*, *от-*.²⁷

1.2.3. Пассивные конструкции

Как известно, образование пассива от глаголов совершенного вида в русском языке отличается от образования страдательного залога глаголов несовершенного вида. В связи с этим, каждый формант ассоциируется с глаголом определенного вида. Таким образом, залоговые отношения с глаголами *читать* и *прочитать* будут выражаться при помощи двух разных оппозиций: *читать* → *читаться* и *прочитать* → *быть прочитанным*.

²⁶ Интересно заметить, что согласно данным НКРЯ на 226 бесприставочных форм *бойкотировать* приходится 2 примера с глаголом *пробойкотировать*, а на 1010 случаев *рекламировать* – 13 словоупотреблений *отрекламировать* и 18 *прорекламировать*. Примеров с глаголом *отконвертировать* в НКРЯ мы не обнаружили, однако он встречается достаточно часто в интернет-текстах, в основном, в области информационных систем: *отконвертировать файл, текст, базу данных* и т.п., но не *валюту*, например. Среди приставочных производных от глагола *лоббировать* наиболее частотным является глагол *пролоббировать* – 62 словоупотребления. Количественные данные указаны на 26.08.2020.

²⁷ Интересен тот факт, что многие из рассмотренных бесприставочных глаголов в языке-источнике являются приставочными (*associo, converto* соответственно от *socio, verito*), но в процессе заимствования префиксы *а-*, *соп-* таковыми не осознаются. В результате, появляется возможность воспринимать их как бесприставочные и присоединять к ним исконно русские префиксы.

Двувидовой глагол будет использовать оба механизма: *аннулировать* → *аннулироваться* и *быть аннулированным*; *ликвидировать* → *ликвидироваться* и *быть ликвидированным*. Таким образом, для переходных двувидовых глаголов существует еще одна возможность компенсировать в речи отсутствие регулярной видовой пары: значимым становится аффикс, который и выполняет роль ‘аспектуального показателя’: *-ся* для НСВ в (56) и (58), *-н* для СВ в (57) и (59):

(56) После такого сражения офицерская точка **ликвидировалась**^{НСВ}, Штаб срочно уходил из квартиры, замечая следы (НКРЯ)

(57) **Ликвидирован**^{СВ} Госкомлес, организован Рослесхоз, к которому перешло управление лесоустройством. (НКРЯ)

(58) Создание компаний в офшорных зонах **использовалось**^{НСВ} для проведения расчетов по операциям, осуществлявшимся внутри страны (НКРЯ)

(59) Аналогичный механизм **использован**^{СВ} при создании задачи: «Почему нельзя похоронить в Одессе человека, который живёт в Ростове?» (НКРЯ)

В болгарском языке однозначной является только конструкция с глаголом *съм* + страдательное причастие на *-н*, как в (60):

(60) За последното денонощие **са ликвидирани**^{СВ} 27 терористи от афганистански военни.²⁸

В то же время пассивная форма с *се*, как в примерах (61) и (62), сама по себе не позволяет определить вид соответствующего глагола. Показательными в таких случаях становятся другие

²⁸ <https://trud.bg/article-5522361/> – последнее обращение 18.09.2020.

элементы высказывания, такие, например, как видовая характеристика других глагольных форм (*ликвидираше, започнаха*).

(61) Българските граждани от турски произход не **се ликвидираха**^{НСВ-имперф} физически, но се ликвидираше^{НСВ-имперф} тяхната идентичност.²⁹

(62) Заради непосилния размер на патентния данък множество еднолични търговци и малки фирми **се ликвидираха**^{СВ-аор} юридически и започнаха^{СВ-аор} да работят надомно.³⁰

1.2.4. Конструкции с деепричастиями и причастиями

В русском языке тип деепричастия ассоциируется с определенным видом глагола и с соответствующей основой: суффикс *-я* (за редкими исключениями) присоединяется к основе настоящего времени глаголов несовершенного вида (*рисовать* → *рисую*), а суффикс *-в/-вши* – к основе прошедшего времени глаголов совершенного вида (*нарисовать* → *нарисовав*). Для образования деепричастий двувидовых глаголов используется сочетание одной из двух основ с соответствующим суффиксом, как в примерах (63) и (64), что дает еще одну возможность для определения вида двувидового глагола в речи:

(63) Было совершенно очевидно, что команда Сергеева в разработке концепции новой структуры Вооруженных сил РФ допустила грубый просчет, **ликвидировав**^{СВ} ПВО как самостоятельный вид ВС (НКРЯ)

²⁹ <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/politics/2598-25> – последнее обращение 18.09.2020.

³⁰ https://www.capital.bg/politika_i_ikonomika/bulgaria/2005/03/12/230416_nadomniat_trud_krie_500_000_murtvi_dushi/ – последнее обращение 18.09.2020.

(64) Запашный методично подчишал за собой «хвосты», **ликвидируа**^{НСВ} всех, кто мог бы дать против него показания (НКРЯ)

В болгарском языке деепричастия образуются только от глаголов несовершенного вида, поэтому сам факт возможности их образования является показательным для видовой характеристики данной глагольной формы. При этом глагол несовершенного вида может иметь как процессное (65), так и событийное (66) значение:

(65) **Ликвидирайки**^{НСВ} средната класа и решавайки така краткосрочните политически проблеми [...], западната върхушка сама си създава още по-сериозни дългосрочни проблеми.³¹

(66) В недрата на димящата Аида Авелин унищожи демона дактил и обърна хода на тази война, **ликвидирайки**^{НСВ} това, което обединяваше враговете ни (БНК)

Схожая ситуация наблюдается и в формах некоторых причастий в атрибутивной функции: в русском языке для образования действительных и страдательных причастий настоящего времени используется основа настоящего времени (и значит, несовершенного вида), к которой присоединяются специализированные суффиксы *-ущ/-ащ-* и *-им/-ем-*; в болгарском действительные причастия настоящего времени образуются путем присоединения к основе имперфекта суффикса *-ущ-*:

(67) Ученые из Южной Кореи создали вирус, **ликвидирующий**^{НСВ} раковые клетки.³²

³¹ http://www.novazora.net/2007/issue05/story_07.html – последнее обращение 18.09.2020.

³² <https://myslo.ru/news/arhiv/news-1724> – последнее обращение 18.09.2020.

(68) Нейроны второго слоя отражают сложные отношения, **используемые**^{НСВ} для активизации нейронов третьего слоя (НКРЯ)

(69) Сега изтичането на заразена вода е сред основните проблеми пред специалистите, **ликвидиращи**^{НСВ} последиците от аварията в АЕЦ «Фукушима-1».³³

Как видно из примеров (67) – (69) глаголы *ликвидировать*, *использовать* и *ликвидирам* рассматриваются только как глаголы несовершенного вида. Таким образом, несмотря на то, что исходный глагол сам по себе не охарактеризован по виду, уже сам суффикс причастия вместе с основой настоящего времени становятся показателями и аспектуальной характеристики.

Итак, в настоящем параграфе мы рассмотрели вопрос о нестандартных способах выражения аспектуальных характеристик в русском и болгарском языках. Проведенный анализ показал, что, помимо типичных способов выражения вида (аспектуально маркированные глаголы), в обоих языках имеется группа глаголов, не выражающих вид типичным для славянских языков способом. Эти глаголы являются неопределенными с точки зрения вида, так как они объединяют в себе характеристики как совершенного, так и несовершенного вида. Отсутствие какого-либо указания на видовую характеристику говорит об их неаспектуальном характере (ср. в этой связи термин “anaspectual verbs” используемый в (Timberlake 2004: 408 и след.).

В русском языке форма прошедшего времени биаспективов не позволяет выявить семантические и грамматические признаки, по которым противопоставляются глаголы совершенного и несовершенного вида. В связи с этим, видовая интерпретация осуществляется с помощью других, не типичных

³³ https://bntnews.bg/bg/a/106728-techyt_ot_fukushima_po_opasen_ot_ochakanoto – последнее обращение 18.09.2020.

для славянских языков, приемов. Так, например, в минимальном контексте доминирующим будет восприятие биаспектива как событийного глагола совершенного вида не столько потому, что имеются специальные показатели совершенного вида, а именно ввиду отсутствия показателей несовершенного вида (длительности, многократности). Такое поведение приближает семантику прошедшего времени двувидовых глаголов в некоторых контекстах к конкретно-референтному общефактическому значению несовершенного вида, конкурирующему с конкретно-фактическим значением совершенного вида. Действительно, как показали некоторые из рассмотренных примеров, для интерпретации биаспективов как глаголов несовершенного вида необходимы специальные, поддерживающие такую интерпретацию, элементы высказывания.³⁴

В непрошедшем времени в русском языке сложно говорить о какой-либо доминирующей интерпретации. По сути, мы интерпретируем вид на основании временной характеристики «положения вещей» и ее отражения в тексте. Если вся фраза воспринимается в плане настоящего (в т.ч. настоящего вне-временного), то мы обязаны в силу своей «грамматической памяти» интерпретировать вид глагола как несовершенный. Если же действие представлено в будущей перспективе, то автоматически предикат будет восприниматься как предикат совершенного вида. Омонимичность форм настоящего и простого будущего (*аннулирую*) касается таких взаимоисключающих признаков, как длительность и многократность с одной стороны, и однократная событийность – с другой. Та же длительность и многократность в будущем обеспечиваются аналитической формой будущего времени, которая интерпретируется только как форма несовершенного вида.

Что касается болгарского языка, то можно отметить своего рода «обратный параллелизм» по отношению к русскому.

³⁴ В этом смысле двувидовые глаголы напонируют слова общего рода (*круглый сирота / круглая сирота, пришел коллега / пришла коллега*), род которых определяется по ближайшему контексту.

В прошедшем времени, хотя и частично, можно формально обозначить аспектуальную характеристику за счет форм имперфекта (*анулираше*) и аориста (*анулира*). В плане будущего, наоборот, имеется один только способ образования будущего времени для глаголов как совершенного, так и несовершенного вида: *ще пиша*^{НСВ} – *ще напиша*^{СВ}, в то время как у биаспективов видовая характеристика остается невыраженной (*ще анулирам*^{НСВ/СВ}). В этом случае доминантной является интерпретация вида как совершенного: *ще анулирам*, *ще ликвидирам*, *ще гарантирам*. Не исключается однако и несовершенновидовое значение, в основном, в тех случаях, когда присутствуют специфические показатели в тексте: *ще анулирам*, *ще ликвидирам*, *ще гарантирам* + *всеки ден*, *винаги*, *дълго* и т.п. или когда речь идет о простом назывании запланированного в будущем действия, представленного как возможный факт (*Утре ще ремонтирам колелото*).

Возможность по-разному интерпретировать видовое значение двувидовых глаголов в высказывании и множество способов его компенсировать не исключает эти глаголы из видовой системы рассматриваемых языков. На наш взгляд, их можно рассматривать как третью категорию глаголов, не определенных на лексическом уровне с точки зрения вида, но входящих в более общую категорию аспектуальности, как категорию высказывания и текста. В связи с этим можно предложить следующую схему распределения глаголов в зависимости от их видовой характеристики:

Вид глагола			
определенный			неопределенный
<i>perfectiva tantum</i>	<i>парные глаголы</i>		<i>imperfectiva tantum</i> <i>биаспективы</i>
	СВ	НСВ	

В заключение, хочется подчеркнуть, что в последние десятилетия в русском языке наблюдается активный рост числа

двувидовых глаголов,³⁵ в частности, за счет продуктивных словообразовательных механизмов, которые находят применение в контексте большей языковой свободы и меньшей жесткости языковой нормы. Интересно то, что «средства восстановления» видовой характеристики на уровне высказывания часто связаны с феноменом редупликации, имеющим место в разных языках и выражающимся в том, что одна и та же грамматическая информация может передаваться в тексте разными средствами одновременно. В случае аспектуально немаркированных глаголов отсутствие основного средства выражения вида «приводит в действие» второстепенные (факультативные) показатели вида, которые в таком случае становятся единственными и главными: другие видовые (маркированные) формы, адвербиалы, суффиксы причастий и деепричастий, залоговые формы, категория определенности имени. Все эти механизмы можно считать проявлением инновационных процессов в русском языке, так как язык прибегает к новым, нетрадиционным, более аналитическим способам выражения аспектуальной характеристики глаголов в русском языке.

2. Актуализация аспектуальных значений в высказывании и роль семантического класса предиката в аспектуальной интерпретации высказывания

В настоящем параграфе рассмотрим некоторые особенности аспектуального значения неопределенной кратности глаголов несовершенного вида. Семантическое ядро указанного смысла составляют моментальные глаголы (или пунктивы), образующие так называемые тривиальные видовые пары. Согласно Ю.С. Маслову, совершенный вид моментальных глаго-

³⁵ Среди них такие глаголы, как *геймифицировать*, *генотипировать*.

лов выражает скачкообразный, ‘точечный’ переход в новое состояние без подготовительной фазы, в то время как несовершенный вид этих глаголов не может «иметь конкретно-процессуального значения» (Маслов 1948: 315), поэтому они используются только для передачи неопределеннократного значения.³⁶ Иными словами, речь идет о глаголах, чьи имперфективные формы «всегда имеют итеративное значение, независимо от того, есть ли окружении этих форм итеративные обстоятельства или другие средства выражения итеративного значения (Храковский 1989: 45).

Такие видовые пары были названы Е.В. Падучевой *тривиальными* в том смысле, что члены видовой пары связаны простыми, количественными отношениями (1996 [1989]): «Мы называем тривиальным такое соотношение в паре СВ-НСВ (и, соответственно, такую пару), когда глагол НСВ обозначает многократное повторение той ситуации, которая обозначена глаголом СВ» (1996: 89). Ю.Д. Апресян отмечает для таких пар четыре типичных значения: узуальное (70), настоящее историческое (71), а также результативный (72) и двунаправленный (73) подтип общефактического значения глаголов несовершенного вида (1995б [1988]: 227):

(70) Он **находит** свои книги в самых неожиданных местах.³⁷

(71) **Приходит** ко мне однажды и говорит.

(72) Никто не **находил** мою сезонку?

(73) Ко мне никто не **приходил**?

³⁶ Имеются в виду такие видовые пары, как *приходить – прийти, находить – найти, выучивать – выучить, изнашивать – износить, спотыкаться – споткнуться, посещать – посетить, приносить – принести, приглашать – пригласить*.

³⁷ Примеры (70) – (73) взяты из Апресян 1995б [1988]: 227.

Можно предположить, что итеративность как семантико-грамматический признак глаголов НСВ, входящих в такие видовые пары, будет определять синтаксическое поведение этих видовых пар в предложении. В этой связи В.С. Храковский (1989) выделяет в рамках высказывания признак множественности, или неопределенной кратности, как независимый семантический признак: «В русском языке, например, ведущим средством выражения единичности / множественности ситуаций являются категории вида и СГД, взаимодействующие с аспектуально значимыми элементами контекста. С помощью глагола Св обычно обозначается единичная ситуация (*Студент пришёл на лекцию вовремя*), а с помощью соотносительного глагола НСВ может быть выражено неконечное дискретное множество ситуаций (*Студент приходил на лекции вовремя*)» (Храковский 1989: 14).

В то же время, нельзя не отметить тот факт, что смена вида глагола в приведенных примерах сопровождается сменой грамматического числа имени (*пришёл на лекцию – приходил на лекции*), что, по сути является эксплицитным указанием на кратность ситуации. Поэтому можно предположить, что именно итеративная семантика моментальных глаголов несовершенного вида обеспечивает связь с грамматическим числом существительного. То же можно сказать и о примере (70), где итеративное значение поддерживается множественным числом объекта и обстоятельственных пояснений (*свои книги, в самых неожиданных местах*).

Глаголы, рассматриваемые в настоящем параграфе, по своей лексической семантике соответствуют классу *achievements* по известной классификации З. Вендлера (Vendler 1957).³⁸ Такие действия на временной оси отмечаются точкой, а не интервалом. Они образуют видовые пары, основанные только на отношении кратности (в частности, на противопоставлении *однократность / неопределенная кратность*). Значение неопределенной кратности характеризует все парные

³⁸ В русской терминологии *достижения* или *происшествия*.

русские глаголы несовершенного вида, включая глаголы предельных видовых пар, а также глаголы деятельности. Основное различие состоит в том, что моментальные глаголы несовершенного вида не требуют обязательного указания на неопределенную кратность ситуации, в то время как глаголы несовершенного вида, имеющие процессный характер, могут иметь не только итеративную интерпретацию. Глаголы несовершенного вида, имеющие значение предельного процесса и не сопровождаемые обстоятельствами кратности, могут восприниматься как в актуально-длительном, так и в неактуальном значении. Неактуальность действия как раз и предполагает итеративное, неопределенно-кратное его прочтение.

В русском языке минимальный языковой контекст (74) оказывается недостаточным для определения указанных выше значений:

(74) Иван **чинил**^{НСВ} машину.

Если и экстралингвистический контекст не способствует прояснению значения, то с целью снятия двусмысленности и во избежание разночтений представляется необходимым расширить контекст. Так расширенный контекст приведенных ниже примеров ясно указывает на то, что мы имеем дело с актуально-длительным значением глагола *чинить* в (75) и с неопределенно-кратным (итеративным) в примере (76):

(75) [Я видел, как] Иван **чинил**^{НСВ} машину.

(76) Иван то и дело **чинил**^{НСВ} машину: она у него была старенькая.

Выявлению аспектуальной семантики высказывания может способствовать также контекст множественности объектов, как в (77) – в этом случае речь будет идти скорее о кратном (хабитуальном) значении глагола несовершенного вида:

(77) Иван **чини**л^{НСВ} машины.

В болгарском языке однократность ситуации будет выражаться аористом глагола и определенностью объекта, вне зависимости от вида глагола:

(78) [Вчера] Иван **поп**равя^{НСВ-аор} колата.

(79) [Вчера] Иван **поп**рави^{СВ-аор} колата.

В первом случае (78) речь идет об однократном действии как о процессе, во втором (79) – как о результате.

Имперфект глагола несовершенного вида в сочетании с определенным объектом может обозначать процесс, как в (80), даже если действие распространяется на множество определенных объектов – как в (81):

(80) Иван **поп**равяше^{НСВ-имперф} колата.

(81) Иван **поп**равяше^{НСВ-имперф} колите.

Для того, чтобы несовершенный имперфект в сочетании с определенным объектом во множественном числе обозначал неопределенно-кратное, нереперентное событие, нужен дополнительный, уточняющий (или подразумеваемый) контекст, как в (82):

(82) Иван **поп**равяше^{НСВ-имперф} колите [за нула време].

Неопределенный объект во множественном числе при несовершенном имперфекте (83) переводит значение глагола в категорию деятельности:

(83) Иван **поп**равяше^{НСВ-имперф} коли.

Аналогичный пример из русского языка с глаголом в на-

стоящем времени приводится также В.С. Храковским: «Если теперь рассмотреть предложения *Наш сосед строит дом* и *Наш сосед строит дома*, то в них признак однообъектности уже релевантен, ибо в сочетании с формой НСВ наст. вр. однообъектность является приметой актуального однократного действия, а многообъектность – приметой неактуального многократного действия» (Храковский 1989: 18).

В этом случае грамматическое число объектов становится релевантным именно за счет нейтрализации видового противопоставления по кратности в настоящем времени. Тем не менее, и в прошедшем времени (см. примеры выше) связь вида с единственностью и множественностью ситуаций очевидна.

Так, в примере (84) речь будет идти об однократном (возможно, незавершенном) действии, выраженном предельным глаголом несовершенного вида, которое распространяется на один конкретный объект:

(84) Наш сосед **строил**^{НСВ} дом.

В тоже время в примере (85) с объектом во множественном числе более вероятной представляется итеративная интерпретация глагола несовершенного вида, а именно выражение законченных неопределенно-кратных действий:

(85) Наш сосед **строил**^{НСВ} дома.

Однократные события, распространяющиеся на референтный объект (или объекты), будут выражаться глаголами совершенного вида, как это видно из примеров (86) и (87):

(86) Наш сосед **построил**^{НСВ} дом.

(87) Наш сосед **построил**^{НСВ} (эти) дома.

Так, например, известно, что русские парные предельные глаголы совершенного вида (глаголы исполнения, *accomplish-*

ments по Вендлеру) в прошедшем времени, называя однократное событие, могут сочетаться с инклюзивными обстоятельствами времени типа «за *x* времени», как (88):

(88) Он **построил**^{СВ} дом за год.

Болгарский перевод примера (88) оформляется при помощи аориста СВ, определенного объекта с тем же обстоятельством времени «за *x* време» (89):

(89) **Построи**^{СВ-аор} къщата³⁹ за една година.

Итак, в примерах (88) и (89) мы видим, что выражение «за *x* времени» (помимо указания на конкретный срок выполнения действия) как бы дублирует, подчеркивает значение достижения предела, уже выраженное глаголом СВ и распространяющееся на определенный (референтный) объект. В случае использования предельных имперфективов инклюзивные обстоятельства типа «за *x* времени» также возможны, но только с такими объектами, которые совместимы с представлением о достижении предела и поэтому обеспечивают реализацию «потенциального» значения НСВ. Чаще всего это существительные неопределенные и нереферентные – они или в форме множественного числа (90), или сопровождаются определительными местоимениями, как в примерах (91) и (92):

(90) Сразу понятно, что парень забросил школу.. А какие были надежды! Ведь **решал**^{НСВ} задачи за 5 минут!

(91) В ту же секунду – обладая бесчисленным количеством нанороботов, Катер почти любую задачу **решал**^{НСВ} мгновенно.

³⁹ По сведениям информантов предложение с неопределенным объектом возможно только в сопровождении оценочного прилагательного: *Построи*^{СВ-аор} цяла къща за една година.

(92) Три-Котелка – великий человек. Супермен. Прыгал с крыши и не разбивался, кулаком пробивал листовое железо, один переносил вагон с пути на путь, любой сейф **открывал**^{НСВ} за двадцать четыре секунды.⁴⁰

В болгарском языке примерам (90) – (92) будут соответствовать фразы с несовершенным имперфектом.

Таким образом, становится понятным, что для описания определенного положения вещей (ситуации или события) необходимо учитывать целый комплекс возможных лексических и грамматических средств. Иными словами, мы формируем аспектуальную характеристику высказывания, используя не только глагол определенного семантического класса, вида и времени, но и другие компоненты высказывания: аргументы глагола, грамматическое число, референтность объекта, т.е. весь «аспектуально значимый контекст» (Бондарко 1990: 13). Отсюда и сложность сопоставления выражения аспекта в языках с разным набором и типом средств для его обозначения: именно информация, обеспечиваемая контекстом и способствующая актуализации или нейтрализации (а также имплицированию) того или иного видового значения, становится ключевой при поиске соответствий видовых форм бинарной аспектуальной системы в языках с иным оформлением аспектуальной информации на уровне высказывания.

Показателями влияния контекста на интерпретацию значения глагола несовершенного вида могут стать и такие ‘нестандартные’ показатели, как конкретность объекта, общие знания о мире и т.п. Так, например, в вопросе *Кто покупал эти билеты?* однократность выводится из наличия в ситуации

⁴⁰ Ср. также известный пример Е. В. Падучевой «Хороший был слесарь: любые замки открывал!» (Падучева 1996: 10), а также пример с событийным глаголом *находить* в дистрибутивном контексте: *Любил людей, жизнь и в каждом человеке находил*^{НСВ} *что-нибудь хорошее*. Источник: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7240> – последнее обращение 14.08.2020.

конкретного, определенного объекта (Милославский 2002: 114). Похожим образом оформлено и высказывание *Я рассказывал тебе об этом случае*, в котором результативность так же поддерживается референтностью объекта, определяемого спецификатором *этом* (там же: 116). Такие случаи говорят о том, что семантика грамматических средств подчиняется «общим семантическим характеристикам предложения» (там же: 119). Глубокая связь между глагольной многократностью и именной множественностью с исторической точки зрения особо выделяется В.С. Храковским: «[...] любопытно отметить, что на определенном, достаточно раннем этапе языковой эволюции, а именно в языках активной типологии, к которым относят и индоевропейский, множественность обозначаемого именем референта выражалась морфологическим показателем не в имени, а в глаголе» (1989: 7).

Итак, исходя из тезиса, что высказывание является носителем определенного семантического и прагматического содержания, в пределах которого, по нашему мнению, происходит структурирование и его аспектуальной характеристики, можно допустить, что речь идет о сложном единстве относительно свободных компонентов – таких, как видо-временная характеристика глагола, категория именной определенности в ее связи с единичностью или множественностью аргументов предиката.

В первую очередь, на примере выражения итеративности в прошедшем времени в русском языке представим простую актуализацию специфического аспектуального значения. Речь идет о контекстах с таким лексическим показателем итеративности как частица *бывало* в сочетании с имперфективом в прошедшем времени. Ср. примеры (93) – (95):

(93) А золото тоже найти надо. Однако по горным речкам, бывало, **находили**^{НСВ} (НКРЯ)

(94) Здесь, бывало, **сживал**^{НСВ} со мною Николай Раевский, молча прислушиваясь к мелодии волн (НКРЯ)

(95) Отец, бывало, **рассказывал**^{НСВ}, что он смирный был, спокойный, помогал даже, если нужда была (НКРЯ)

В примере (93) частица *бывало* способствует усилению итеративного значения глагола *находить*, который в прошедшем времени, как известно, может называть только многократное событие). Частица *бывало* при этом исключает общефактическое прочтение и вносит дополнительный эффект нерегулярной повторяемости. В случае (94) можно говорить о чистой редупликации, т.е. о дублировании видовой семантики *бывало* и *сизживать*, поскольку глаголу *сизживать* уже изначально присуща семантика нерегулярной повторяемости действия (Грамматика 1960: 488; Виноградов 1986: 413). Если же в сходном контексте употреблен предельный глагол, который, как известно, может выражать как однократный процесс (в конкретно-процессном значении), так и многократный процесс или многократное событие, то частица *бывало*, актуализирует именно многократное значение (ср. глагол *рассказывать* в примере (95)). Если же эту частицу удалить, то реализуется общефактическое значение НСВ, как в примере (96):

(96) Отец **рассказывал**^{НСВ}, что он смирный был, спокойный, помогал даже, если нужда была.

В примере (97) глаголов, попадающих в сферу действия *бывало*, больше. Они могут называть как событие (*отравляли, кололи*), так и длительный процесс (*стреляли*):

(97) Случалось, и прежде от насильственной смерти погибали поэты, бывало, женщины их **отравляли**^{НСВ}, **кололи**^{НСВ}, **стреляли**^{НСВ} [...] (НКРЯ)

В связи с этим, *бывало*, наряду с формой *случалось*, выполняет в примере (97) объединяющую и ограничивающую, «рамочную» функцию. При этом, в эту рамку вписываются глаголы разных семантических классов, так как все они в со-

ответствующих контекстах могут выражать значение многократности (присущее в современном русском языке всем глаголам НСВ, кроме некоторых глаголов состояния).⁴¹ Таким образом, благодаря рамочному итеративному элементу (*бывало*) актуализируется потенциальное многократное значение русских глаголов НСВ, а возможное конкретно-процессное прочтение остается в тени или блокируется.

Перед тем как перейти к особенностям болгарского языка, рассмотрим еще несколько примеров из русского языка, в которых видовая характеристика глаголов не предназначена для выражения значения многократности – в нашем случае речь пойдет о глаголах совершенного вида в форме презенса,⁴² которые в определенных контекстах актуализируют именно значение многократности:

(98) [...] Добираться назад было трудно. Иногда **подхватит**^{CB} чья-нибудь лодка (НКРЯ)

В примере (98) описана ситуация, имевшая место более одного раза, несмотря на совершенный вид предиката. Этот

⁴¹ Среди глаголов несовершенного вида составляют исключение (т.е. не вписываются в семантическую рамку многократности) те глаголы *imperfectiva tantum*, которые в принципе не могут употребляться в актуально-длительном значении, такие, как, например, глаголы неактуального состояния: *знать, любить, иметь, означать* и др. И действительно, в НКРЯ нами были обнаружены только примеры сочетания *бывало* с глаголом *любить* (всего 16 на 19.09.2020) и ни одного с глаголами *знать, означать* и *иметь*. Ср., в частности, – *Как он бы в а л о любил молочко! «Выпей», – говорю я ему, а он... ох, мочи моей нет, ох, уж хоть бы померла я!* (НКРЯ)

⁴² А.В. Бондарко определяет значение таких форм глаголов совершенного вида как «настоящее неактуальное» и рассматривает их на периферии сферы употребления данной грамматической формы: *Старый человек иногда загрустит, а отчего – сам не знает* (Бондарко 2002: 19). Для этих форм в русском языке приняты также термины перфективный презенс (Исаченко 2003 [1960], Маслов 2004), презентные формы совершенного вида (Петрухина 1983).

пример интересен тем, что *иногда* выполняет одновременно и текстообразующую функцию, а именно функцию поддержки когерентности текста. Ср. неправильность следующего фрагмента (99):

(99) *Добираться назад было трудно. **Подхватит**^{СВ} чья-нибудь лодка.

Более того, в поддержку значения неактуальной многократности выступает и неопределенное нереферентное местоимение *чья-нибудь*: ср. сомнительность примера (100) и неправильность примера (101), содержащих референтное местоимение:

(100) ?Добираться назад было трудно. Иногда **подхватит**^{СВ} чья-то лодка.

(101) *Добираться назад было трудно. **Подхватит**^{СВ} чья-то лодка.

Таким образом, контекст (98) возможен, на наш взгляд, именно из-за наличия в нем показателя нерегулярной повторяемости *иногда*, который привязывает смысл второго предложения к временному отрезку (в прошлом) первого предложения (*Добираться было трудно*), а также «требует» использования нереферентного неопределенного местоимения *чья-нибудь*, благодаря чему становится возможным использование глагольной формы соверше *подхватит* для выражения множества неактуальных событий.⁴³

Сходная ситуация наблюдается и при описании положения вещей в прошедшем времени с использованием *бывало* в сочетании с серией глаголов совершенного вида в форме презенса:

⁴³ Ср. конкретно-фактическую интерпретацию примера с референтным местоимением: *Добираться назад было трудно. Их подхватила чья-то лодка, которая и довезла их до берега.*

(102) Бывало, хлопнет^{СВ} за ним калитка, тётка **по-
смотрит**^{СВ} ему вслед и **вздыхнёт**^{СВ}: «Скучает наш хозяин»
(НКРЯ)

В примере (102) серия глаголов совершенного вида, выражающая повторение следующих одно за другим событий, сочетается с показателем нерегулярной многократности *бывало*. Если попытаться выразить многократность глаголами несовершенного вида в прошедшем времени, как в примере (103), то мы увидим, что для обеспечения многократной интерпретации ситуации не достаточно просто заменить глаголы совершенного вида на глаголы несовершенного вида.

Дело в том, что в примере (102) мы имеем дело с глаголами совершенного вида, называющими однократное событие (*посмотреть*), в том числе, с семельфактивами (*хлопнуть*, *вздыхнуть*), в то время как в приведенном ниже варианте (103) – с глаголами несовершенного вида многоактного сособа действия (*хлопать*, *вдыхать*), а также с глаголом неопределённого процесса (*смотреть*). Таким образом, изменив семантический класс глаголов (и, в частности, их способ действия) мы получили эффект конкретно-процессного значения несовершенного вида:

(103) За ним хлопала^{НСВ} калитка, тётка **смотрела**^{НСВ} ему
вслед и **вдыхала**^{НСВ}: «Скучает наш хозяин» (НКРЯ)

Для снятия двусмысленности (т.е. для актуализации многократного значения несовершенного вида) необходимо обеспечить соответствующий многократный, как в примере (104), контекст:

(104) Иногда / бывало за ним хлопала^{НСВ} (захлопыва-
лась^{НСВ}) калитка, тётка **смотрела**^{НСВ} ему вслед и **вдыхала**^{НСВ}:
«Скучает наш хозяин».

Итак, по-видимому, для того, чтобы получить эквивалент-

ное высказывание с несовершенным видом в прошедшем времени и с *'бывало + совершенный презент'* необходимы и другие условия, а именно замена совершенного презенса с функцией многократного действия моментальными имперфективами с событийной семантикой. Иными словами, важным условием эквивалентной трансформации представляется совпадение акциональной характеристики глаголов совершенного и несовершенного вида, т.е. сохранение событийного характера глаголов. В примере (105), выражающем «смену положения вещей» при помощи глаголов совершенного вида, образующих с коррелятом несовершенного вида тривиальную пару, такая замена (106) возможна:

(105) Бывало, **забежит**^{CB} в кабинет врачей или в комнату сестер, **сядет**^{CB} в уголочке и сидит тихо (НКРЯ)

(106) **Забегал**^{HCB} в кабинет врачей или в комнату сестёр, **садился**^{HCB} в уголочке и сидел тихо.

Таким образом, подтверждается мысль А.И Исаченко, что некоторые совершаемостьные значения, выражаемые совершенным видом глагола, не могут быть сохранены в корреляте несовершенного вида, поэтому и выражаются только формами перфективов (Исаченко 2003 [1960]: 452). Другими словами, простая, механическая замена перфектива на имперфектив в таких контекстах не позволяет получить синонимичное высказывание. Если семантические классы не совпадают, нужна поддержка контекста. Организующим центром высказывания, безусловно, будет глагол, но в зависимости от «степени прозрачности» видового значения как говорящий, так и слушающий будут прибегать к дополнительным элементам высказывания, отражающего ситуацию. Именно благодаря этому вмешательству со стороны слушающего и становится возможной интерпретация аспектуальной информации в тех случаях, когда одной грамматической формы недостаточно.

Так, например, при употреблении глаголов совершенного

вида для выражения серийных неактуальных действий в прошлом с целью поддержания многократности (кроме *бывало*) может использоваться более широкий контекст, т.е., если мы обратимся к тексту, то мы обнаружим целую сеть элементов, создающих контекст итеративности. В частности, в примере (107) семантико-аспектуальную рамку многократности задают глаголы несовершенного вида, имеющие событийный характер (т.е. входящие в тривиальные видовые пары) *подходят*, *уходят*, а также множественное число аргументов предиката:

(107) Но немного погодя, осмотревшись, она начала догадываться, что амулеты не идут нарасхват, и **подходят**^{НСВ} к ним в основном ложные покупатели, задают кучу глупых вопросов. **Переберут**^{СВ}, **померят**^{СВ}, **замусолят**^{СВ} и **уходят**^{НСВ} ни с чем (НКРЯ)

Наличие совершенного презенса может быть решающим аргументом в пользу интерпретации ситуации как многократной, в первую очередь благодаря сочетанию семантических компонентов «событийность СВ» + «неопределенная кратность настоящего времени». Иными словами, наличие в одном предложении форм совершенного презенса и презенса глагола несовершенного вида приводит к сужению набора возможных прочтений той формы, которая обладает бóльшим набором значений, а именно, имперфектива: многократное значение совершенного презенса обеспечивает многократное прочтение и несовершенного презенса.

Далее мы рассмотрим случаи взаимодействия контекста и гибридных, «конфликтных» видо-временных форм в болгарском языке. В частности, мы сосредоточим свое внимание на том, как в контексте актуализируется одно из аспектуальных значений, потенциально присутствующих в глагольной форме совершенного имперфекта в болгарском языке, а также проанализируем возможные соответствия в русском.

Формы совершенного имперфекта в болгарском языке

представляют собой конфликтный семантико-аспектуальный тип, в котором совмещаются семантически противоречивые грамматические значения. Тем не менее, нейтрализации аспектуальных значений не происходит. Болгаристы и аспектологи давно обратили внимание на эти формы (Маслов 2004: 204-215, Иванчев 1971: 136-139) и всегда подчеркивали их синтаксически несамостоятельный характер: «Совершенный имперфект представляет собою обособленное явление; его употребление возможно лишь в специальных синтаксических условиях» (Маслов 2004: 177). И действительно, чаще всего такие формы встречаются в придаточных предложениях в составе сложного. См. следующие примеры:

(108) Ако малко **закъснееш**^{СВ-имперф}, **тя** винаги **се сърдеше**^{НСВ-имперф}

(109) **Станеше**^{СВ-имперф} ли студено, **обличаше**^{НСВ-имперф} си пуловера.

(110) [...] щом я **видеше**^{СВ-имперф}, **запалваше**^{НСВ-имперф} **цигара**.⁴⁴

Как видно из примеров (108) и (109), в главном предложении употребляется форма имперфекта глагола несовершенного вида, которая совмещает актуально-длительное и итеративное значение. Однако тот факт, что совершенный имперфект может выражать только повторяющиеся события,⁴⁵ приводит к тому, что и в главном предложении актуализируется именно итеративное значение имперфекта. В примере (110) в главном предложении употреблен вторичный имперфектив *запалвам*, который полностью соответствует итеративной логике совершенного имперфекта.

⁴⁴ <https://chitanka.info/text/23642/2> – последнее обращение 16.08.2020.

⁴⁵ О подобном употреблении совершенного имперфекта в хорватских диалектах на территории Италии см. также Vreć 2011: 162 и след.

Однако контексты употребления совершенного имперфекта подобными примерами не исчерпываются. Возможно также его независимое употребление. Это те случаи, когда в одной форме совмещается значение события (выраженное основой совершенного вида) и его же повторение (благодаря форме имперфекта), и при этом исключается процессное прочтение. Иными словами, в контекстах, в которых необходимо передать серию неактуальных, повторяющихся событий (в том числе и нерегулярно) совершенный имперфект выражает повторяющиеся целостные действия.⁴⁶

Рассмотрим отрывок из болгарской художественной литературы (111),⁴⁷ который состоит из двух частей. В первой части (111а) наравне с имперфективами в форме имперфекта имеются также показатели повторяемости (*понякога*). Во второй части (111б) появляются интересующие нас глаголы СВ в имперфекте (*кривнеше, отбиеше се*):

(111) а. Но **понякога** Войка не **излизаше**^{НСВ-имперф} и Лепо **чакаше**^{НСВ-имперф} напразно. [...] На няколко пъти той **отиваше**^{НСВ-имперф} до малкото прозорче и **чукаше**^{НСВ-имперф} тихо.

– Войке, чакам те!

Но никой не му се **обаждаше**^{НСВ-имперф}.

б. Той **тръгваше**^{НСВ-имперф} бавно, съсипан от очакване, измъчен от мисли, капнал за сън, **кривнеше**^{СВ-имперф} към село, после **се отбиеше**^{СВ-имперф} през ливадите и **скиташе**^{НСВ-имперф} по пътищата безцелно, като смахнат (Е. Пелин 1977: 205).

Представляющие для нас интерес формы совершенного имперфекта (*кривнеше, отбиеше се*) не стоят в начале предложения и не вводят в новую ситуацию. Несмотря на это, они играют решающую роль в обеспечении итеративного прочтения всей ситуации, как бы «уточняя», «подсказывая», что

⁴⁶ Такое значение совершенного вида Ю.С. Маслов определяет как наглядно-примерное кратко-перфективное (Маслов 2004: 204).

⁴⁷ Пример из Граматика 1998.

формы имперфекта глаголов несовершенного вида (*трьгваше, скиташе*, которые могут называть как однократный, так и многократный процесс) также необходимо интерпретировать как многократные события или процессы. Иными словами, в данном случае предварительное введение в ситуацию не является необходимым, так как функцию выражения многократности выполняет форма имперфекта глаголов СВ во второй части (111б).

В русском языке нерегулярная повторяемость описанной ситуации задается в первой части отрывка (112) при помощи частицы *бывало* и обстоятельства *по несколько раз*:

(112) а. Но, бывало, Войка не **выходила**^{НСВ}, и Лепо напрасно **ждал**^{НСВ} [...] По несколько раз он **подходил**^{НСВ} к маленькому окошечку и негромко **стучал**^{НСВ}.

– Войка, я жду тебя!

Но никто не **выходил**^{НСВ}.

б. Он **уходил**^{НСВ} медленно, измученный ожиданием, истерзанный мыслями и почерневший от недосыпания, **сворачивал**^{НСВ} в сторону села, **пересекал**^{НСВ} луга и **скитался**^{НСВ} по дорогам без цели, как полоумный.

Вторая часть русского перевода (112б) не содержит лексических средств выражения многократности, а включает только глаголы несовершенного вида, которые могут получать и процессную интерпретацию. Поэтому если первую часть отрывка опустить, то для достижения эффекта многократности в части (112б) необходимо ввести показатель нерегулярной многократности. Возможны также глаголы в форме совершенного презенса (113):

(113) Бывало, **пойдет**^{СВ} медленно, измученный ожиданием, истерзанный мыслями и почерневший от недосыпания, **свернет**^{СВ} в сторону села, **пересечет**^{СВ} луга и **скитается**^{НСВ} по

дорогам без цели, как полоумный.⁴⁸

Необходимо также обратить внимание еще на один факт: мы видели, что все три примера (111) – (113) объединены одной особенностью, а именно глагол *скитам*, *скитаться* выводит ситуацию из плана событийности и предъявляет последнее действие как длительное и неопредельное (бесперспективная деятельность). В результате, события, выраженные глаголами совершенного вида (в русском и болгарском) и предшествующие длительному действию, воспринимаются как его необходимая предпосылка, а последнее действие, выраженное имперфективом, приобретает оттенок следствия. Такой же эффект можно отметить и при употреблении серии глаголов совершенного вида в непрошедшем времени в русском языке, предваряющих имперфективы настоящего времени, как в примерах (114) и (115). Приведем еще два примера, в которых этот элемент «следствия» присутствует в общей семантике высказывания; при этом должно сохраняться соотношение семантических классов глаголов (имперфектив называет событие, а имперфектив – деятельность):

(114) Ночью, бывало, **подползу**^{CB} к ихним траншеям и **слушаю**^{HCВ} (НКРЯ)

(115) Бывало, **пойдет**^{CB} на даче гулять, **забежит**^{CB} в лавку, **набьет**^{CB} полные карманы своего широкого пальто пряниками и леденцами и, при встрече с крестьянскими детьми, **раздаст**^{HCВ} им (НКРЯ)

Возвращаясь к совершенному имперфекту в болгарском языке, повторим, что эта форма может нести основную аспектуальную нагрузку как в придаточном предложении в составе сложного, так и в независимом употреблении при перечисле-

⁴⁸ Исключение составляет, как и в болгарском оригинале, глагол *скитаться*, относящийся к классу деятельностей и поэтому интерпретируемый как многократный процесс.

нии повторяющихся законченных событий. В обоих случаях таким способом обеспечивается итеративная интерпретация всей ситуации. Таким образом, форма совершенного имперфекта именно благодаря перевесу одного из двух конфликтных значений (а именно многократности, выраженной формой имперфекта, над однократностью, выраженной совершенным видом) с сохранением резульативного характера действия (*кривнеше, се отбиеше*) способствует актуализации одного из нескольких возможных прочтений несовершенного имперфекта, а именно, многократного (*тръгваше, скиташе*).

Таким образом, мы приходим к выводу, что глагольные формы совершенного презенса в русском языке и совершенного имперфекта в болгарском легко приспособляются к неактуальным (нереферентным) контекстам (как вневременным, так и прошедшим). Более того, в подходящих условиях у них могут актуализироваться одни значения, характерные для имперфекта и для презенса (например, многократность), и «блокироваться» другие (например, значение однократности, присущее всем перфективам). Иными словами, при использовании глаголов совершенного вида в рассмотренных выше контекстах сохраняется только их событийная семантика, а значение однократности зачеркивается, так как «берет верх» признак многократности или неопределенной кратности ситуации.⁴⁹ Эта их особенность позволяет употреблять глаголы совершенного вида и в тех случаях, когда имперфектив может стать источником двусмысленности или попросту требует больших «затрат» при оформлении текста. Более того, нам представляется, что общепринятое положение о большей экспрессивности и выразительности форм совершенного презенса и совершенного имперфекта⁵⁰ непосредственно связано с тем фактом, что они требуют более высокого уровня абстракции мышления

⁴⁹ Ср. также важное замечание И.Г. Милославского о «подчиненности семантики грамматических средств общим семантическим характеристикам предложения» (1999: 118-119).

⁵⁰ Шведова 1980: 609, Граматика 1998: 92.

говорящего, который оценивает ситуацию как неактуальную и недвусмысленно это выражает. Слушающий при этом, благодаря механизмам инференции, эту аспектуальную характеристику восстанавливает (декодифицирует).

Что касается глаголов несовершенного вида, то лексические показатели повторяемости в русском и болгарском языках необходимы почти для всех семантических классов, так как они призваны актуализировать именно значение многократности процесса или события. Исключение составляют имперфективы, имеющие событийную семантику (для них значение неопределенной кратности является единственным), а также глаголы со значением неактуального состояния, не употребляющиеся в актуально-длительном значении.

Глава 2.

Выражение общефактического значения глаголов в русском и болгарском языках

Общефактическое значение – одно из наиболее подробно изученных в аспектологии и, вместе с тем, одно из наиболее трудных для определения частных значений несовершенного вида. Ю.С. Маслов квалифицировал его (называя обобщенно-фактическим) как значение, которым называется факт совершения действия «без учета конкретных условий его осуществления» (Маслов 1984: 73). Оно служит для передачи «факта единичного действия, имевшего место в прошлом» и используется тогда, когда «говорящего интересует, было данное действие или не было» (Рассудова 1981: 17 – разрядка автора). В Грамматике-80 говорится в отношении таких действий, что в них делается акцент «лишь на факте его [действия] наличия или отсутствия» (Шведова 1980: 612). По этой причине использование глаголов несовершенного вида для называния факта действия в некоторых случаях может приводить к конкуренции видов.

Общефактическому значению несовершенного вида посвящено множество работ, касающихся, главным образом, русского языка (Гловинская 2001, Мелиг 1998, 2002, Падучева 1991, 2010а [1996], Рассудова 1981, 1982, Шатуновский 2009).¹ Чаще всего общефактическое значение несовершенного вида рассматривается в плане ретроспекции, в том числе и с точки зрения конкуренции видов (Гловинская 1982, Падучева 2010а [1996], 2013). Общефактическая глагольная предикация в прошедшем времени изучалась также в связи с референциаль-

¹ Общефактическое значение глаголов несовершенного вида в славянских языках, в том числе в сопоставлении с русским рассматривалось также в работах Dickey 2000, 2015 и Петрухина 2000.

ным статусом описываемых ситуаций и, в частности, с бытийными предложениями (см. более подробно об этом в работах Мелиг 1998, 2002, Шатуновский 2009). Исследователями также отмечается, что общефактическое значение не предполагает фокусирования внимания говорящего на результате действия (см. об этом Геберт 2002: 45 и Gebert 2014: 7), поскольку «спрашивающего интересует, имел ли место вообще данный факт; причем даже неважно, имел ли он место один раз или несколько раз [...], как и вообще неважны, не интересуют спрашивающего и прочие обстоятельства конкретного осуществления называемого действия» (Маслов 1959: 267-268; см. также Маслов 1984: 76). На неопределенный характер общефактического значения в русском языке указывает также О.П. Рассудова: «Специфика общефактического значения НСВ заключается в признаке неопределенности по сравнению со значением, выражаемым СВ. В то время как СВ обозначает целостное однократное действие, достигшее предела, НСВ не дает однозначной информации, не уточняет, было действие законченным или незаконченным, происходило оно один раз или неоднократно. [...] во многих случаях такая неопределенность отвечает потребностям коммуникации» (Рассудова 1982: 40-41).

Основной интерес при изучении разновидностей общефактического значения, как правило, направлен на область прошедшего времени, поскольку объединяющей для всех них является ретроспективная точка отсчета. Тем не менее, в последнее время некоторые исследователи задаются вопросом о возможности 'называния действия' формами будущего времени глаголов несовершенного вида (см. подробнее в Падучева 2010б, Князев 2014, Стойнова 2016). Отдельно обсуждались контексты 'называния действия' в инфинитиве и в императиве и их соответствие общефактическому значению в прошедшем (Рассудова 1981, 1982). В связи с этим интересно утверждение С. Алвестада о том, что использование имперфективов в императиве «is in fact the same phenomenon that is referred to as general-factual IPF when declaratives and interrogatives are involved. In other words, in many of these cases, IPF refers to a single, com-

plete event» (Alvestad 2013: 11). В настоящей работе мы используем термин общефактическое значение в будущем времени, подразумевая, что речь идет о глаголах несовершенного вида, обозначающих единичное, целостное событие, *мыслимое* говорящим как факт, который может иметь место *после* момента речи.

Речевой материал болгарского языка говорит о том, что общефактическое значение можно рассматривать как видо-временную форму (особенно в прошедшем и будущем времени). Традиционно оно описывается не как отдельное значение несовершенного вида, а как значение глагола несовершенного вида в форме конкретного грамматического времени в плане прошлого. Показательны в этом смысле и ставшая уже классической работа «Основна българска граматика» Л. Андрейчина (1978 [1944]), и диссертация Ю.С. Маслова «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке» (1959), и другие работы, посвященные феномену конкуренции видов (Деянова 1966, Станков 1976). Такой подход, при котором помимо акциональной и собственно видовой характеристики глаголов учитывается семантика конкретного грамматического времени, представляется вполне оправданным, если учитывать разнообразие грамматических форм времени, используемых в болгарском языке.

Ниже мы проанализируем способы реализации общефактического значения в русском и болгарском языках в финитных формах (в прошедшем и в будущем времени), а также в болгарских *да*-формах и их русских соответствиях. Будут рассматриваться прежде всего имперфективы, входящие как в предельные, так и в тривиальные пары (как например, соответственно, *писать* – *написать*, *пиша* – *напиша*, *встречать* – *встретить*, *срещам* – *срещна*),² некоторые глаголы НСВ, обо-

² Чаще всего в болгарском языке это «простые» глаголы (simplex verbs) несовершенного вида, в то время как для вторичных имперфективов (таких, как *написвам*, *прочитам*, *построявам*, *свършвам*) общефактическое значение не характерно, или, по крайней мере, встречается редко (Станков 1976:

значающие состояние и входящие в перфектные пары (*видеть – увидеть, виждам – видя, слышать – услышать, чувам – чуя*), а также группа глаголов говорения и мысли (типа *обещать, говорить, предлагать, предполагать*).³

1. Роль глагольных времен при выражении общефактического значения в прошедшем времени

В работах Е.В. Падучевой выделяется несколько специфических разновидностей общефактического значения (Падучева 2010а [1996], 2013). Из них мы рассмотрим ниже конкретно-референтную, экзистенциальную и неопредельную. Сопоставительное описание средств выражения общефактического значения несовершенного вида в русском и болгарском языках позволит выявить некоторые соответствия разновидностей этого значения в русском с болгарскими прошедшими глагольными временами.⁴

1.1. Общефактическое значение несовершенного вида в утвердительных высказываниях

Перед тем как обратиться к сопоставлению русских и болгарских примеров, отметим некоторые особенности болгар-

29). На окказиональный характер такого употребления указывает и S. M. Dickey, который приводит следующий пример: *«И понеже математиците обичат всичко да им е чисто и подредено (това беше най-нелепата лъжа, която съм написвал), тази игра се играе на компютър»* (Dickey 2015, с.189).

³ В терминологии Маслова это глаголы со значением «непосредственного, непрерывного эффекта» (Маслов 1948: 314).

⁴ Некоторые из изложенных ниже положений обсуждались в статьях Славкова 2015а, 2015б и 2018. В настоящей работе исследования дополнены новым материалом, некоторые положения пересмотрены.

ских глаголов несовершенного вида в прошедшем времени. Одной из видо-временных форм, при помощи которых выражается общефактическое значение в болгарском языке, является аорист несовершенного вида глагола. При помощи несовершенного аориста называются действия, локализованные во времени, которые по той или иной причине были прерваны. Значение прекращенности исключает сочетаемость с неограниченно-кратным значением имперфектива (**често четох*^{НСВ-аор} / *писах*^{НСВ-аор} *разкази*,⁵ **понякога ходих*^{НСВ-аор} *в Пловдив*), возможно только ограниченно-кратное значение НСВ (*три пъти ходих*^{НСВ-аор} *в Пловдив*, *няколко пъти му писах*^{НСВ-аор}). Временной интервал реализации действия таким образом оказывается закрытым: *За последните три месеца Иван три пъти ходи*^{НСВ-аор} *в Пловдив*. При этом само действие и его результат отдалены от момента говорения и никак не связаны с ним (Станков 1976: 30).

Перфект, наоборот, называет целостные действия, с неопределенной локализацией во времени (т.е. осуществившиеся в неопределенный момент в прошлом), для которых отсутствует информация об их прекращенности: *Ходил съм*^{НСВ-перф} *три пъти в Пловдив*. – возможна поездка в Пловдив и в будущем. Кроме того, именно при помощи перфекта отражается опыт, приобретенный субъектом в прошлом: *Чел съм*^{НСВ-перф} *Млада гвардия*.⁶

Имперфект обозначает ситуацию, относящуюся к прошлому, неограниченную во времени (повторяющуюся или в момент ее упоминания незавершенную) и при этом никак не связанную с планом настоящего. Общефактическое употребление имперфекта несовершенного вида в определенных условиях тоже возможно.

Сказанное можно проиллюстрировать на следующих болгарских примерах:

⁵ Ср. возможное *често четях*^{НСВ-имперф} / *пишех*^{НСВ-имперф} *разкази*.

⁶ Пример из работы Андрейчин 1976: 279.

(1) а. През последните месеци **е рисувал**^{НСВ-перф} само жена си и вещите около нея (БНК)

Вие разбирате ли от изкуство? – Да – казвам. **Чел съм**^{НСВ-перф} книгата «Ван Гог – художникът на слънцето и на лудостта» (БНК)

б. **Четох**^{НСВ-аор} я веднаж, когато пак пътувах – някой я беше забравил в купето (БНК)

Тя се засмя: – Вчера **рисувах**^{НСВ-аор} с пръсти (БНК)

Преди време ви **писах**^{НСВ-аор} с молба да приемете в манастира на калугерките една мома, за да се изучи, а после да я преместя в Плевен, за да отвори училище за тамошните момичета (БНК)

Ситуации, выраженные предикатами в (1а) и в (1б) имели место в прошлом, они выражены предельным глаголом в сочетании с референтным и определенным объектом. Основное различие состоит в том, что в (1а) действие отражает личный опыт говорящего, оно не локализовано на временной оси, глагол в известном смысле можно сравнить с именем (предметом в широком смысле слова): имело место «чтение» и, как следствие, мы можем заключить, что в момент речи может иметь место «знание субъектом содержания книги»: *чел съм, значи познавам съдържанието* («читал – значит, знаком с содержанием»). Подборка примеров из БНК показывает, что преобладают референтные (часто с определенным артиклем) объекты.

Действия же в (1б) (*четох, рисувах, писах*) происходили в определенный период, уточняемый говорящим (*веднъж, когато пак пътувах, вчера, преди време*), т.е. временной интервал является закрытым и ограниченным периодом поездки, вчерашним днем, или оторваны от момента речи большим временным интервалом (*преди време*). Такое значение Е.В. Падучева называет ретроспективным конкретно-референтным (2013: 11). Основным его признаком является грамматическая невыраженность достижения результата действий, имевших место в течение некоторого времени до момента речи, в том числе у предельных глаголов несовершенного вида.

Далее мы проследим закономерности функционирования прошедших времен (аориста, перфекта и имперфекта) болгарских имперфективов с точки зрения их соответствия разновидностям общефактического значения в русском языке.

1.1.1. Конкретно-референтная разновидность общефактического значения

Значение, называемое в русском языке общефактическим конкретно-референтным (Падучева 2013) и представленное в примере (2а), соответствует в болгарском значению, выражаемому несовершенным аористом (2б). В этих примерах предельные глаголы несовершенного вида с выраженным прямым объектом называют действие, имевшее место в прошлом. С точки зрения результативности оно может быть неопределенным, но может и получать интерпретацию законченного результативного действия и соответствовать по смыслу примерам (2в) и (2г.):

- (2) а. Я сегодня борщ **варила**^{НСВ-прош} (Падучева 2013: 11)⁷
б. Днес **правих**^{НСВ-аор} борш.
в. Я сегодня борщ **сварила**^{СВ-прош}
г. Днес **направих**^{СВ-аор} борш.

Результативность, естественно, может выводиться и из более широкого (уточняющего) контекста, как в примерах (3а) и (3б).⁸ Именно поэтому такие глаголы могут без потери

⁷ В настоящем параграфе для введения в проблематику и для характеристики каждого отдельного подтипа общефактического значения в прошедшем времени используются примеры Е.В. Падучевой с соответствующим переводом на болгарский. Остальной иллюстративный материал, если не указан источник, взят из интернета. Перевод всех предложенных примеров наш, за исключением случаев, когда в качестве источника был использован параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ или уже существующий перевод, что специально указывается в каждом отдельном случае.

⁸ Отметим, что глаголы НСВ в примере (3), а также в предыдущем (2), имеют ярко выраженный предельный характер, проявляющийся в обяза-

смысла заменяться глаголами совершенного вида – ср., соответственно, (Зв) и (Зг)

(3) а. Днес **правих**^{НСВ-аор} салата, която се оказа изненадващо добра на вкус.⁹

б. Сегодня я **делала**^{НСВ-прош} салат, который оказался неожиданно вкусным.

в. Днес **направих**^{СВ-аор} салата, която се оказа изненадващо добра на вкус.

г. Сегодня я **сделала**^{СВ-прош} салат, который оказался неожиданно вкусным.

В приведенных ниже болгарских примерах (4) – (7) также подчеркивается сам факт совершившегося действия: действие, выраженное несовершенным аористом, имело место в прошлом, распространялось на (выраженный или невыраженный, определенный или неопределенный) конкретный объект, контролировалось субъектом и было им же прекращено. Как видно из контекста (5) действие ‘читать’ даже в случае невыраженности объекта чтения предполагает наличие такого объекта, поэтому его можно считать предельным, а его результативность можно восстановить из контекста: *Добре са те наредили.*

Прекращение действия могло быть связано с достижением результата, но грамматически это не всегда выражено.

(4) – Значи, вие сте Станоев? **Четох**^{НСВ-аор} днес две ваши работи. Харесаха ми. – Наистина ли? – едва чуто прошепна момъкът, сякаш премаялял от вълнение (БНК)

(5) Вдигна телефона и се обади на Генерала. – Чест и почитания, началник! Как си? – **Четох**^{НСВ-аор}, **четох**^{НСВ-аор} – от-

тельном наличии прямого объекта (ср. невозможность следующих фраз: **Я сегодня варила* / **Днес правих*).

⁹ <http://clubs.dir.bg/showflat.php?Board=gotv&Number=1950745242&page=179&view=expanded&sb=3&part=all&vc=1> – последнее обращение 20.09.2020.

върна му Гоцев. – Добре са те наредили. – Няма ли начин да дам опровержение? – Има, но първо ще дойдеш при мен (БНК)

(6) – Нищо няма да излезе! – Защо? **Четох**^{НСВ-аор} монографията на Денев. Съдържа предимно общи приказки (БНК)

(7) Такова заглавие съм срещал някъде. – В един руски роман, нали? – От Пилняк? – От Еренбург? – От Бунин? – Не, в един английски роман. Дявол да го вземе, забравих името на автора. – Да, да, и аз си спомням. Навремето **четох**^{НСВ-аор} рецензия за него (БНК)

Подобным образом ведут себя так называемые глаголы ‘непосредственного, непрерывного эффекта’ (примеры (8) и (9)), которые обозначают «такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», «безуспешными» (Маслов 1948: 314). Их основное отличие от соответствующего глагола совершенного вида – неопределенная кратность. При этом распространение их содержательной составляющей при помощи придаточного предложения и эксплицитирования адресата позволяет воспринимать их как референтные и конкретные:

(8) а. Бате Янко, **льга**^{НСВ-аор} ме моят човек, че сандък за каруца прави, а пък той, гледай го, какво правел!¹⁰

б. Братец Янко, **врал**^{НСВ} мне мой суженый, что кузов для повозки делает, а на самом деле, смотри, что учудил!

(9) а. – Зачем ты это сделал? – спросил Саша. Соловейчик закашлялся, долго и мучительно отхаркивался. – **Я просил**^{НСВ} перевести меня к Фриде или ее ко мне. Отказали.

¹⁰ <https://books.google.bg/books?id=xgAN9GYXaiEC&pg=PA210&lpg=PA210&dq=#v=onepage&q&f=false> – последнее обращение 20.09.2020.

б. – Защо го направи? – попита Саша. Соловейчик се закашля, дълго и мъчително го давиха хрочки. – **Молих**^{НСВ-аор} ги да ме преместят при Фрида или нея при мен. Отказаха. (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

Итак, снятие противопоставления совершенного и несовершенного вида, в результате чего несовершенный вид может употребляться вместо совершенного, возможно именно потому, что реализуется типичное для несовершенного аориста в болгарском обобщенно-фактическое значение, как в примерах (2б), (3а) и (8а) и (9б). Ю.С. Маслов считает, что это «значение должно рассматриваться как важнейшее значение несовершенного аориста, так как из всех его значений оно наиболее свободно (проявляется в условиях максимальной независимости и от окружающего контекста и от лексического значения глагола, от способа действия и т.д.)» (Маслов 1959: 268-269, разрядка автора). В русском ему соответствует конкретно-референтное общефактическое значение несовершенного вида – см. примеры (2а), (3б) и (8б) и (9а).

Рассмотренные выше примеры позволяют предположить, что именно гетерогенный характер семантики несовершенного аориста делает возможной нейтрализацию типичных, видообразующих значений глаголов несовершенного вида, в частности, за счет временной локализованности предикатов, и обеспечивает реализацию общефактического значения данных форм в его конкретно-референтной разновидности (обобщенно-фактического значения в терминологии Ю.С. Маслова). Иными словами, семантика аориста может выражаться эксплицитно (как в болгарском) или имплицитно (как в русском), что подтверждает мысль В.В. Виноградова о том, что в определенных условиях формы прошедшего времени русского несовершенного вида могут приобретать «чисто аористическое значение, в котором стираются оттенки несовершенности, длительности, «имперфективности» (Виноградов 1986 [1947]: 456).

1.1.2. Экзистенциальная разновидность общефактического значения

Экзистенциальный подвид общефактического значения в русском языке представлен в примерах (10а) и (11а). Он сигнализирует о том, что действие успешно осуществлялось в прошлом (по крайней мере один раз):

(10) а. Мы с вами где-то **встречались**^{НСВ-прош}. (Падучева 2013: 11)

б. Някъде **сме се срещали**^{НСВ-перф}.

(11) а. Мой дядя **восходил**^{НСВ-прош} на Эверест. (Падучева 2010а: 43)

б. Чичо ми **се е качвал**^{НСВ-перф} на Еверест.

В приведенных примерах действия не локализованы во времени, но они результативны, и их результат имеет некие важные последствия для совершившего их субъекта – как минимум, приобретение им определенного личного опыта, знаний или некой характеристики.¹¹ Именно результативный характер действия, а также актуальность результата в момент речи (не обязательно материального), сближает семантику этой разновидности общефактического значения НСВ с семантикой перфекта. И действительно, в болгарском языке этому употреблению русского НСВ в прошедшем времени соответствуют высказывания с перфектом НСВ (примеры (10б) и (11б)). И в этом случае очевидны наличие результата в момент речи и нелокализованность действия.¹² Исследователями от-

¹¹ См. об этом также Маровска 2005.

¹² Не случаен тот факт, что в традиционной болгарской грамматике это грамматическое время получило название прошедшего неопределенного ('минало неопределено време'). Что касается русской терминологии, хочется напомнить, что для экзистенциальной разновидности общефактического значения в Русской грамматике (Шведова 1980) используется термин 'перфектная разновидность', определяемая следующим образом: «при упот-

мечается также, что перфект – это время, которое используется для обобщения, выводов, констатаций, т.е. во всех тех случаях, когда речь идет не о конкретном протекании процессов, а только о фактах.¹³ Все эти характеристики присущи семантике перфекта вне зависимости от вида глагола. При этом высказывание с перфектом совершенного вида в (12а) сообщает об однократной реализации действия, а высказывание с несовершенным перфектом в (13б) представляет собой неопределенное с точки зрения кратности сообщение о факте как таковом. В обоих примерах слушающий может сделать некоторые выводы о вытекающих из этого факта последствиях:

(12) а. Нито вие, нито аз, кралице, сме се оженили по своя воля. **Заклели сме се**^{СВ-перф} във вярност, но без да сме избрали сами спътниците си (БНК)

б. И вы и я, моя королева, вступили в брак против своей воли. Да, мы **дали**^{СВ} **клятву**, но не мы выбрали себе пару.¹⁴

(13) а. Вы думаете, у меня не разрывалось сердце от решения сдать крепость, которую я **клялся**^{НСВ} перед царем отстоять?

б. Да не мислите, че не ми се късаше сърцето от решение-то да предам крепостта, за която съм **се клел**^{НСВ-перф} на царя да я пазя? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

В русском языке значение совершенного перфекта передается совершенным видом глагола в прошедшем времени

реблении глаголов несов. вида в форме прош. вр. констатируется такое наличие или отсутствие факта в прошлом, которое характеризует состояние субъекта в данный момент» (Шведова 1980: 610).

¹³ «Перфектът не е време за разказ, а време, което се използва за предаване на обобщения, изводи, констатации, т.е. във всички случаи, когато не става дума за конкретното протичане на процеси, а само за факти» (Ницолова 2008: 295, разрядка наша – С.С.).

¹⁴ <https://bookzip.ru/507-francuzskaja-volchica.html#1> – последнее обращение 20.09.2020.

(12б), а значению несовершенного перфекта соответствует экзистенциальная разновидность общефактического значения несовершенного вида в прошедшем времени (13а).

Высказывания, в которых предикат выражен перфектом, как (14) и (15), характеризуются временной неопределенностью имевшей место ситуации. Семантика неопределенной кратности моментальных имперфективов, по определению не способных выражать процесс, не прориворечит нелоклизиванности события во времени:

(14) Всякакви идиоти **съм срещал**^{НСВ-перф} през своя дълъг и не лек живот.

(15) Аз идвам в Хайноланд не за пръв път и вече **съм срещал**^{НСВ-перф} доста от колегите ви.

Потенциальность и неопределенная референтность событий может поддерживаться также слабо референтным (или нереферентным) статусом прямого объекта: *всякакви идиоти, доста от колегите ви*. Более того, если действие, выраженное перфектом, отрицается, то временные рамки раздвигаются и в будущее, т.е. его осуществление потенциально возможно и после момента речи – ср. возможную интерпретацию примера (16): ‘еще не встречал, но могу еще встретить (в будущем)’.

(16) Аз лично **не съм срещал**^{НСВ-перф} дълголетник с вредни навици.¹⁵

В целом, если учесть, что моментальные глаголы несовершенного вида исключают возможность фокусирования внимания на самой деятельности, т.к. не имеют процессного значения, то можно предположить, что для них более естественны формы перфекта, сочетающие неопределенную локали-

¹⁵ <https://blitz.bg/article/15247> – последнее обращение 20.09.2020.

зованность во времени и неактуальность итератива, т.е. неопределенность момента события.

Актуальность результата действия в момент речи, связанная с изменением статуса субъекта действия, может выражаться и в приобретенной субъектом компетентности в определенном вопросе или виде деятельности, как в примерах (17) и (18):

(17) а. – Ще ми се да си измислим някакво велико приключение [...] Да победим някого, да спасим някого... – И това **сме** **правили**^{НСВ-перф} (БНК)

б. – Хотелся придумать какое-нибудь великое приключение [...] Победить кого-нибудь, спасти кого-нибудь... – И это мы уже **делали**^{НСВ}.

(18) а. **Пял** **е**^{НСВ-перф} пред публика.

б. Он **пел**^{НСВ-прош} перед публикой [возможно, не раз, то есть имеет опыт выступления на сцене]

Итак, перфектная форма глагола (как как совершенного вида, так и несовершенного) позволяет сфокусировать внимание на результативном характере действия и на наличии его материального результата в момент речи. При использовании глагола совершенного вида в (12) дублируется грамматическая семантика результативности перфекта и подчеркивается однократность события. Что касается перфекта несовершенного вида, то возможность интерпретировать действие и как однократное, и как многократное (но всегда результативное) позволяет сделать вывод о «наличии опыта / компетентности в чем-н.», в особенности, если речь идет о действиях или о состоянии активного субъекта (примеры (17а) и (18а)). Именно эти характеристики перфекта отражаются и в общефактическом экзистенциальном в русском языке (см. примеры (10а) и (11а), а также (17б) и (18б)). Из сказанного следует, что экзистенциальный подвид общефактического значения несовершенного вида в русском языке содержит в себе важнейшие компоненты семантики перфекта, так как он предполагает неопределен-

ность темпоральной локализации действия, выраженного несовершенным видом, не маркирует кратность и позволяет сделать вывод об индивидуальной компетентности субъекта на основе самого факта осуществления им действия.

1.1.3. Непредельная разновидность общефактического значения

Отметим также еще одно соответствие форм прошедшего времени глаголов НСВ в рассматриваемых языках, а именно, общефактическое непредельное в русском и имперфект несовершенного вида в болгарском. Эти формы представлены глаголами деятельности или состояния, в том числе предельными глаголами в нерезультативном значении (см. Гловинская 2001: 242), называемыми гомогенные процессы (подробнее о гомогенных процессах и тенденциях см. Булыгина 1982). Согласно классификации Е.В. Падучевой (2013) общефактическое непредельное называет необязательно результативное и закончившееся действие (ср. пример (19)). Иными словами, прошедшее время не гарантирует, что ситуация перестала иметь место в настоящий момент, хотя возможно ее ограничение во времени: *В детстве Маша боялась мышей* (Зализняк, Шмелев 2000: 26). Типичным для них является обозначение непредельных, нерезультативных ситуаций, предъявляемых как факты, имевшие место в прошлом:

- (19) а. Вы **искали**^{НСВ} коменданта? (Падучева 2013: 13)
б. Вие ли **търсехте**^{НСВ-имперф} управителя?

Анализ примера (19) показывает, что непредельный подвид общефактического значения в русском языке (19а) может выражаться несовершенным имперфектом в болгарском (19б). При этом, временной интервал действия может мыслиться как открытый (20) или закрытый (21), поскольку неизвестно, перестала ли иметь место названная ситуация (это становится понятным из продолжения диалога):

(20) а. – Като малка Маша се **страхуваше**^{НСВ-имперф} от кучета.

– Че и досега я е страх!

б. – В детстве Маша **боялась**^{НСВ-прош} собак.

– Да она и сейчас их боится!

(21) а. – Като малка Маша се **страхуваше**^{НСВ-имперф} от кучета.

– Така ли? Странно, вчера я видях с едно голямо куче!

б. – В детстве Маша **боялась**^{НСВ-прош} собак.

– Да ты что? Вчера я видел ее с огромной собакой!

Пример (22) также показывает, что грамматическая семантика имперфекта НСВ (22а), в частности, возможная (но не обязательная) прекращенность и неопределенная кратность длительной ситуации полностью соответствуют характеристикам общефактического неопределенного в (22б).

(22) а. Като малка тя **живееше**^{НСВ-имперф} на улица Яворов.

б. В детстве она **жила**^{НСВ-прош} на улице Яворова.

Если взять за основу определение Ю.С. Маслова, согласно которому несовершенный имперфект «обозначает либо единичное (однократное) конкретное действие в процессе его протекания, либо многократное (обычное, потенциальное и т.д.) действие в его неограниченной повторяемости (или неограниченной возможности повторения)» (1959: 255), то мы увидим, что семантика имперфекта не противоречит семантике общефактического неопределенного. Наиболее естественным является использование в общефактическом значении неопределенного имперфекта глаголов состояния, не употребляемых ни в итеративном (23), ни в актуально-длительном (24) значении:

(23) а. *Маша всеки ден се **страхуваше**^{НСВ-имперф} от кучета

б. *Маша каждый день **боялась**^{НСВ} собак.

(24) а. *Вчера от два до пет Маша **се страхуваше**^{НСВ-имперф} от кучета.

б. *Вчера с двух до пяти Маша **боялась**^{НСВ} собак.

Возможность неактуального употребления имперфекта глаголов состояния и деятельности подтверждается и примерами (25а) – (28) из болгарского языка:

(25) а. Игнате, ти право **говореше**^{НСВ-имперф} - тук е фронт и аз няма да го зарежа... (пример из Маслов 1959: 255)

б. – Насчет подготовки, товарищ Ковалевский, вы правильно **говорили**^{НСВ}, – сказал он (НКРЯ)

(26) Радке! Тебе **търсех**^{НСВ-имперф} (пример из Маслов 1959: 255)

(27) По-рано **живееше**^{НСВ-имперф} на Янплац 6. Дали още живее там, не знам (пример взят из Граматика 1998: 149)

(28) Настоящият силен човек на “Герена” Георги Иванов обаче също се разбира с Мъри и веднъж вече го **искаше**^{НСВ-имперф} за треньор на отбора.¹⁶

Приведенные примеры подтверждают возможность употребления несовершенного имперфекта в общефактическом значении.¹⁷ Значения однократного действия в процессе его протекания и многократного действия различаются благодаря контексту. «В тех же случаях, когда контекст минимален (осо-

¹⁶ http://topsport.ibox.bg/news/id_1722296839 – последнее обращение 20.09.2020.

¹⁷ Ср. также следующие примеры с глаголами местоположения: *Где мои ключи? Они лежали на столе* (Падучева 2010а [1996]:10), *На этой стене висела картина* (Зализняк, Шмелев 2000: 26), которые переводятся на болгарский язык при помощи экзистенциальных *съм* и *има*: *Къде са ми ключовете? Бяха*^{НСВ-имперф} *на масата. На тази стена имаше*^{НСВ-имперф} *картина*. Безличное употребление *имам* вообще характерно для экзистенциальных высказываний в болгарском языке.

бенно в изолированном высказывании), иногда очень трудно, а то и невозможно бывает определить, идет ли речь об однократном или многократном действии» (Маслов 1959, с.255). В то же время, тот факт, что неизвестно, перестала ли иметь место описываемая ситуация в настоящий момент, не позволяет употребить аорист, который, как известно, называет прекращенное действие.

Помимо глаголов *imperfectiva tantum*, в форме имперфекта можно встретить также парные глаголы НСВ, относящиеся к группе глаголов говорения (*verba dicendi*): *предлагам, каня, питам, моля, говоря, изразявам, интересувам се*.¹⁸

(29) а. Столик их в зале отдельный **предлагала**^{НСВ}, но я ответила, что пришла только поздороваться со своим – Анастасия замялась, потом подумала и сказала – чтобы поздороваться с тобой, Владимир и с Вами.¹⁹

б. **Предлагаше**^{НСВ-имперф} ми отделна маса в залата, но аз ѝ отговорих, че съм дошла само да се видя с моя... – Анастасия се обърка, после помисли и каза: – да се видя с теб, Владимир и с Вас (БНК)

(30) а. Как ни жди, а такие события разражаются раньшежданного. Именно «Корпуса» я никогда на Запад не передавал. **Предлагали**^{НСВ} мне, и пути были – я почему-то отказывался, без всякого расчёта (НКРЯ)

б. Колкото и да ги очакваш, такива събития се разразяват преди очакваното време. Именно “Болницата” никога не бях изпращал на Запад. **Предлагаха**^{НСВ-имперф} ми и имаше начини – аз, не знам защо, отказвах, без да правя никакви сметки (БНК)

В примерах (29) и (30) речь идет об иллокутивном акте ‘предложения’. Хотя предложение и не оказало желаемого

¹⁸ Многие из них возможны в перформативном употреблении.

¹⁹ https://thelib.ru/books/megre_vladimir/5kto_zhe_mi-read-14.html – последнее обращение 20.09.2020.

воздействия на адресата, сама ситуация ‘предложения’ имела место, как минимум, один раз.

Важным фактором использования несовершенного имперфекта является также разобщенность действия с моментом речи. Как следствие «несохранения результата» или, вернее, возможного несохранения результата в момент речи, возникает специфическая ситуация напоминания собеседнику о планируемом ранее действии (31):

(31) а.– Ну, не знаешь, какие лодки бывают? На которой по воде плавать – А зачем нам по воде плавать? – Так мы же **собирались**^{НСВ} удрать с этого Дурацкого острова. – Ах, это! – воскликнул Козлик. – Ну что ж, завтра начнем делать лодку!²⁰

б. – Е, та не знаеш ли какви са лодките? Такива, с които да плуваме по водата. – А защо ни трябва да плуваме по водата? – Ами нали **се готвехме**^{НСВ-имперф} да бягаме от този остров? – Ах, ти за това ли мислиш? – извика Козлето. – Добре тогава, утре ще почнем да я правим! (БНК)

Другая интересная ситуация употребления импрефекта – это озвучивание содержания какого-нибудь сообщения (передача чужих слов) при помощи глаголов говорения (32):

(32) След няколко дни дойде бърза телеграма от професор Осуалд Вебл [...]. Той ме **канеше**^{НСВ-имперф} да се включа като цивилно лице в балистичните изследвания, които се правеха на полигона. **Предлагаше**^{НСВ-имперф} ми истинска и сериозна работа, с която можех да взема участие във войната (БНК)

Это тот редкий случай, когда общефактическое значение используется в нарративном режиме. Подобную ситуацию мы наблюдаем в переводе на болгарский язык отрывка из романа А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (в примере (33)):

²⁰ http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_mr/nosovn03.htm?45/49 – последнее обращение 20.09.2020.

(33) а. – **Мылся** сегодня? – спросил он.

Мальчик переступил с ноги на ногу и, ничего не ответив, пошел по комнате, собирая разбросанную одежду.

– Я, кажется, спросил тебя, **мылся** ты сегодня или нет? – сказал Румата, распечатывая первое письмо.

– Водой грехов не смоешь, – проворчал мальчик. – Что я, благородный, что ли, мыться?

– Я тебе про микробов что **рассказывал**? – сказал Румата.

– Дурачина ты, – сказал Румата и стал читать письмо.

Писала дона Окана, фрейлина, новая фаворитка дона Рэ-бы. **Предлагала** нынче же вечером навестить ее, «томящуюся нежно». [...]

Следующий конверт был из плотной бумаги, сургучная печать смазана; видно было, что письмо вскрывали. **Писал** дон Рипат, решительный карьерист, лейтенант серой роты галантерейщиков. **Справлялся** о здоровье, **выражал** уверенность в победе серого дела и **просил** отсрочить должок, ссылаясь на вздорные обстоятельства. [...]

В третьем письме **предлагали** рубиться на мечях из-за доны Пифы, но **соглашались** снять предложение, если дону Румате благоугодно будет привести доказательства того, что он, благородный дон Румата, к доне Пифе касательства не имел и не имеет.²¹

б. – **Ми** ли **се**^{НСВ-аор} днес? – попита той.

Момчето пристъпи от крак на крак без да отговори нещо, тръгна из стаята да събира разхвърляните дрехи.

– Струва ми се, че те попитах дали **си се мил**^{НСВ-перф} днес или не? – каза Румата, като распечатваше първото писмо.

– Греховете с вода не се измиват – промърмори момчето. – Да не съм благородник, та да се мия?

– Какво ти **разказвах**^{НСВ-имперф} за микробите? – каза Румата.

– Глупчо си ти – каза Румата и започна да чете писмото.

²¹ http://books.rusf.ru/unzip/xussr_s/strug&10.htm? 5/22 – последнее обращение 20.09.2020.

Пишеше^{НСВ-имперф} му дона Окана, дворцова дама, новата фаворитка на дон Реба.

Предлагаше^{НСВ-имперф} му довечера да посети нея, “нежно страдащата”. [...]

Вторият плик беше от дебела хартия, печатът от червен восьък беше размазан; личеше си, че писмото е отваряно. **Пишеше**^{НСВ-имперф} му дон Рипат, отявлен карьерист, лейтенант от сивата рота на галантеристите. **Разпитваше**^{НСВ-имперф} го за здравето му, **изразяваше**^{НСВ-имперф} увереност в победата на сивото дело и го **молеше**^{НСВ-имперф} да отсрочи дълга му, като се оправдаваше с глупави мотиви. [...]

В третото писмо му **предлагаха**^{НСВ-имперф} да се дуелира с мечове заради дона Пифа, но **се съгласяваха**^{НСВ-имперф} да оттеглят предложението си, ако дон Румата любезно представи доказателства, че той, благородният дон Румата, не е имал и няма нищо общо с дона Пифа.

Во вступительной части текста (в вопросе) используются формы несовершенного аориста и перфекта (соответственно, *ми ли се, мил ли си се*), но как только начинается перечисление конкретных речевых актов, содержащихся в письмах, или вообще чужой речи, появляется несовершенный имперфект, имеющий целью, по-видимому, приобщить читателя к восприятию героя. Общефактический потенциал здесь содержится в уточнении кто писал, о чем спрашивал, что предлагал, в чем выражал уверенность, о чем просил и т.д. Внимание читателя фокусируется не на самом процессе протекания отдельных действий (в основном, речь идет о глаголах передачи информации, не имеющих конкретно-процессного значения), а на их аргументах или обстоятельствах, связанных с этой информацией. И действительно, для результативного понимания действий, выраженных несовершенным имперфектом, необходимо в первую очередь исключить их актуально-длительное прочтение, а глаголы передачи информации, как мы уже сказали, та-

кого значения не имеют,²² поэтому называют только событие.

Итак, как было показано выше, в прошедшем времени наблюдается полный параллелизм русских и болгарских примеров с глаголами НСВ при выражении общефактического значения. Это связано, по-видимому, с общим положением о том, что при ретроспективной точке отсчета в обоих языках у говорящего появляется возможность сделать акцент именно на конечной (заключительной) стадии действия, вне зависимости от того, идет ли речь о событии или о процессе (Падучева 2013). При этом, в русском языке аористная, перфектная и имперфектная семантика в прошедшем времени выражается имплицитно (поэтому и возникает необходимость говорить о подвидах общефактического значения), в то время как в болгарском языке эти же значения выражаются специализированными видо-временными формами аориста, перфекта и имперфекта глаголов несовершенного вида. Иными словами, общефактическое значение несовершенного вида в прошедшем времени в русском языке можно трактовать как совокупность видо-временных значений, то есть в зависимости от контекстных условий (а также от акционального класса глаголов) может актуализироваться семантика аориста, перфекта и имперфекта глаголов несовершенного вида в прошедшем времени. При этом наиболее независимым от семантического класса глагола является экзистенциальная разновидность общефактического значения, которая, как правило, отражает личный жизненный опыт субъекта. Этой разновидности в болгарском языке соответствуют высказывания с несовершенным перфектом глаголов всех семантических классов, поскольку именно для несовершенного перфекта характерна как неопределенная крат-

²² Ср. также следующие примеры, в которых использованы событийные глаголы несовершенного вида: *За първи път срещаше*^{НСВ-имперф} някого от организацията на Алскони. Тази мадама *идваше*^{НСВ-имперф} направо от Италия (<https://books.google.bg/books?isbn=9545283688>); *Виждаше*^{НСВ-имперф} я за първи път (<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=95&WorkID=15558&Level=2>); *За първи път намираще*^{НСВ-имперф} човек, който му предлага помощ без каквато и да е уговорка (<http://chitanka.info/text/229/9>).

ность действия (оно имело место по крайней мере один раз), так и его временная нелокализованность.

Форма аориста характерна прежде всего для болгарских процессных глаголов, в том числе и для глаголов деятельности. В целом, аорист привязан к идее ограниченности длительного действия, его прекращенности, но при этом возможный результат игнорируется, или, скорее, подразумевается и внимание на нем не фокусируется. Хуже всего аорист сочетается с событийными глаголами несовершенного вида, т.к. их итеративный характер и неактуальное употребление вступают в противоречие с конкретным характером и локализованностью во времени аориста. В русском языке этим характеристикам соответствует конкретно-референтная разновидность общефактического значения.

Что касается общефактического неопределенного значения несовершенного вида в русском языке, то ему в болгарском соответствует форма имперфекта в основном глаголов состояния и деятельности. Возможная непрекращенность ситуации в настоящем исключает употребление аориста, а временная локализация несовместима со значением перфекта. Однако формы имперфекта нередко встречаются и с глаголами несовершенного вида, имеющими событийный характер (часто это глаголы передачи информации). В этом последнем случае на наш взгляд речь идет об «удваивании» значения неопределенной кратности, характерного как для семантики несовершенного вида событийных глаголов, так и для грамматической семантики имперфекта. В данном случае важен не столько сам процесс (который часто просто исключается семантикой глагола), сколько реальное осуществление «речевого акта» (близкого к перформативам) и его содержание.

1.2. Общефактическое значение несовершенного вида в вопросительных высказываниях

Обратимся теперь к особенностям использования общефактического значения в общем вопросе в обоих языках. Рассмотрим возможные формулировки вопроса.

1.2.1. Общие вопросы с несовершенным перфектом в болгарском языке и их соответствия в русском

В примерах (34) – (37) ставится вопрос об индивидуальном (личном) опыте участника ситуации. При этом, подразумеваются неспецифические неопределенные местоимения *някога, когато-нибудь, някъде, где-нибудь* или обстоятельственное пояснение типа *случайно*. В форме перфекта можно использовать глаголы любого класса, в том числе и двунаправленные глаголы:

(34) а. – **Давал** ли **си**^{НСВ-перф} му да пласира някакви резервни части? (БНК)

б. – Ты **давал**^{НСВ} ему запчасти на продажу?

(35) а. **Виждал** ли **си**^{НСВ-перф} Румелия, султанъм?

б. **Видел**^{НСВ} ли ты Румелию, мой султан? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

(36) а. – **Чувал** ли **си**^{НСВ-перф} за ония машинки, които дистанционно включват двигателя? (БНК)

б. – А ты **слышал**^{НСВ} про конкурс ‘Студент года’?²³

(37) а. **Встречали**^{НСВ} вы старика с ясными и светлыми глазами? –

²³ <https://kpfu.ru/elabuga/studencheskaya-zhizn/a-ty-slyshal-pro-konkurs-39student-goda39-103521.html> – 22.09.2020 – последнее обращение 22.08.2020.

б. **Срещали**^{НСВ-перф} ли **сте** старец с ясни и светли очи?
(НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

Ответ может формулироваться в форме перфекта глагола несовершенного вида и быть положительным или отрицательным (38) – (40):

(38) а. – **Давал** ли **си**^{НСВ-перф} му да пласира някакви резервни части?

– Да, **давал съм**^{НСВ-перф} му...

б. – Ты **давал**^{НСВ} ему запчасти на продажю?

– Да, **давал**^{НСВ}. / Нет, не **давал**^{НСВ}.

(39) а. – **Чувал** ли **си**^{НСВ-перф} за ония машинки, които дистанционно включват двигателя?

– **Чувал съм**^{НСВ-перф}.

б. – А ты **слышал**^{НСВ} про конкурс ‘Студент года’?

– Да, **слышал**^{НСВ}. / Нет, не **слышал**^{НСВ}.

(40) а. – Хей, приятелю, не **си** ли **срещал**^{НСВ-перф} тядява един разбойник със страшен глас?

– Разбойник не **съм срещал**^{НСВ-перф} – отвърна въглищарят, – но **видях**^{СВ-аор} един гладен циганин... (БНК)

б. – Скажи, Тим, ты **не встречал**^{НСВ} на этих своих дорогах необычных людей?

– Особо никого не **встречал**^{НСВ}. – Тим мотнул головой.²⁴

В примере (40а) наряду с ожидаемым *не съм срещал* появляется также уточнение в форме совершенного аориста, называющее однократное моментальное действие дающего ответ собеседника, распространяющееся на референтный объект (*видях* един гладен циганин).

²⁴ <https://books.google.it/books?id=mhNnDwAAQBAJ&pg=PT117&dq#v=onepage&q&f=false> – последнее обращение 22.08.2020.

1.2.2. Общие вопросы с несовершенным аористом в болгарском языке и их соответствия в русском

В общих вопросах с несовершенным аористом в болгарском языке реализуется обобщенно-фактическое значение (Маслов 1959: 268-269). В русском ему соответствует конкретно-референтная разновидность общефактического значения несовершенного вида. Так, например, задавая вопрос (41), спрашивающий интересуется, имел ли место данный конкретный факт кормления собаки.

- (41) а. **Хранихте**^{НСВ-аор} ли кучето?
б. Собаку **кормили**^{НСВ?}

Такой же вопрос о факте действия, которое могло иметь место, может быть задан и при помощи глагола совершенного вида, как в примере (42):

- (42) а. **Нахранихте**^{СВ-аор} ли кучето?
б. Собаку **покормили**^{СВ?}

Выбор глагола совершенного или несовершенного вида в таких конструкциях носит прагматический характер: говорящий выбирает несовершенный аорист, если совершение действия им ожидается, как в (43) – (45). Иными словами, общий вопрос с несовершенным аористом имплицитно предполагает предположение говорящего о том, что названная ситуация могла иметь место:

- (43) а. Ти **писа**^{НСВ-аор} ли на баща си?
б. Ты отцу **писал**^{НСВ?}

- (44) а. Иван и Мария **срещаха** ли **се**^{НСВ-аор} (вече)?
б. Иван и Мария уже **встречались**^{НСВ?}

- (45) а. **Ходи**^{НСВ-аор} ли в Пловдив?
 б. Ты в Пловдив **ездил**^{НСВ}?

Говорящего интересует, имело ли место действие, которое, «по предварительным данным», должно было осуществиться до момента речи; см. по этому поводу также (Деянова 1966: 51). Строго говоря, запланированное, определенное и известное обоим собеседникам действие будет выражаться совершенным аористом: *Наниса ли му? Срецнахте ли се?* Допускаемое, ожидаемое только говорящим событие – несовершенным аористом: *Писа ли (му)? Миналата година срецнахте ли се?*

Положительный и отрицательный ответ оформляются по-разному.

В положительном ответе можно использовать как несовершенный, так и совершенный аорист, как в примерах (46) – (48). Несовершенный аорист в ответе подчеркивает временную локализацию факта в момент, предшествующий моменту речи, не связанного с моментом речи эксплицитно выраженным результатом. При этом, формой аориста в ответе собеседником подтверждается «право» спрашивающего на ожидание действия, т.е. на информированность о том, что ситуация должна была иметь место. В примере с событийным глаголом (47) в ответе возможен также совершенный аорист, поскольку маркируется однократность и результативность события (*Срецнаха се*):

- (46) а. – А ти **писа**^{НСВ-аор} ли на баща си?
 – Да, **писах**^{НСВ-аор} му (вчера).
 б. – А ты **писал**^{НСВ} отцу?
 – Да, **писал**^{НСВ}.

- (47) а. – Иван и Мария **срещаха** ли **се** (вече)?
 – Да, **срещаха се**^{НСВ-аор}. / Да, **срещнаха**^{СВ-аор} **се**.
 б. – Иван и Мария **встречались** уже?
 – Да, **встречались**^{НСВ}. / Да, они **встретились**^{СВ}.

- (48) а. – **Ходи** ли в Пловдив?
– Да, **ходих**^{НСВ-аор}.
б. – Ты в Пловдив **ездил**^{НСВ}?
– Да, **ездил**^{НСВ}.

Конкретные условия совершения действия (законченного или прерванного) могут также выражаться эксплицитно при помощи обстоятельств объемлющего времени (*вчера* ‘вчера’, *днес* ‘сегодня’, *миналата година* ‘в прошлом году’).

Замена несовершенного аориста на несовершенный перфект в ответе (см. примеры (49) – (51)) ведет к пониманию действия как факта с неопределенной временной локализованностью, т.е. отрицается ожидаемость действия и, как следствие, основание для вопроса о его реализации. Звучат такие ответы, как правило, неуместно:

- (49) – Ами ти **писа**^{НСВ-аор} ли на баща си?
– ?? Да, **писал съм**^{НСВ-перф} му.²⁵

- (50) – Иван и Мария **срещаха** ли **се**^{НСВ-аор} (вече)?
– ?? Да, **срещали са се**^{НСВ-перф}.

- (51) – **Ходи**^{НСВ-аор} ли в Пловдив?
– ?? Да, **ходил съм**^{НСВ-перф}.

В отрицательном ответе появляются возможности для варьирования глагольных времен и, следовательно, больше возможностей для возникновения различных нюансов и прагматических эффектов. Прежде всего надо сказать, что отрицательный ответ в форме перфекта (наряду с аористом) на вопрос, сформулированный в форме аориста (как несовершенного, так и совершенного вида) возможен для предельных (52), моментальных (53), а также для двунаправленных (54) глаго-

²⁵ Такие ответы воспринимаются информантами как коммуникативно неудачные или уклончивые.

лов. Временной отрезок, в течение которого действие не было произведено, остается открытым, и можно допустить, что, несмотря на отрицательный ответ, действие еще может быть осуществлено и после момента говорения. Поэтому представляется уместной как раз неопределенность перфекта, как в (52) – (54):

(52) – Ами ти писа ли на баща си?
– Не, не **съм** му **писал**^{НСВ-перф} [още].

(53) – Иван и Мария срещаха ли се (вече)?
– Не, не **са се срещали**^{НСВ-перф} [още].

(54) – Ходи ли в Пловдив?
– Не, не **съм ходил**^{НСВ-перф} [още].²⁶

Сохранение несовершенного аориста в ответе возможно в основном в тех случаях, когда используются предельные или двунаправленные глаголы, как в примерах (55) и (56):

(55) – Ти писа ли на баща си? – Не, не му **писах**^{НСВ-аор}.

(56) – Ходи ли в Пловдив? – Не, не **ходих**^{НСВ-аор}.

Есть еще одна особенность, обуславливающая употребление несовершенного аориста в отрицательных ответах. Если рассмотреть примеры (57) – (60), то станет очевидным наличие в контексте элементов, позволяющих говорящему мотивировать неосуществление действия:

(57) По съветите пък на по-старите аз не **писах**^{НСВ-аор} на майка си къде съм, за да може смело да отговаря, че не знае нищо за мен.

²⁶ Во всех примерах возможен краткий ответ при помощи только вспомогательного глагола: *Не, не съм*.

(58) Тя не знаеше как да изпрати писмо до Салвато и не му
писа^{НСВ-аор}.

(59) Даже и Берлинското книгоиздателство се сетило за мене, а аз почти никому не **писах**^{НСВ-аор}. В нашия град нямаше картички, няма хартия – даже и попивателна. Вечер няма пък ни вода, ни електричество.

(60) В София не **ходих**^{НСВ-аор}, че бях болен.

Эту особенность можно объяснить тем, что поскольку закрытый (ограниченный) временной отрезок замыкает границы возможного осуществления ожидаемого действия только в прошлом, говорящий склонен аргументировать несовершенство действия. Аргументация вводится причинными или целевыми конструкциями, а также отдельными поясняющими предложениями, с помощью которых объясняется объективная или субъективная невозможность выполнения действия (это может быть и вполне осознанный выбор).

Использование несовершенного аориста моментальных глаголов в отрицательном ответе (61) в современном болгарском языке представляется маловероятным:

(61) – Иван и Мария **срещаха** ли **се**^{НСВ-аор} (вече)? – ?Не, (не **се срещаха**^{НСВ-аор}).

Такие примеры, если и встречаются, относятся к литературе XIX века – см. пример (62). В современной речи они воспринимаются как устаревшие:²⁷

²⁷ Ср. также комментарий Р. Ницоловой известного примера Ю.С. Маслова «Ето един пример, днес схващан като архаичен, приведен от Маслов: *Марийка късно ли те намери? – Коя Марийка? – Как? Не **намирà** ли те тя?*» ([Ницолова 2008: с. 291], подчеркнуто нами). Этот тезис подтверждается и информантами - носителями болгарского языка, которые считают примеры типа *не намирах, не срещах, не казвах, не виждах (някаго)* устаревшими и даже неприемлемыми.

(62) Георги: – Дядо, не **среща**^{НСВ-аор} ли някъде две жени в раса и един мъж в расо? Овчарят: – Не **срещах**^{НСВ-аор} такива, синко, днес. Но вчера видях много такива мъже и жени, в раса (БНК)

Более вероятен ответ в форме перфекта (иногда это только глагол-связка): *Не, не са (се срещали); Не, не съм (срещал такива)*. Очевидно, что-то препятствует использованию несовершенного аориста моментальных глаголов в отрицательных ответах, хотя он возможен и естественен у других классов глаголов (*не писах, не ходих, не се мих* есс.).²⁸ Возможное объяснение этой особенности можно найти, если обратиться к вопросу об аргументации несовершения действия. И действительно, в таких случаях, как *не намирах, не срещах, не виждах* есс. она несколько затруднена, а это связано с тем, что некоторые моментальные действия не могут контролироваться субъектом, а если действие неконтролируемое, то невозможно мотивировать его отсутствие (неосуществление).

1.2.3. Общефактическое значение несовершенного вида в частном вопросе

В настоящем параграфе мы рассмотрим возможность использовать общефактическое значение в частном вопросе. Общепринятым является положение, согласно которому частный вопрос с глаголом несовершенного вида в русском языке направлен на выяснение участников и обстоятельств ситуации, в то время как сам факт осуществления действия (а также достижения результата) составляет пресуппозицию высказывания. Специальные исследования были посвящены референтному статусу глагольной предикации в частном вопросе (Mehlig 2001, Мелиг 2002). В своем детальном анализе вопросов с ме-

²⁸ При этом он не так часто встречается и в положительных ответах на вопрос, заданный с тем же аористом НСВ: – *Нали знаете? А вчера той **срещаша** ли се^{НСВ-аор} с нея? – Вчера **се отби**^{СВ-аор} при нея. Защо те интересува това?* (БНК). Ответ, как видно из примера, дан в форме совершенного аориста.

стоимением *кто* в русском языке Х.Р. Мелиг выделяет два типа глагольных предикаций и, соответственно, две группы вопросов с местоимением *кто*. Первый тип – это вопросы о конкретных, актуализованных, присутствующих в ситуации действиях.²⁹ Они возможны только с предельными глаголами, называющими контролируемое действие, и соответствуют «экземпляру» обозначаемой ситуации (*token*), т.е. глагольная предикация наделяется определенной референцией (специфической или неспецифической). В таких вопросах глагол несовершенного вида может заменяться глаголом совершенного вида: *Кто написал адрес на конверте?* (Мелиг 2002: 132). Во втором типе вопросов, не касающихся конкретных, актуализованных действий, наоборот, выясняется вообще существование определенного опыта. Они возможны не только с предельными, но и с моментальными глаголами, характеризуются неопределенной референцией глагольной предикации и соответствуют «типу» обозначаемой ситуации (*type*).³⁰ Совершенный вид глагола в таких вопросах невозможен (Мелиг 2002: 148). Что касается болгарского языка, то использованию видо-временных форм в частном вопросе специального внимания не уделялось, хотя общефактическое значение отмечалось как для аориста, так и для перфекта глаголов несовершенного вида (Андрейчин 1976, Маслов 1959, Станков 1976). Поэтому в болгарском языке помимо вопроса о выборе вида встает вопрос и о выборе временной формы. В связи с этим мы задались вопросом, влияет ли семантика конкретного грамматического времени (наряду с акциональной и собственно видовой характеристикой глаголов) на выбор вида глагола и, следовательно, на реализацию общефактического значения (и его подвидов), и если да, то каким образом. Кроме того, и при анализе выбора видо-временной формы в специальном вопросе в болгарском языке возникает вопрос о роли таких именных категорий, как

²⁹ Ср. такой пример из работы Мелиг 2002: *Кто писал адрес на конверте? Забыли написать индекс* (136).

³⁰ *Кто уже когда-нибудь терял свой паспорт?* (Мелиг 2002: 145).

референтный статус и определенность имени.

Рассмотрим случаи употребления перфекта и аориста несовершенного вида в частных вопросах, в основном, с вопросительным местоимением *кой* – таких, как в примерах (63) – (65):

(63) а. Кой **е писал**^{НСВ-перф} на Джордж, за да му каже това?
Защо му **е писал**? (БНК)

б. Кто **написал**^{СВ} об этом Джорджу? Почему ему **напи-
ли**^{СВ?}³¹

(64) а. Побъбрихме известно време, после попитах: Кой **писа**^{НСВ-аор} за убийството на Моу Стейн Слънчицето във вашия вестник? – Тод Бароу.

б. С минути мы поболтали, потом я спросил: – Кто **пи-
сал**^{НСВ} об убийстве Веселого Моу Стейна? – Тед Барроу.³²

(65) а. Кой **писа**^{НСВ-аор} / **е писал** молбата?

б. Кто **писал**^{НСВ} заявление?

В приведенных примерах, речь идет о ситуациях, в которых совершение действия и возможное наличие результата присутствуют в общем знании собеседников. Иными словами, факт осуществления действия составляет пресуппозицию (или, по крайней мере, выводится из общей ситуации), а предметом вопроса являются участники ситуации (или, как увидим далее, такие обстоятельственные пояснения, как время и место). В некоторых случаях это общее знание о действии и результате выводится из определенности объекта, как в примере (65), в других – из более широкого контекста, как в (63) и (64). Сам вопрос направлен на выяснение того, кто совершил действие,

³¹ http://loveread.ec/read_book.php?id=61&p=52 – последнее обращение 22.08.2020.

³² <https://www.e-reading-lib.com/chapter-amp.php/63046/16/reymond-chandler-sestrichka.html> – последнее обращение 22.08.2020.

или других обстоятельств ситуации. Аорист в (65) предпочтителен в ситуациях, в которых действие адресата ожидалось говорящим. Если действие невозможно запланировать (иными словами, оно является случайным, неконтролируемым), аорист маловероятен (66), предпочтителен перфект (67):

(66) [?]Къде **виждахте**^{НСВ-аор} / **срещяхте**^{НСВ-аор} Иван?

(67) Къде **сте виждали**^{НСВ-перф} / **срещали**^{НСВ-перф} Иван?

В специальных вопросах ярче всего проявляется роль референтности имени. В примерах (68) и (69) с несовершенным аористом возможен только определенный объект (как в единственном, так и во множественном числе):

(68) Кой **писа**^{НСВ-аор} молбата?

(69) Кой **писа**^{НСВ-аор} молбите?

С перфектом, кроме определенного объекта в единственном и во множественном числе (70) и (71), возможен также нереперентный объект во множественном числе (72):

(70) а. Кой **е писал**^{НСВ-перф} молбата?

б. Кто **писал**^{НСВ} (это) заявление?

в. Кто заявление **писал**^{НСВ?}³³

(71) а. Кой **е писал**^{НСВ-перф} молбите?

б. Кто **писал**^{НСВ} (эти) заявления?

в. Кто заявления **писал**^{НСВ?}

³³ В русском переводе болгарского вопроса, в котором референтное имя снабжено определенным артиклем (70а) и (71а), значение индивидуализации достигается за счет инверсии объекта и предиката (70в) и (71в), что приводит к тому, что имя приобретает конкретно-референтный, определенный статус.

(72) а. Кой от вас (някага) **е писал**^{НСВ-перф} молби-ø?

б. Кто из вас (когда-нибудь) **писал**^{НСВ} заявления (и умеет их писать)?

Частный вопрос также может касаться времени и места действия, о котором только предполагается, что оно могло быть совершено в определенный, конкретный период в прошлом. В некоторых случаях вопрос об обстоятельствах осуществления действия, выраженный несовершенным перфектом (73), как и его перевод на русский, формально оставаясь вопросом о времени «приобретения опыта», на самом деле может передавать сомнение и удивление по поводу совершения действия:

(73) а. Кога **сте ми казвали**^{НСВ-перф} таква нещо? Ах, да, вярно, **казвахте**^{НСВ-аор}. Аз съвсем бях забравил (БНК)

б. Когда это вы **говорили**^{НСВ}? – удивился Незнайка. – Ах да, правильно, вы **говорили**^{НСВ}. Я совсем забыл. А я разве уже совершил три скверных поступка? (НКРЯ)

Вопрос с несовершенным аористом, как и соответствующий вопрос в русском языке, называет действие, об осуществлении которого говорящему уже известно, и он уточняет детали – см. (74а) и (74б):

(74) а. Господа, аз видях моего родно село, мога да се върна вече в България. – Ама ти кога **ходи**^{НСВ-аор} в твоето родно село? – запита ме този, който ме разпитваше (БНК)

б. – А точнее?.. Вы не помните числа, когда вы **ездили**^{НСВ} к матери? (НКРЯ)

Несовершенный перфект и аорист могут использоваться и в контексте критической оценки действия.

(75) а. Кой **е писал**^{НСВ-перф} това? [...] Бълвоч и лигоч. Няма драматична съгласуваност. Липсва мотивация и форма (БНК)

б. Ну, кто это **писал**^{НСВ}? Ей не хотелось говорить, но отец настаивал, и голос его становился все суше и сердитей (НКРЯ)

(76) а. Кой **писа**^{НСВ-аор} сутрешната уводна статия? Кой глупак можа да го напише така? (БНК)

б. Кто **писал**^{НСВ} эти скетчи? **Ставил**^{НСВ} и **режиссировал**^{НСВ} программу? – спросила Наталья Ильинична, обводя всех нас по очереди, можно сказать, вельможным взглядом (НКРЯ)

Такого типа примеры давали основание В. Станкову утверждать, что использование глаголов несовершенного вида в общефактическом значении позволяет говорящему выразить свое отрицательное отношение к действию (Станков 1981: 106), в том числе и в вопросах о причине и цели действия.³⁴

В некоторых приведенных выше примерах возможны случаи конкуренции видо-временных форм, т.е. субъективного выбора несовершенного перфекта и аориста как при формулировании нейтрального вопроса, так и в контексте критического замечания. В ходе небольшого лингвистического эксперимента студентам Софийского университета была предъявлена следующая ситуация: ‘говорящий видит на столе конверт с письмом, которое он должен отправить по почте’. Респондентам было предложено отметить возможные (более вероятные и менее вероятные), а также абсолютно невозможные в каждом отдельном случае вопросы (на выбор было предложено три частных вопроса: с перфектом несовершенного вида (77) и с аористом имперфектива (78) и перфектива (79).

(77) Кой **е писал**^{НСВ-перф} адреса? Липсва кодът на града!

³⁴ «Във въпросителни изречения при насоченост на въпроса към причината за действието или неговата цел чрез употребата на несвършен вид говорещият изразява отсянка на неодобрение на действието, тъй като го смята за неуместно и нецелесъобразно» (Станков 1976: 76).

(78) Кой **писа**^{НСВ-аор} адреса? Липсва кодът на града!

(79) Кой **написа**^{СВ-аор} адреса? Липсва кодът на града!

По мнению 65% респондентов наиболее вероятным является вопрос из примера (77); в нем речь идет о конкретном действии и об определенном объекте. Большее число предпочтений, отданных в данной ситуации этому варианту можно объяснить прагматическими факторами, а именно, желанием спрашивающего донести до собеседника свое критическое отношение к тому, каким образом выполнялось действие (подчеркнута неполнота написанного адреса). Такую возможность обеспечивает имперфектив, так как предельный глагол несовершенного вида позволяет фокусировать внимание на срединной фазе действия, т.е. на самом процессе выполнения действия. Однако, если учесть, что вопросу (78), несмотря на несовершенный вид предиката, абсолютное предпочтение отдает всего 13% (а признает возможным менее половины опрошенных) дело, по-видимому, не только в виде глагола, но и в форме времени. Можно предположить, что выражению негативной оценки ситуации в (77) способствует не столько несовершенный вид глагола, сколько его сочетание с формой перфекта. Перфект в данном случае, в частности, его результирующая составляющая, называет актуальное в момент речи положение дел, которое говорящим осуждается. Вопрос с совершенным аористом (79) признает наиболее вероятным меньше половины респондентов. На самом деле вопрос сам по себе возможен, но скорее всего, без второй, выражающей критику, части высказывания. При этом в контексте критической оценки вполне возможен также совершенный перфект (80):

(80) а... знаеш ли какво ми каза? – Какво? – Чадо мое, кой те **е подстригал**^{СВ-перф} така идиотски?!³⁵

³⁵ <https://www.facebook.com/327603198011/posts/10160101857668012/> – последнее обращение 22.08.2020.

Анализ приведенных примеров наводит на мысль о роли перфекта вообще (вне зависимости от вида глагола) при передаче определенного эмоционального состояния, в нашем случае недовольства. Иными словами, при негативной оценке способа протекания действия или его результата говорящий может выбрать не только несовершенный, но и совершенный перфект.

Итак, сопоставив рассмотренные выше примеры, мы можем сказать, что их объединяет конкретность отражаемой ими ситуации и наличие результата (выраженного наличием определенного объекта при переходных глаголах). Основные различия, определяющие выбор наиболее предпочтительной формы, лежат в области комбинирования значений вида и времени и их прагматической нагруженности. Так, например, перфект обоих видов в конкретной ситуации может имплицировать критическую оценку действия, в то время как аорист глаголов совершенного вида, как правило, называет действия, оцениваемые нейтрально или положительно. Наименьшей частотностью в вопросах с местоимением *кой* отличается несовершенный аорист.³⁶ Можно предположить, что конкуренция «совершенный аорист – несовершенный аорист» в ситуации частного вопроса о конкретном действии разрешается в пользу совершенного вида³⁷ (хотя допустимым признается и несовершенный аорист предельных глаголов, особенно в ситуации критики).

³⁶ В других типах высказываний (в повествовательных предложениях и в общих вопросах) мысль Ю.С. Маслова о том, что «обобщенно-фактическое значение должно рассматриваться как важнейшее значение несовершенного аориста» (Маслов 1959: 268 – 269) остается в силе, хотя и с некоторыми оговорками. Отметим только, что в работе Маслов (1959) приводились примеры из болгарской литературы XIX века, многие из которых сегодня воспринимаются как устаревшие. См. также сноску 27 в этой главе.

³⁷ Один из классических примеров ситуаций, типичных для общефактического значения русского несовершенного вида, например, (*Где апельсины покупали*^{НСВ?}) по мнению информантов, на болгарский язык переводится при помощи совершенного вида: *Откъде купихте*^{СВ-аор} / *сте купили*^{СВ-аор} *портокалите?*

Использование в подобных контекстах моментальных глаголов предполагает некоторые ограничения: несовершенный аорист моментальных глаголов в конкретной ситуации, в том числе и в частных вопросах, вытесняется совершенным аористом – см. примеры (81) – (83):

(81) а. Кой ?**среща**^{НСВ-аор} / **срещна**^{СВ-аор} Иван?

б. букв. ‘Кто **встречал** / **встретил** Ивана?’

(82) а. Кой ***намира**^{НСВ-аор} / **намери**^{СВ-аор} манатарки мина-лата година?

б. букв. ‘Кто **находил** / **нашел** белые грибы в прошлом году?’

(83) а. Кой ?**изхвърля**^{НСВ-аор} / **изхвърли**^{СВ-аор} боклука?³⁸

б. букв. ‘Кто **выбрасывал** / **выбросил** мусор?’

Напомним, что использование несовершенного перфекта в экзистенциальном значении, как в (84) и (85), не имеет ограничений – в вопросах с несовершенным перфектом встречаются не только предельные, но и моментальные глаголы:

(84) – Кой **е правил**^{НСВ-перф} изчисленията? – Производителият (БНК)

(85) Какви ги дрънкаш? – попита с възмущение. – Кой **е казвал**^{НСВ-перф}, че пия? (БНК)

Все действия в предложенных выше вопросах характеризуются неопределенной референцией глагольной предикации, они не привязаны к определенному моменту в прошлом и относятся к экзистенциальному подтипу общефактического зна-

³⁸ Мы допускаем, что вопрос (83) с несовершенным аористом возможен, если говорящий предполагает что в мусорное ведро могли попасть какие-нибудь ценные вещи и ищет того, кто сможет прояснить ему ситуацию.

чения, поэтому вопрос о прошлом опыте или просто о факте действия в прошлом может формулироваться с помощью имперфективов всех семантических классов. Вопросы с предельными глаголами несовершенного вида предполагают наличие неопределенного наречия *някога* ('когда-нибудь'), в то время как в вопросах с моментальными глаголами неопределенность момента действия имплицитруется. Иными словами, именно отсутствие процессного значения у моментальных глаголов несовершенного вида, их неопределенная кратность вместе с временной нелокализованностью действия и выражает экзистенциальную семантику высказываний.

Рассмотрим теперь некоторые ограничения, связанные с аргументами предиката, так как именно в специальных вопросах в болгарском языке может ярко проявляться роль референтности имени. В примерах с несовершенным аористом и перфектом, как (86) и (87), определенный объект в вопросах с *кой* возможен как в единственном, так и во множественном числе. При этом на конкретность и известность ситуации указывает прежде всего определенность объекта (грамматически выраженная артиклем), а перфект и аорист несовершенного вида могут конкурировать:

(86) а. Кой **писа**^{НСВ-аор} / **е писал**^{НСВ-перф} писмото / писмата?

(87) а. Кой **отваря**^{НСВ-аор} / **е отварял**^{НСВ-перф} прозорца? / прозорците?

В вопросах с *кой* возможен также нереферентный объект. Так например, неопределенный объект с нулевым артиклем³⁹

³⁹ В данной работе мы принимаем концепцию болгарских лингвистов о том, что в болгарском языке имеется нулевой показатель нереферентности именной группы (нулевой артикль) и неопределенный артикль *един*, обозначающий специфическую неопределенность именной группы, ее одностороннюю идентифицированность (Станков 1995: 150 – 151; Ницолова 2008: 79). См. также подробный разбор статуса *един* в болгарском языке в Алексова 2019.

возможен, даже если ситуация предполагает реализованность конкретного действия. В таких случаях именная группа, как правило, сопровождается определением (или оно может подразумеваться), а предикат выражен несовершенным аористом: вопрос (88) мы задаем, если написание заявлений ректору уже обсуждалось группой людей и выясняется, кто именно из возможных субъектов такое действие совершил:

- (88) а. Кой **писа**^{НСВ-аор} молба до Ректора?
б. букв. 'Кто писал заявление Ректору?'

Однако нереферентный объект в вопросах с *кой* способствует более всего выражению экзистенциального общефактического значения несовершенного перфекта (см. примеры (89) и (90)), так как в них выясняется наличие у субъекта действия определенного опыта (знания или умения), приобретенного в прошлом без указания на конкретный момент и объект (возможного) совершения действия:

- (89) а. Кой **е строил**^{НСВ-перф} къщи?
б. букв. 'Кто строил (когда-нибудь) дома?'

- (90) а. Кой **е писал**^{НСВ-перф} молби до Ректора (и знае как се пишат)?
б. букв. 'Кто (когда-нибудь) писал заявления Ректору (и знает, как их писать)?'

Такие вопросы позволяют приписать субъекту определенную характеристику, являющуюся результатом приобретенного в прошлом опыта. На общереферентный статус такой предикации указывает именно нереферентный объект, называющий класс предметов и выраженный формой множественного числа с нулевым артиклем. При эксплицитно выраженном (или подразумеваемом) неопределенном наречии *някога*, а также при наличии конкретизирующего определения возмо-

жен также нереферентный объект в единственном числе – см. (91) и (92):

(91) а. Кой **е писал**^{НСВ-перф} (някага) молба до Ректора?
б. букв. ‘Кто (когда-нибудь) писал заявление Ректору?’

(92) а. Кой **е строил**^{НСВ-перф} двуетажна къща?
б. букв. ‘Кто строил (когда-нибудь) двухэтажный дом?’

Объект с неопределенным артиклем *един* в частных вопросах требует отдельного исследования. Тем не менее, можно сказать, что в конкретной ситуации, выраженной несовершенным аористом предельного глагола, эксплицитно выраженная невозможность для слушающего идентифицировать объект (при помощи *един*), исключает употребление такой формы, как аорист (93):

(93) а. *Кой **писа**^{НСВ-аор} една молба / едни молби?
б. букв. ‘Кто писал одно заявление / одни заявления?’

Употребление объекта с неопределенным артиклем *един* затруднено и в вопросах с несовершенным перфектом (94):

(94) а. ?Кой **е строил**^{НСВ-перф} една къща / едни къщи?
б. букв. ‘Кто строил дом / дома?’

Эта особенность, на наш взгляд, связана с тем, что идентифицированность объекта, хотя и односторонняя (наличие *един*, отсутствие нулевого артикля), по-видимому, не позволяет несовершенному перфекту выражать экзистенциальное общефактическое значение, в то время как слабая определенность объекта (отсутствие определенного артикля или другого спецификатора) не переводит его в категорию конкретно-референтной разновидности общефактического значения (для которого, напомним, требуется определенный объект).

Итак, проведенный нами анализ показал, что несовершен-

ным аористом в болгарском языке выражается конкретно-референтное значение при условии, что речь идет о предельном глаголе, называющем контролируемое субъектом действие, предполагающее определенный объект. С несовершенным аористом возможен также неопределенный объект (с нулевым артиклем, но с несогласованным определением или придаточным предложением, сужающим класс имен в функции прямого объекта). В этом последнем случае действие, о котором задан вопрос в форме аориста, в данной ситуации должно предполагаться (или ожидаться говорящим). Несовершенный перфект глагола с определенным объектом тоже может выражать конкретно-референтный подвид общефактического значения. Допускается также эмоциональное критическое отношение к совершению действия. В обоих случаях речь идет о единичной ситуации, и глагол несовершенного вида можно заменить глаголом совершенного вида. Однако основные случаи использования несовершенного перфекта касаются неактуальных, нелокализованных во времени ситуаций, отражающих прошлый опыт субъекта, что позволяет отнести их к экзистенциальной разновидности общефактического значения. Поэтому и для выражения объекта используются нереферентные именные группы (с нулевым артиклем), возможно также наличие неопределенного наречия *някога*. В таких вопросах глагол несовершенного вида нельзя заменить на глагол совершенного вида.

Специфически неопределенная именная группа с неопределенным артиклем *един* в частном вопросе с несовершенным аористом, видно, несовместима с интенцией выяснения субъекта неизвестного для слушающего (хотя и конкретного) действия которое распространяется на неизвестный для него объект.

Использование объекта с неопределенным артиклем *един* затруднено и в частных вопросах с несовершенным перфектом: односторонняя идентифицированность объекта затрудняет выражение экзистенциального подтипа общефактического значения, в то время как недостаточная определенность объекта не позволяет говорить о конкретно-референтной разновидности общефактического значения.

1.3. Вопрос о конкуренции видов в прошедшем времени

Как было упомянуто выше, общефактическое значение несовершенного вида традиционно рассматривается в связи с феноменом конкуренции видов.

В русском языке конкретно-референтная разновидность общефактического значения, как правило, легко заменяется глаголами совершенного вида в конкретно-фактическом значении, в то время как экзистенциальная разновидность общефактического значения такой замены не допускает.

Что касается болгарского языка, то следует заметить, что возможность замены глагола несовершенного вида предикатом совершенного вида стоит анализировать в зависимости от видо-временной формы и от семантического (акционального) класса глагола.

Замена несовершенного аориста на совершенный аорист возможна при условии, что речь идет о предельных глаголах. Сказанное можно проиллюстрировать на примерах (95) и (96):

(95) а. – Ти **писа**^{НСВ-аор} ли на баща ти, че ще идваш? – Да, **писах**^{НСВ-аор} му.

б. – Ты **писал**^{НСВ-прош} отцу, что приезжаешь? – Да, **писал**^{НСВ-прош}.

(96) а. – Ти **написа**^{СВ-аор} ли на баща ти, че ще идваш? – Да, **написах**^{СВ-аор} му.

б. – Ты **написал**^{СВ-прош} отцу, что приезжаешь? – Да, **написал**^{СВ-прош}.

Если же речь идет о моментальных имперфективах, то, как правило, отмечается, что для них форма аориста не характерна, вернее, считается устаревшей, и поэтому предпочитается аорист СВ (см. об этом Ницолова 2008: 291). Однако примеры употребления несовершенного аориста моментальных глаголов в современном болгарском языке, хотя и редко, все-таки встречаются (ср. пример (97)), в котором спрашивающий

выясняет, произошла ли ситуация, которую можно обозначить как ‘встреча’, то есть имел ли место факт встречи (в данном случае случайной) двух участников ситуации.

(97) а. – Опи, **среща**^{НСВ-аор} ли днес Милко? Опи изтрърпна: – Да. [...] – Видях го тази вечер, срещнах го на улицата, но той не ме забеляза (БНК)

б. – Опи, ты не **встречала**^{НСВ} сегодня Милко? – Опи за-мерла: – Да. [...] – Видела его сегодня вечером, встретила его на улице, но он меня не заметил.

Что касается несовершенного перфекта в болгарском (98а), как и общефактического экзистенциального в русском (98б), необходимо подчеркнуть, что неопределенность временной локализации события, выраженного перфектом, а также нереферентность объекта по определению исключают совершенный перфект.⁴⁰

(98) а. **Писал** ли **си**^{НСВ-перф} (някага) стихове? – **Писал съм**^{НСВ-перф}, като млад.

б. Ты **писал**^{НСВ-прош} стихи когда-нибудь? – **Писал**^{НСВ-прош}, в молодости.

При этом, подчеркнем, что для общефактической интерпретации достаточно, чтобы факт написания стихов имел место хотя бы один раз.

Вопрос о конкуренции видов не рассматривается в случае общефактического неопределенного, так как глаголы, называющие нерезультативные гомогенные процессы и относящиеся к классу деятельности, не имеют перфективного коррелята.

⁴⁰ Ср. невозможность ***Написал** ли **си**^{СВ-перф} (някага) стихове? – ***Написал съм**^{СВ-перф}, като млад. То же можно сказать и о русском языке: ***Ты написал**^{НСВ-прош} стихи когда-нибудь? – ***Написал**^{НСВ-прош}, в молодости).

2. О возможности называния «факта действия» в будущем времени

Аналізу частных видовых значений русского НСВ в будущем времени посвящены работы Е. В. Падучевой (2010б), Ю.П. Князева (2014), Н.М. Стойновой (2016). В частности, в работе Падучева 2010б и Стойнова 2016 показана возможность симметрического употребления актуально-длительного и итеративного значения глаголов несовершенного вида в ретроспективном и в проспективном ракурсе, с одной стороны, и проблематичность такой симметрии для общефактического значения – с другой. Этот факт объясняется тем, что в прошедшем времени (т.е. при ретроспективной точке отсчета) фокус на результате возможен, в то время как будущее время имперфективов, предполагающее проспективный ракурс наблюдения, актуализирует прежде всего начальную стадию действия (Падучева 2010б: 17). В связи с этим, выделяется частное видовое значение проспектива, которое проявляется в форме будущего времени русских глаголов несовершенного вида, и перечисляются классы глаголов, не допускающих, в отличие от прошедшего времени, называния единичного результативного действия в будущем (Падучева 2010б: 18). Подробный анализ употребления глаголов несовершенного вида в будущем времени, учитывающий результаты исследований Е.В. Падучевой, в том числе и в отношении возможности реализации общефактического значения, можно найти в работе Князев 2014.

В отношении современного болгарского языка в первую очередь следует отметить, что будущее время глагола выражается с помощью грамматикализованной частицы *ще*, которая присоединяется к глаголам обоих видов в форме настоящего времени вне зависимости от их семантического класса и отно-

сит ситуацию целиком к временному плану будущего.⁴¹

Другая важная особенность формы болгарского будущего времени выражается в более тесной спаянности частицы *ще* с глагольной формой (разрыв возможен только в случае клитик), что отличает ее от аналитического будущего в русском, где вспомогательный *быть* может располагаться дистантно от основного глагола,⁴² в том числе и за счет интерпозиции наречий и других элементов предложения: *Государства – члены ЧЭС будут решительным образом и впредь играть активную роль в этих общих усилиях* (НКРЯ). Ср. также примеры (99) и (100) из параллельного русско-болгарского корпуса:

(99) а. И, если она не позвонит, они никогда больше не увидятся: адреса он не знает, не дает она адреса – «Тетка заругает», даже не говорит, на какой фабрике работает. – «**Будешь** возле проходной **отсвечивать**^{НСВ-буд}».

б. И ако не му се обади, никога вече няма да се видят: той не ѝ знае адреса, тя не си го дава – “Леля ще ми вдигне скандал”, дори не казва в коя фабрика работи: “**Ще киснеш**^{НСВ-буд} пред портала” (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(100) а. Оба подумали: хорошо, что **не будет** поезд долго **стоять**^{НСВ-буд}.

б. И двамата си помислиха: добре че влакът **няма да стои**^{НСВ-буд} много. (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

⁴¹ Частица *ще* представляет собой результат грамматикализации старославянского волитивного глагола *хотѣти*. В частности, конструкция с *хотѣти*, пройдя путь от волитива через интенциональную и проспективную стадию, полностью грамматикализовалась в частице *ще*, которая и стала граммическим показателем будущего времени (см. об этом Козлов 2014: 140, 143).

⁴² Подробнее о возможностях разрыва компонентов в русском языке см. Стойнова 2016.

Разобщенность момента совершения будущего действия с настоящим выражается в том, что интервал референции, в котором осуществляется действие, следует за моментом речи. В этом интервале может находиться действие целиком (т.е. его начальная и финальная часть), хотя может фокусироваться и только финальная стадия действия. Так, например, в примере (101) однократное, мыслимое как результирующее будущее действие в обоих языках может быть выражено как глаголом НСВ, так и глаголом СВ:

- (101) а. За обед **ще правя**^{НСВ-буд} супа (=За обед **ще направя**^{СВ-буд} супа)
б. К обеду **буду суп варить**^{НСВ-буд} (=К обеду **сварю**^{СВ-буд} суп)

В примере (101), несмотря на принадлежность глагола несовершенного вида к классу предельных, выражающих процесс, фокус внимания не на продолжительности действия, а скорее на его результате: *на обед будет суп*. Такой интерпретации представляемого в будущем действия могут способствовать «общие знания о мире» собеседников, как например, понимание того, что существует объективная возможность совершить действие в указанный (недолгий) отрезок времени. Не исключен также компонент интенциональности,⁴³ характерный для будущего времени, если действие контролируемое, как в примерах (102) и (103):

- (102) а. Трябва да тичам. **Ще се връщаш ли** скоро в Лондон? (БНК)
б. Надо бежать. В Лондон **будешь** скоро **возвращаться**^{НСВ-буд?}

⁴³ О компоненте намерения в русском языке см. также Рассудова 1981, в частности, в вопросах и в условных конструкциях: *Вы будете садиться?* (90), *Если он будет уходить, вызовите меня* (91). См. об этом также Стойнова 2016.

- (103) а. В ръцете си имаше бучки захар. – Коня **ще храня**^{НСВ-буд} – обясни той.⁴⁴
 б. В руках держал кусочки сахара. – Коня **буду кормить**^{НСВ-буд}, – обяснил он.

Некоторые моментальные имперфективы также возможны в контексте сообщения о действии, которое мыслится как факт в будущем, в частности, если речь идет о недлительных действиях, сам факт наличия которых влечет за собой их результивную интерпретацию, как в примерах (104) и (105):

- (104) а. Дадоха ми телефона му, утре **ще му звъня**^{НСВ-буд45}
 б. Мне дали его телефон, завтра **буду ему звонить**^{НСВ-буд46}

- (105) а. – Няма да скачам в боклука – заяви възмутено Бруно. – **Ще скачаш**^{НСВ-буд} и още как – отсече Мишел (БНК)
 б. – Я не буду прыгать в мусорный контейнер! – возмутился Бруно. – Еще как **будешь прыгать**^{НСВ-буд}! – отрезала Мишель[?].

Интересный случай для сопоставления в контексте названия факта действия, которое будет иметь место, представляют собой предельные видовые пары *пиша / напиша* и *писать / написать*. Так, например, в (106а) глагол *пиша* выражает целостное действие, включая финальную, результивную, стадию. Такой интерпретации в русском соответствует фраза с глаголом совершенного вида (106б), поскольку действие в конструкции *буду тебе писать* воспринимается как итеративное (ср. *Каждый раз буду сразу тебе писать*):

⁴⁴ <https://chitanka.info/text/24119-svobodata-na-choveka> – последнее обращение 20.09.2020.

⁴⁵ <http://clubs.dir.bg/showflat.php?Board=rak&Number=1944071488&page=&view=&sb=&part=all&vc=1> – последнее обращение 20.09.2020.

⁴⁶ Ср. также следующий пример из Рассудова 1981: *Не уходите из дома, он будет вам звонить* (88).

(106) а. **Ще** ти **пиша**^{НСВ-буд} веднага, щом пристигна. (Ничолова 2008: 307)⁴⁷

б. букв. ‘**Напишу**^{СВ-буд} тебе сразу по приезде’.

По данным параллельного русско-болгарского подкорпуса НКРЯ глагол *написать* в форме будущего времени в четырнадцати случаях из тридцати двух переводится на болгарский при помощи будущего времени имперфектива *пиша* – ср. примеры (107) и (108):

(107) Я **напишу**^{СВ-буд} Грише, что он хорошо, он здорово разбирается в людях. – **Ще пиша**^{НСВ-буд} на Гриша, че чудесно разбира хората (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(108) **Напишем**^{СВ-буд}, что он хулиган, и будет у нас сидеть. – **Ще пишем**^{НСВ-буд}, че е хулиган, и ще остане при нас (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

Другим показательным примером являются русские и болгарские переводы одного и того же оригинального произведения, из которых видно, что для выражения однократности действия (или, точнее, для снятия имплицитной итеративности) в русском языке необходимо употребить глагол совершенного вида, в то время как в болгарском в этом нет необходимости. При этом, не имеет значения близость начала действия к моменту речи, как это видно из контекста в примере (109), или его отдаленность (110):

(109) а. оригинал: “All right!” said June abruptly. “I’ll **write** now, and you can post it. Half-past two tomorrow. I shan’t be in, myself.” She sat down at the tiny bureau, which filled one corner. When she looked round with the finished note, Fleur was still touching the poppies with her gloved finger” (J. Galsworthy, The Forsyte Saga)

⁴⁷ Ср. похожий пример в Андрейчин 1978: *Ще ти пиша веднага* (166).

б. – Добре! – отвърна рязко Джун. – **Ще пиша**^{НСВ-буд} веднага; вие ще пуснете писмото. Утре, в два и половина. Аз няма да бъда в къщи. Тя седна пред малкото писалище в ъгъла. Когато се обърна, след като написа бележката, Фльор пак галеше маковете със своя пръст в ръкавица (Дж. Голсуърти, Сага за Форсайтови)

в. – Хорошо! – сказала кратко Джун. – Я сейчас **напишу**^{СВ-буд}, и вы можете сами опустить письмо. Завтра, в половине третьего. Меня не будет дома. Она села к маленькому письменному столу в углу комнаты. Когда она обернулась, кончив письмо, Флер все еще стояла, перебирая замшевыми пальцами маки (Дж. Голсуорси, Сага о Форсайтах)

(110) a. Stąd nie będę o tym więcej pisał. Dam ci znać, kiedy wrócę. **Napiszę** z Rzymu, postaram się prędko, bo mam już tę złotą żyłę, marzenie każde godziennikarza. Ale to złoto zabija. (S. Lem, Katar)

а. Оттук повече няма да ти пиша за това. Ще ти обадя кога се връщам. **Ще пиша**^{НСВ-буд} от Рим, ще гледам да е по-скоро, защото вече напилах златната жила, мечтата на всеки журналист. Но това злато убива (Ст. Лем, Хрема).

б. Писать тебе об этом отсюда больше не буду. Дам знать, когда вернусь. **Напишу**^{СВ-буд} из Рима, постараюсь быстрее, потому что я наткнулся на золотую жилу, мечту каждого журналиста. Но это золото убивает. (С. Лем, Насморк).

Примеры (111) – (113) из българского языка также свидетельствуют о более свободном, чем в русском, использовании имперфектива при назывании действия, мыслимого как факт в будущем:

(111) а. – Аз **ще се качвам**^{НСВ-буд} горе – каза Радостина. – Ще дойда да те изпратя – каза Божидар. Качиха се по стълбите мълчаливо (БНК)

б. ‘Я пойду^{СВ-буд} (букв. буду подниматься^{НСВ-буд}) наверх, – сказала Радостина. – Я тебя провожу – сказал Божидар. Они молча поднялись по лестнице.

(112) а. Той запали мотора и тръгна. – **Ще** ги **карам**^{НСВ-буд} в казармата... Те да се оправят!... – Подпоручика **ще** го **носим**^{НСВ-буд} на жена му – обади се Фильо (БНК)

б. Он завел машину и тронулся с места. – **Отвезу**^{СВ-буд} (букв. буду отвезить^{НСВ-буд}) их в часть... Пусть там разбираются!... – Подпоручика **отнесем**^{СВ-буд} (букв. будем относить^{НСВ-буд}) жене – сказал Филя.

(113) а. **Ще докладвам**^{НСВ-буд} на моята господарка и – както съвсем уместно предложихте, ще я подканя да обсъди въпроса с вашия лорд Таргон (БНК)

б. **Доложу**^{СВ-буд} (букв. буду докладывать^{НСВ-буд}) хозяйке и, как Вы разумно предложили, попрошу ее обсудить вопрос с вашим лордом Таргоном.

Ни один из болгарских примеров (111) – (113) не предполагает актуально-длительной или итеративной интерпретации предикатов. Все использованные имперфективы могут быть заменены глаголами совершенного вида: *ще се кача*^{СВ-буд} в (111), *ще ги закарам*^{СВ-буд} и *ще го занесем*^{СВ-буд} в (112) и *ще доложа*^{СВ-буд} в (113). Для того, чтобы стало возможным процессное или многократное прочтение глаголов несовершенного вида в приведенных выше контекстах, необходимы специальные контекстные условия: *Ще се качвам по стълбите всеки ден* (многократность); *Ще ги карам поне един час до летището* (длительность). В русском, наоборот, аналитическое будущее в предложениях (111) – (113) предполагало бы скорее многократное действие (ср. *буду подниматься наверх, буду отвезить их в часть, буду докладывать хозяйке*).

Итак, рассмотренные примеры показывают, что болгарское будущее время глаголов несовершенного вида – это видо-временная форма, имеющая семантику общефактического зна-

чения. При этом, как нам представляется, это основное, не обусловленное контекстом, значение этой формы (в отличие от актуально-длительного или итеративного, которые должны поддерживаться контекстом). В русском, наоборот, как было показано и в работах Падучева 2010б, Стойнова 2016, общефактическая интерпретация будущего аналитического возможна с большими ограничениями.

Итак, на основе анализа возможности использования общефактического значения глаголов несовершенного вида в будущем времени в русском и болгарском языках складывается следующая картина. В первую очередь, подтверждается мысль Е.В. Падучевой о том, что в русском языке основной интерпретацией глаголов несовершенного вида в будущем времени является итеративная, при специальных контекстных показателях возможна также актуально-длительная и только в некоторых случаях – общефактическая. Затруднительность использования одних и тех же глаголов в сходных семантических контекстах в прошедшем и в будущем времени связывается со спецификой ретроспективного и проспективного ракурса наблюдения. Именно поэтому, возможно, более целесообразным и продуктивным может стать рассмотрение общефактичности как значения видо-временных форм, а не только как значения несовершенного вида.

В болгарском языке, наоборот, возможность использования формы будущего несовершенного для называния факта действия (по аналогии с общефактическим в прошедшем времени) характеризуется большей регулярностью. По-видимому, это связано с тем, что в болгарском языке форма будущего времени образуется путем присоединения грамматикализованной частицы *ще* к глаголам обоих видов в презенсе, поэтому будущие действия, выраженные глаголами совершенного и несовершенного вида, равным образом разобщены с моментом речи. В результате, действие, вне зависимости от видовой принадлежности глагола, может быть отнесено целиком к плану будущего. При этом, однако, совершенный вид маркирует результативность и однократность, в то время как имперфективы

отличаются необходимой для общефактической интерпретации неопределенной кратностью и при отсутствии специальных контекстных показателей допускают прочтение действия как факта. Все эти особенности позволяют говорить о том, что грамматическая форма будущего несовершенного в болгарском языке реализует прежде всего общефактическое значение.

3. Общефактическое значение в болгарских *да*-конструкциях и их соответствия в русском

В настоящем параграфе мы рассмотрим некоторые случаи употребления разновидностей общефактического значения несовершенного вида глагола в общих *да*-вопросах в болгарском языке в сопоставлении с русским. Исходя из традиционного описания указанного значения в русском языке и продолжая сопоставительные исследования общефактического значения в прошедшем времени, в частном вопросе и в будущем времени, мы обратимся к феномену названия факта в некоторых *да*-конструкциях в болгарском языке и в их русских соответствиях, чтобы выявить случаи реализации общефактического значения.

Конструкции с *да* рассматриваются во всех южнославянских языках как ареальное явление балканского языкового союза (Асенова 2002: 16). В работах по истории болгарского языка преобладает мнение о параллельном существовании инфинитива и *да*-форм в старославянском языке (Минчева 1987, Славова 2017) с последующим постепенным вытеснением инфинитива и окончательным утверждением *да*-форм в ранний новоболгарский период (Генадиева-Мутафчиева 1970, Мирчев 1978, Асенова 2002).⁴⁸

⁴⁸ О сосуществовании *да*-конструкций и инфинитива в церковнославянских рукописях македонской редакции (XII-XIV вв.) см. Ячева-Улчар 2014.

В современном болгарском роль *да* как комплементизатора, маркирующего субординацию (в том числе, в сопоставлении с другими славянскими языками), подробно описана в работах Кръпова 1998, Чакърова 2008). Досконально проанализирован подчинительный союз *да* в словенском при некоторых глаголах, обозначающих ментальную и речевую деятельность, в сопоставлении с русским в работе Ухлик, Желе 2018, где, в частности, показана взаимозависимость главной и зависимой предикаций (в том числе с точки зрения времени и наклонения) в сложных предложениях с неспециализированным союзом *да*. В более ранних исследованиях отмечалось, что поведение *да* в словенском отличается от функций его соответствий в центральном балканском ареале, поскольку он ведет себя в основном как изъяснительный союз (см. об этом Деянова 1982, Иванова 2018). В работе Alvestad 2017 на базе славянских языков анализируется в сопоставительном плане использование вида глагола в инфинитиве и в соответствующих инфинитиву в южнославянских языках *да*-конструкциях в зависимых клаузах. Особое внимание уделяется частотности несовершенного вида и обсуждается его употребление, аналогичное называнию факта действия. Подробнейший анализ синтаксического поведения болгарских *да*-конструкций и их русских соответствий представлен в работах Е.Ю. Ивановой (2014, 2018).⁴⁹

Что касается вида глагола, необходимо особо отметить работу Ухлик, Желе 2018, в которой уделяется специальное внимание выбору видо-временных форм в словенских *да*-предложениях, выражающих побуждение или желание. Перечисляются случаи ограничения на использование видов, как в независимых, так и в придаточных предложениях. Авторы приходят к выводу, что в побудительных предложениях преобладает совершенный вид *да*-формы, в то время как в опта-

⁴⁹ Важные положения о статусе и о роли *да*-конструкций разработаны в работах Маслов 1981, Ницолова 2007а, 2007б, 2008), Попов 1963, Жекова 2001, 2002.

тивных *да*-конструкциях наблюдается относительное равновесие между совершенным и несовершенным видом.

Однако ни в одной из известных нам работ не уделялось специального внимания вопросу о критериях выбора и о функциях видовой характеристики глаголов в вопросительных *да*-конструкциях. Ниже мы не будем рассматривать подчиненные *да*-конструкции и независимые побудительные и оптативные, а сосредоточим свое внимание на самостоятельных *да*-вопросах без частицы *ли* в сопоставлении с русским языком.

Остановимся кратко на особенностях так называемых *да*-конструкций (*да*-форм глаголов) в болгарском языке.

Болгарские *да*-конструкции представляют собой сочетание служебного слова *да* с формой глагола в настоящем или в одном из прошедших времен: *да отида*, *да е тишиъл*, *да беше тишиъл*, *ти да не отиде* (аорист допускает только отрицательную форму). Вопросу о *да*-конструкциях как в простом, так и в придаточных предложениях в составе сложного посвящено множество научных исследований.

В литературе по вопросу, начиная с работ Маслова 1959, 1981 обсуждался вопрос о принадлежности *да*-форм к сфере действия конъюнктива, однако и сегодня среди болгаристов нет единого мнения по вопросу. Более того, Е.Ю. Иванова, ссылаясь на работы Ласкова 2009 и Ницолова 2008, отмечает, что «некоторые употребления связанной *да*-конструкции имеют и немодальное значение» (Иванова 2014: 110). В частности, в работах Ласкова 2008 и 2009 речь идет о том, что *да*, наряду с другими союзами (как *че*, например), при некоторых глаголах используется как простой союз в придаточных изъяснительных.

Лексема *да* трактуется, как правило, как формообразующая частица в составе сложных глагольных форм (будущего в прошедшем, будущего предварительного в прошедшем, отрицательного будущего) или в составном глагольном сказуемом после модальных или фазовых глаголов. В качестве подчинительного союза (комплементизатора) *да* вводит изъяснительные, определительные и обстоятельственные придаточные

предложения, в частности, целевые, определительные, условия.

В независимом употреблении, т.е. в самостоятельных простых предложениях *да* функционирует как модальная частица в высказываниях с семантикой желательности и побудительности (таких как просьба, приказ, совет, пожелание, напоминание).

Решающее значение для интерпретации иллокутивной силы высказывания с *да*-конструкцией имеет лексическое значение глагола и контекст: «Поради многозначността и полифункционалността на *да*-формите [...], значението им не може да бъде определено, без да се вземе предвид значението и илокуционната сила на изказването, в което са употребени, а в редица случаи и лексикалното значение на глаголната форма, както и други нейни граматически значения. Контекстът и ситуацията също така допринасят съществено за определяне на значението на изказванията с *да*-форми» (Ницолова 2007а: 13-14).

Многозначность и многофункциональность *да*, в некотором смысле его абстрактность, привела к тому, что на основе *да* в болгарском языке также образовано большое количество сложных частиц (*нека да, да не би да, ще да*) и союзов (*без да, макар и да, вместо да, че да, освен да, преди да, ако и да*). Более того, слишком большое разнообразие функций болгарских *да*-конструкций мешает их отнесению к какой-либо четко ограниченной зоне модальности или к какому-либо одному наклонению (см. также Иванова 2014: 104-106).

Как уже было сказано, *да*-конструкции бывают независимыми (когда форма '*да* + глагол' употребляется самостоятельно) и зависимыми (в которых конструкция '*да* + глагол' управляется другим глаголом или предложением), а их общим семантическим признаком является нефактивность в самом широком понимании: возможность, предположение, необходимость, оптативность, повелительность [разрешение, запрет, предостережение]) (Ницолова 2007: 14). Независимые *да*-конструкции могут составлять ядро повествовательных, побудительных и вопросительных высказываний.

В высказываниях с *да*-конструкциями для выражения различных иллокутивных намерений используются глаголы обоих видов. Возможны резкие, грубые приказы с выраженным или не выраженным, но подразумеваемым субъектом в личных предложениях: *(Ти) да мълчиш!* Более мягкое побуждение (особенно если требуемое действие совпадает с желаниями пациенса или адресата): *Да му се дадат три дни почивка!* Модальность необходимости присутствует в вопросительных предложениях, выражающих скрытую просьбу: *Да те (по)питам нещо?* Семантика сожаления присутствует в восклицательных конструкциях: *Да направи такава бяла!* *Да*-конструкции с плюсквамперфектом обычно передают семантику желательности, совета или (реже) необходимости или долженствования: *Да беше отишъл на лекар!* При этом возможны и контрафактивные употребления: *Да бях му писал навреме...* В контексте отрицания *да*-конструкция с глаголом в презенсе может выражать значение опасения или предостережения: *Да не паднеш!*

В настоящем параграфе мы ограничимся анализом использования видо-временных форм в некоторых независимых *да*-конструкциях в сопоставлении с русским, прежде всего, в общих вопросах.

3.1. *Да*-вопросы с глаголом в форме презенса

В этом параграфе мы остановимся сначала на *да*-вопросах без вопросительной частицы *ли* в форме второго лица настоящего времени (114). Такие формулировки представляют собой более мягкий вариант прямых вопросов с частицей *ли* без *да* (115):

(114) **Да познавате** някого от трети курс?

(115) **Познавате ли** някого от трети курс?

При оформлении *да*-вопросов используются, как правило, имперфективы, называющие состояние или деятельность. В русском языке примерам (114) и (115) соответствуют вопросы, оформленные при помощи отрицания (116) или прямого вопроса без отрицания (117) с глаголом в настоящем времени:

(116) Ты никого **не знаешь** с третьего курса?

(117) Ты кого-нибудь **знаешь** с третьего курса?

Иначе надо трактовать болгарские *да*-вопросы с отрицанием. Они отличаются тем, что с их помощью говорящий высказывает свою собственную интерпретацию наблюдаемой ситуации, возможный вывод или догадку. Так, например, обращенный к собеседнику вопрос *Да не плачеш?* (пример из Ницолова 2007: 17) отличается от собственно вопроса *Плачеш ли?* тем, что в нем (а) содержится предположение ‘ты плачешь’ и (б) имплицитно ожидается ожидание говорящего, что собеседник опровергнет его предположение, вытекающее из соображения, что действие ‘плакать’ для собеседника является нежелательным. Иными словами, спрашивающий ожидает отрицательного ответа на свое предположение (*Не, не плача*).⁵⁰

В русском языке подобное предположение может выражаться при помощи конструкции с вопросительным местоимением *что* и отражать удивление (118) или критическую реакцию говорящего на ситуацию (119):

(118) – Какими же судьбами? Вы что, **живёте** теперь на этой ветке?

– Да нет, не живу, а так, гощу у одного приятеля. Да вы его знаете. (НКРЯ)

(119) а. Полковник перебил его сухим, резким голосом: – Почему без фуражки? Вы что, школьник на перемене?

⁵⁰ Р. Ницолова объясняет такую импликацию тем, что ситуация ‘плакать’ для собеседника является нежелательной (2007: 17-18).

б. Полковникът го прекъсна със сух, рязък глас: – Защо сте без фуражка? **Да не сте**^{НСВ-наст.} ученик в междучасие? (паралелен русско-болгарски корпус НКРЯ)

Более того, возможны случаи, когда предикатом названо действие не только нежелательное для собеседника, но и неприятное, неприемлемое для спрашивающего. В таких вопросах конструкции с вопросительным местоимением *что* в русском и с частицей *да* в болгарском подчеркивают как бы нежелание говорящего верить в свое собственное предположение и призывают собеседника дать отрицательный ответ на вопрос (в противном случае говорящий считает уместной негативную оценку собеседника (как в примере (120): ах, ты мудака [мухльо такъв]).

(120) а. – Ты чего, собираешься бандитам деньги возвращать? Ах ты, мудака!

б. – Абе **да не смяташ**^{НСВ-наст.} да връщаш парите на бандитите? Мухльо такъв! (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

В примере (121), наоборот, высказанное спрашивающим предположение собеседником подтверждается, а о том, что речь идет о нежелательной, неприятной ситуации, можно судить по контексту (виновато поежился [виновно потръпна]):

(121) а. – Вы что, боитесь идти к сыну? – перебил Николас. – Время тянете? Улыбка на лице Аркадия Сергеевича из хитрой сделалась смущенной. – Честно говоря, робею. – Депутат виновато поежился.

б. – **Да не ви е**^{НСВ-наст.} **страх** да отидете при сина си? – прекъсна го Николас. – Печелите време май? Усмивката на Аркадий Сергеевич от лукава стана смутена. – Честно казано, не смея – виновно потръпна депутатът. (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

В перечисленных примерах с *да не* и глаголом во втором лице называется состояние и используется несовершенный вид. Совершенный презенс в таких вопросах не употребляется⁵¹ и феномена конкуренции видов не возникает. Как видно из приведенных ниже примеров, совершенный вид возможен при дополнительном вопросе (с добавлением при этом частицы *А*) со смещением иллокутивной силы в сторону предложения о действии, скорее, альтернативном (122), (123):

(122) – Виждали ли сте друг път тези хора? – попита. [...]

– Не! Сигурна съм.

– *А да ми кажете*^{СВ-презенс} – как изглеждаха? (БНК)

(123) а. – *А позвонить в дверь ты не догадалась?*

– Нет.

– *А позвать мачеху?*

б. – *А не се ли сети да позвъниш на вратата?*

– Не.

– *А да извикаш*^{СВ-презенс} на мащехата си? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

В такой ситуации НСВ возможен (хотя и с большой натяжкой) только при поддержке контекста неопределенной кратности действия, как в примерах (124) и (125), или с глаголами состояния (126), но не в общефактическом значении:

(124) *Да ми казвате*^{НСВ-наст.} всеки ден менюто?

(125) – *А копить нельзя? На черный день откладывать? – спросил он, вдруг останавливаясь перед ней.*

⁵¹ Конструкции типа '*да не + совершенный презенс*' используются для выражения предостережения. Ср. следующие примеры из русско-болгарского параллельного корпуса НКРЯ: *Только ты смотри не разболтай. – Но да не вземеш да се раздрънкаш; Не подсунете какую-нибудь фальшивку. – Да не ми пробутате някое менте. Только смотри не кури. – Само да не вземеш да пушиш.*

– А **да пестите**^{НСВ-наст} не можете ли? Да отделайте за черни дни? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

(126) – Не знаешь ли ты таких, – продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, – некоего Дисмаса, другого – Гестаса и третьего – Вар-раввана?

– А **да познаваш**^{НСВ-наст} – продължи Пилат, без да сваля очи от арестанта, – някой си Дисмас, и друг един, Гестас, и трети – Вар-Раван? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

Да-вопросы с глаголом в форме первого или третьего лица могут оформляться при помощи глаголов совершенного презенса – примеры (127) и (128):

(127) **Да купя**^{СВ-презент} билети(те)?

(128) **Да купи**^{СВ-презент} Ирина билети(те)?

Вопросительные по форме предложения (127) и (128) отличаются от вопроса (114) тем, что в них содержится не чистый вопрос, а скорее вопрос-предложение, основанный на общих предварительных знаниях собеседников, т.е. на прагматической пресуппозиции.

Такого типа вопросы невозможно заменить на вопрос с частицей *ли* без *да* – см. примеры (129) и (130), они также не синонимичны собственно вопросительным конструкциям с *да* и *ли* одновременно – ср. примеры (131) и (132), в которых содержится только вопрос о том, должно ли иметь место некое действие:

(129) ***Купя ли** билети?

(130) ***Купи ли** Ирина билети?

(131) **Да купя**^{СВ-презент} **ли** билети?

(132) Да купи^{СВ-презенс} ли Ирина билеты?

В рассматриваемых *да*-вопросах с глаголом в презенсе возможен также имперфектив, особенно, если речь идет об известном обоим собеседникам действии (см. примеры (133) и (134)). Хотя поскольку речь идет о «приступе к действию», субъект в третьем лице маловероятен.

(133) Да купувам^{НСВ-наст} билетите?

(134) ?Да купува^{НСВ-наст} Ирина билетите?

В русском языке болгарскому примеру (127) соответствует инфинитивный вопрос-предложение с глаголом совершенного вида (135), а примеру (133) – такой же инфинитивный вопрос с имперфективом (136). Отметим при этом, что русские вопросы с инфинитивом и с невыраженным субъектом могут относиться только к говорящему:

(135) Билеты **купить**? (Мне купить билеты?)

(136) Билеты **покупать**? (Мне билеты покупать?)

Если же субъект действия не является участником коммуникации (т.е. не совпадает ни с говорящим, ни со слушающим, и глагол стоит в 3 лице), как в примере (128), то *да*-вопросам, выражающим предположение, что некое действие может быть совершено в сочетании с предложением о его совершении, будут соответствовать несобственно-вопросительные предложения с вводным словом ‘может’, как (137).⁵²

⁵² В зависимости от интонационного рисунка предложение может касаться не только самого действия, как в примере (145), но и его субъекта: *Может, Ирине **купить** (нам) билеты? Она ведь недалеко от кинотеатра живет.*

(137) Может, Ирине **купить** (нам) билеты? Выкроим как-нибудь время, чтобы сходить?

Собственно вопросам с глаголом в третьем лице, как (132) и (134), в русском языке будут соответствовать инфинитивные вопросы с глаголом совершенного (138) и несовершенного (139) вида.

(138) Ирине **купить** (нам) билеты? Или мы сами себе купим?

(139) **Покупать** Ирине (нам) билеты? Или лучше не надо?

Семантика инфинитива несовершенного вида в (136) и (139) приближается к нейтральному употреблению глаголов несовершенного вида, функцией которого является простое название действия (Рассудова 1981: 63), что, со своей стороны, соответствует такой коммуникативной задаче говорящего, как выяснение возможности (или необходимости) приступить к выполнению заранее названного действия.⁵³

Таким образом, можно заключить, что в *да*-вопросах имперфективы в форме первого или третьего лица без вопросительной частицы *ли* могут называть конкретное единичное действие. Его можно назвать общефактическим в том смысле, что говорящим оно мыслится как факт, который при определенных условиях может быть реализован. Иными словами, в *да*-вопросах в болгарском необходимость совершения действия, его обычный (возможно, запланированный) характер и ожидаемость делают возможным использование имперфективных *да*-форм в значении, близком к общефактическому с

⁵³ Ср. также утверждение О.П. Рассудовой о том, что оттенок приступа к действию «появляется именно у глаголов несовершенного вида, поскольку он сосредотачивает внимание говорящего больше на самом действии и противоречит представлению о целостности действия» (Рассудова 1981: 57).

оттенком значения ‘приступ к действию’. Не отличается от логики выбора в болгарском также и использование несовершенного инфинитива в русском.⁵⁴ Именно поэтому и возникает феномен конкуренции видов, и в одних и тех же контекстах возможны глаголы обоих видов.

3.2. Да-конструкции с глаголом в форме перфекта

В примере с несовершенным перфектом в да-конструкции (140) речь идет о возможном конкретном (единичном) действии, о котором говорящий предполагает, что оно могло быть совершено собеседником:

(140) – Да си правила^{НСВ-перф} (вчера) баница?

Сформулированный таким образом вопрос реализуется в модальности предположения в отличие от обычных вопросов с несовершенным аористом (напомним, что аорист в да-вопросах не появляется). При этом говорящий имплицитно пытается выяснить причины последствий произведенного действия (возможно негативных – например, наличие грязной посуды), т.е. в вопросе содержится и скрытое предположение, что действие было совершено. Поставленный в такой форме вопрос, кроме ответа *да / нет*, может вызвать и встречный вопрос: *Да, защо?* ‘да, а что?’ / *Не, защо?* ‘нет, а что?’ – см. (140’):

(140’) – Да си правила^{НСВ-перф} (вчера) баница?
– Да, защо? / Не, защо?

Интерпретация действия в (140) как возможного факта в прошлом связана еще и с тем, что в соответствующем вопросе без *да* (141) используется несовершенный аорист, передающий

⁵⁴ Ср. в этой связи также замечание О.П. Рассудовой о том, что действие, «называемое инфинитивом, может предполагаться уже самой ситуацией, и тогда мы тоже встречаемся с употреблением НСВ» (Рассудова 1981: 61).

именно конкретную разновидность общефактического значения (обобщенно-фактического значение по Маслову).

(141) **Прави**^{НСВ-аор} **ли** вчера баница?

На русский язык вопросы-предположения типа (140) переводятся при помощи вопроса с отрицанием и глагола НСВ в прошедшем времени в общефактическом (конкретном) значении – ср. (142):

(142) Ты вчера пирог **не пекла**^{НСВ}? (Да, а что? / Нет, а что?)

Прямые вопросы, как (141), не обязательно переводятся с отрицанием, ср. (143):

(143) Ты **пекла**^{НСВ} вчера пирог (как собиралась)?

Следующие примеры (144) – (147), взятые из параллельного русско-болгарского подкорпуса НКРЯ, также показывают, что и в *да*-вопросе без *ли*, а и в собственно вопросе с *ли* несовершенный перфект может иметь общефактическую интерпретацию:

(144) а. – Ах, да... Ритка мою машину случайно **не брала**^{НСВ?}

б. – Аха, да... Рита случайно **да е вземала**^{НСВ-перф} моята кола? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

(145) а. – Ты **брала**^{НСВ} мою машину? – На кой черт она мне? – в сердцах ответила Ритка.

б. – **Вземала**^{НСВ-перф} **ли си** колата ми? – За какъв дявол ми е колата ти? – ядосано отвърна Рита (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

(146) а. – А ты случаем девочку чекистам **не показывал**^{НСВ?}

б. – А случайно **да си показвал**^{НСВ-перф} момичето на чекистите? (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

(147) а. – **Заходил**^{НСВ} кто-нибудь? – Гуталин заходил, – сказала Гута, чуточку помедлив.

б. – **Да е идвал**^{НСВ-перф} някой? – Гуталин идва – каза Гута след кратко колебание. (НКРЯ, русско-болгарский параллельный корпус)

Таким образом, мы видим, что некоторые вопросительные *да*-конструкции с презенсом глагола, а также *да*-вопросы с перфектом могут выражать общефактическое значение в его конкретной (конкретно-референтной, или в иной терминологии, единично-фактической) разновидности.

Особая прагматическая нагруженность характерна и для вопросительных *да*-конструкций с глаголами совершенного вида. Так например, в (148), в зависимости от интонации, может выражаться (а) надежда на то, что было совершено незапланированное действие (и был достигнут желаемый или, по крайней мере, положительно оцениваемый результат), и в этом случае можно говорить о конкуренции с несовершенным видом, или (б) упрек за недостижение результата (по сути этот вопрос может быть риторическим, а не чистым вопросом о том, было ли совершено действие или нет).

(148) **Да си направила**^{СВ-перф} баница вчера?

Болгарской конструкции (148) в зависимости от интонационного оформления и иллокутивной силы в русском языке соответствуют (149), если это собственно вопрос, или (150), если это упрек:

(149) Ты пирог вчера (**не**) **испекла**^{СВ?}

(150) Ты (разве) вчера **испекла**^{CB-перф} пирог? [Разве это был пирог?].

Что касается общефактического экзистенциального значения несовершенного перфекта, то и вопросы с *да* (151), и вопросы без *да* (152), как и русское соответствие (153), передают его без ограничений:

(151) **Да си правила**^{НСВ-перф} някога баница?

(152) **Правила**^{НСВ-перф} ли **си** някога баница?

(153) Ты когда-нибудь пирог с брынзой **делала**^{НСВ?}

Ср. также примеры (154) – (156) из параллельного русско-болгарского корпуса, в которых нереперентный характер действия в риторических вопросах делает возможным их перевод (вне зависимости от вида исходного предиката) при помощи несовершенного перфекта, выражающего экзистенциальную разновидность общефактического значения.

(154) а. Сразу сказал: Зачем полезли на телевидение? Кто вас **просил**^{НСВ?} Сидели бы себе тихо.

б. И веднага добави: Защо отидохте в телевизията? **Да** ви **е молил**^{НСВ-перф} някой? **Да** си бяхте кротували (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(155) Но **видели**^{НСВ} ли вы когда-либо кого-нибудь на балу без галстуха? – Но **да сте виждали**^{НСВ-перф} някого на бал без папийонка? (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(156) А кто меня **спросил**^{CB?} – А някой **да** ме **е питал**^{НСВ-перф?} (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

Итак, несовершенный перфект в повествовательных высказываниях, в общих и частных вопросах без *да* выражает общефактическое экзистенциальное значение, в то время как общефактическое конкретное (обобщенно-фактическое по Маслову) передается при помощи несовершенного аориста. Что же касается вопросов с частицей *да*, то ситуация несколько иная. Несовершенный аорист в *да*-конструкциях не используется вообще, а совершенный аорист используется только в вопросах с отрицанием: *Ты да не заспа? Ты да не се удари?* Невозможность использования в *да*-конструкциях несовершенного аориста обычно объясняется тем, что нефактивность высказывания несовместима с семантикой свидетельского времени (Ницолова 2007b, 2008: 427).⁵⁵ Уместность же в *да*-вопросах как раз формы перфекта можно объяснить тем, что она используется не в своем основном (перфектном) значении, а в значении конклюдива, поскольку выражает предположение говорящего, основанное на некоем логическом умозаключении. В результате, несовершенный перфект в *да*-вопросах может переводить обычный вопрос с несовершенным аористом в модальность предположения, т.е. такие вопросы представляют собой регулярную замену несовершенного аориста. Если же *да*-вопрос соответствует обычному вопросу с перфектом, то в обоих случаях реализуется экзистенциальная разновидность общефактического значения несовершенного перфекта.

Проведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы. В *да*-вопросах без вопросительной частицы *ли* с глаголом несовершенного вида в форме второго лица настоящего времени не возникает феномена конкуренции видов, так как совершенный вид, хотя он и возможен, используется в иллокутивных актах предложения об альтернативном действии (с расширением грамматической конструкции за счет частицы *а*) или просьбы.

⁵⁵ Однако в скобках заметим, что вполне возможен отрицательный вопрос с имперфектом: *Ты да не спеше?* [букв. 'Ты что, спал?', но функционально: 'Я тебя не разбудил?'].

В *да*-вопросах с предикатом в форме первого или третьего лица в презенсе возможны оба вида глагола, т.е. реализуется общефактическое значение несовершенного вида, называющего конкретное единичное действие, мыслимое как факт. Возникает феномен конкуренции видов, и в одном и том же контексте могут употребляться парные глаголы обоих видов (правда, с минимальными прагматическими нюансами). Такие конструкции полностью синонимичны вопросам с *да* и *ли* одновременно. В русском вопросительным *да*-конструкциям с предикатом в форме первого или третьего лица соответствуют вопросы с инфинитивом глаголов как совершенного, так и несовершенного вида и с субъектом в дативе (если агенсом не является сам говорящий). В обоих языках в таких вопросах реализуется общефактическое значение НСВ, называющее конкретный факт однократного действия с оттенком значения 'приступ к действию' в конструкциях предстоящего действия.

Если же вопрос касается плана прошедшего, то формы перфекта могут выражать общефактическое конкретно-референтное и общефактическое экзистенциальное. В первом случае семантика *да*-конструкции предположения соответствует несовершенному аористу в вопросах без *да*, т.е. берет на себя функции аориста в несвидетельской конструкции. В русском языке таким конструкциям соответствует обычный вопрос с глаголом несовершенного вида в конкретно-референтной разновидности общефактического значения. При этом действия, выраженные прошедшим временем имперфектива в русском и перфектными *да*-конструкциями с глаголами несовершенного вида в болгарском, можно интерпретировать как однократные и результативные. Имеет место таким образом конкуренция с совершенным видом.

Что касается вопросов с *да*-формами в перфекте, соответствующих обычному вопросу с несовершенным перфектом, и их русских соответствий, то можно сказать, что в обоих языках глагольные формы относятся к экзистенциальному подвиду общефактического значения и конкуренции с совершенным видом не возникает.

Глава 3. Роль видо-временных форм глагола в реализации коммуникативной направленности высказывания

1. Вид и время глагола в перформативных высказываниях

Предметом анализа в настоящем разделе будет вид и время глагола в перформативных высказываниях в болгарском языке в сопоставлении с русским. В многочисленных исследованиях перформативных высказываний рассматривались прежде всего возможности использовать, помимо глаголов несовершенного вида в настоящем времени, также формы совершенного презенса, которые в большинстве славянских языков имеют значение будущего времени. Перформативам в славянских языках посвящены работы Dickey 2000, 2015b, Fortuin 2019, Войводич 2003, 2010, Вимер 2014, Žagar 2011. Во всех указанных работах отмечается тот факт, что в славянских языках в перформативной функции наряду с имперфективами могут употребляться и перфективы, хотя специально подчеркивается неодинаковая частотность глаголов двух видов в перформативной функции в различных славянских языках (Вимер 1998). Так, например, практически во всех славянских языках преобладает несовершенное настоящее перформативов (Dickey 2000: 177-178),⁵⁶ исключение чаще всего составляют *verba dicendi*. Детальный анализ развития и конкуренции совершенных и несовершенных перформативов в словенском языке представлен в Žagar 2011, где в отношении некоторых типов

⁵⁶ При этом, совершенный презенс может появляться и в других контекстах – о настоящем историческом в чешском см. Stunová 1993, Петрухина 2000.

перформативов (например, имеющих значение ‘приказывать’ и ‘заявлять’) утверждается, что иногда важнее подчеркнуть само действие, которое человек совершает (и поэтому используется несовершенный вид), чем просто указать совершенной формой глагола на то, что рассматриваемый акт действительно был успешно завершен.

Вопрос о выборе видо-временной формы перформативов в русском языке ставился в работах Апресян 1995а [1986], Бондарко 1990, Гловинская 1993 и 2001, Падучева 1994. Во всех этих работах указывается, что в перформативных высказываниях с глаголами несовершенного вида в настоящем времени создается эффект совершения действия с возникновением нового положения вещей: *назначаю на должность, осуждаю, обвиняю*.⁵⁷ Таким образом перформативное высказывание с имперфективом в настоящем времени приобретает результативное значение, а сам предикат приближается по своей аспектуальной семантике к глаголам совершенного вида (Апресян 1995а [1986]: 206), в частности, к моментальным (Апресян 1995б [1988]: 239-241).⁵⁸ Схожую мысль высказывал также Б. Комри, утверждая, что перформативные глаголы в настоящем времени “can be conceptualized as momentaneous, especially in so far as the time occupied by the report is exactly the same as the time occupied by the act” (Comrie 1985: 37). Таким образом, в некоторых случаях появляется возможность замены несовершенного вида в настоящем времени (*прошу, советую*) на совершенный презенс (*попрошу, посоветую*). Тем не менее, замена глаголов несовершенного вида на их коррелят совершен-

⁵⁷ В работе Krékits 1998, посвященной перформативам предписания в библейских текстах, автор говорит о перформативном актуальном настоящем или о «закрытом» настоящем, которым передается значение актуального факта или «возникновение новой ситуации» (247).

⁵⁸ Видо-временное значение перформативных высказываний в русском языке рассматривается Ю.Д. Апресяном как точечное и процессуальное одновременно, так как, несмотря на результативное, событийное значение глагола, его произнесение характеризуется, хотя и минимальной, но длительностью, или «растянутостью во времени» (Апресян 1995а [1986]: 216).

ного вида в перформативных высказываниях не всегда возможна. Различительная функция глагольного вида в перформативных высказываниях в русском языке, например, анализируется в Гловинская 2001, где подчеркивается, что члены одной видовой пары могут относиться к различным речевым актам: *прошу* обозначает просьбу, а *попрошу* – требование (277).

Анализ перформативов в болгарском языке основывается на учете всей комплексной видо-временной системы болгарского глагола. Сложное взаимодействие грамматических значений вида и времени, с одной стороны, и собственной лексической семантики глагола – с другой, не может не вести к возникновению дополнительных нюансов и прагматических эффектов. Более того, чем больше лексических и грамматических смыслов взаимодействует в высказывании, тем больше вероятности возникновения разного рода специфических, в том числе прагматических употреблений и значений.

Среди работ, посвященных речевым актам в болгарском языке, можно отметить прежде всего работу Ницолова 1984, в которой рассматривается феномен конкуренции видов в высказываниях, имеющих различный коммуникативный статус, в том числе и в некоторых перформативных. Используя обширный языковой материал и основываясь прежде всего на работах Austin 1962 и Searle 1969, Р. Ницолова анализирует речевые действия в болгарском языке с точки зрения прагматических функций времени и вида: «Прагматични моменти при употребата на вида се появяват там, където говорещият може да избере всяка от двете субективни проекции на действието» (1984: 84). Эта мысль позволяет объяснить некоторые случаи конкурентного употребления совершенного и несовершенного вида в перформативных высказываниях в болгарском языке. Впоследствии речевые действия рассматривались с грамматической, социолингвистической и лексикографической точек зрения в работах Пантелеева 1994, Иванова, Ницолова 1995, Георгиев 1998, Куртева 1998, Димитрова 2009, Жерева 2011. Хотя вопросы выбора и функций вида глагола в перформатив-

ном высказывании в этих работах не были объектом специального внимания, в них отмечалось, что глагол обязательно стоит в настоящем времени: «Изказванията-действия изискват глаголите да бъдат задължително в сегашно време» (Иванова, Ницолова 1995: 93, разрядка наша – С.С.).⁵⁹ Тем не менее, в работах всех перечисленных авторов приводятся примеры с перформативными глаголами совершенного вида в будущем времени. Ср. следующие примеры:

(1) **Ще** те **помоля**^{СВ-буд} да ми дадеш тази книга за малко (Ницолова 1984:128)

(2) **Ще** те **помоля**^{СВ-буд} да ми помогнеш при пренасянето (Пантелеева 1994: 94)

(3) **Ще кажа**^{СВ-буд}, че това е направо хулиганство (Димитрова 1999: 117)

(4) Добър ден доцент Драганов. Зная, че сте много зает, но все пак **ще попитам**^{СВ-буд} дали ще можете да ми отделите няколко минути (Димитрова 1999: 70)

Перформативам в болгарском языке посвящена также докторская диссертация на тему «Перформативи и перформативни изказвания в съвременния български език» Марии Жеревой. В работе достаточно полно описаны и классифицированы болгарские перформативы, предлагается четкая классификация и анализ перформативных высказываний в болгарском языке, а также анализ их специфических функций в различных коммуникативных ситуациях. Тем не менее, в работе не ставится вопрос о причинах разнообразия видо-временных форм, очевидно, что прагматические функции времени и аспекта перформативов в эксплицитных перформативных высказываниях не являлись специфическим объектом анализа автора,

⁵⁹ См. также Димитрова 2009: 57, Вимер 2014.

хотя в отношении характеристик времени и аспекта перформативных глаголов утверждается: «В български език експлицитните перформативни изказвания се предават с форми на сегашно време, несвършен вид, по-рядко с форми от свършен вид при да-конструкция на глагола моля/помоля, който изразява намерението на говорещия да окаже въздействие върху адресата» (Жерева 2011: 29). Поэтому остается открытым вопрос об использовании других видо-временных форм. Тщательное исследование использования перформативов в болгарском показывает, что сложность ситуации в том, что необходимо учитывать и время глагола (которое может быть не только настоящим, но и будущим), и вид глагола (который в будущем времени может быть как совершенным, так и несовершенным).

В первую очередь, подчеркнем тот факт, что в болгарских перформативных высказываниях широко используется форма несовершенного настоящего, как в (5) – (8), в то время как перфективный презенс в качестве носителя иллокутивного признака не используется.

(5) **Каня**^{НСВ-наст} те да дойдеш у нас (БНК)

(6) **Напомям**^{НСВ-наст} ви, че като гражданин на Съедините щати аз съм неприкосновен (БНК)

(7) Тидомин, **помилвам**^{ДВ-наст} те и ти **оставям**^{НСВ-наст} живота (БНК)

(8) **Казвам**^{НСВ-наст} ти, нищо добро няма да излезе от това (БНК)

В русском языке таким примерам соответствуют высказывания с глаголами несовершенного вида в настоящем времени (9) – (11). Приведем несколько примеров:

(9) Я **приглашаю**^{НСВ-наст} тебя на обед сегодня к восьми часам вечера в Абу-Даби. (НКРЯ)

(10) **Напоминаю**^{НСВ-наст}, что я как гражданин Соединенных Штатов неприкосновен. (НКРЯ)

(11) Он обещал обязательно взять с собой, я правду **говорю**^{НСВ-наст}! (НКРЯ)

Случаи, когда мы можем использовать перфективный перформативный глагол в будущем времени в болгарском языке, касаются аналитического будущего времени (образуемого при помощи частицы *ще*), но не перфективного презенса (который не имеет значения будущего времени). В (12) – (14) представлены некоторые примеры использования совершенного вида в будущем времени в болгарском языке:

(12) – И разбира се, за тази услуга **ще настоя**^{СВ-буд} да приемете малък подарък... може би петстотин долара.

– Готово. Ще му се обадя в службата да проверят дали още е там (БНК)

(13) **Ще** те **посъветвам**^{СВ-буд} само да казваш онова, което имаш да кажеш, високо и ясно (БНК)

(14) И все пак **ще** Ви **пожелая**^{СВ-буд} признание от тези, на които сте посветили живота си – болните хора, които Вие и “Лечител” спасявате и връщате към живота (БНК)

В работах о функционировании перформативных глаголов в русском языке тоже подчеркивается возможность использования формы совершенного презенса, как в (15) и (16):

(15) **Напомню**^{СВ-буд}, что в определённый момент выборы губернаторов были отменены. (НКРЯ)

(16) Ох, **скажу**^{СВ-буд} тебе правду: много того Богдана люди проклинали. (НКРЯ)

Итак, наблюдается довольно регулярное распределение видов в перформативных высказываниях в болгарском языке: в настоящем мы всегда находим глагол несовершенного вида, в будущем времени может употребляться и совершенный вид. Картина на первый взгляд похожа на ситуацию в русском языке, где также используются глаголы несовершенного вида в настоящем времени и глаголы совершенного вида в будущем. (иными словами, основной оппозицией является *несовершенный* : *совершенный* презенс). Тем не менее, ситуация в болгарском языке отличается от русского языка,⁶⁰ поскольку в болгарских перформативных высказываниях возможны также формы несовершенного вида в будущем времени – см. примеры (17) и (18).

(17) **Ще** те **моля**^{НСВ-буд} да оставиш старите си навици. Не е толкова мъчно (БНК)

‘**Прошу** тебя [букв. **буду просить**] забыть о своих старых привычках. Это не так трудно’

(18) Не разбирам много от компютри, но **ще** те **съветвам**^{НСВ-буд} да го почистиш или да смениш Термопастата.⁶¹

‘Я не сильно разбираюсь в компьютерах, но **советую** [букв. **буду советовать**] почистить его или заменить термопасту’

В связи с вопросом о выборе вида глагола в перформативных высказываниях целесообразно подчеркнуть, что принадлежность многих из перформативных глаголов к семантиче-

⁶⁰ Напомним, что в болгарском языке глаголы обоих видов образуют аналитическое будущее время при помощи одного и того же механизма, т.е. путем прибавления грамматикализованной частицы *ще* к любому глаголу в форме настоящего времени (Грамматика 1998: 163). Происхождение грамматикализованной частицы *ще* восходит к сокращенной форме старославянского глагола *хотѣти* (Харалампиев 2001:147). См. также сноску 41 во Второй главе.

⁶¹ <https://forum.voodooheadstv.com/t/overwatch-ark/4034> – последнее обращение 26.09.2020.

скому классу *событий*⁶² обуславливает тот факт, что использование обоих видов в перформативных контекстах предполагает стирание именно количественных различий, но не затрагивает сам способ осуществления действия (т.е. глагол остается событийным). Рассмотрим несколько примеров с перформативными глаголами в неперформативном употреблении. Поскольку нужны контексты с одним различительным признаком, представляющие оппозицию *совершенный : несовершенный* вид, не осложненную оппозицией *аорист : имперфект* (для болгарского языка), мы будем рассматривать контексты будущего времени (19) – (20):

(19) а. Тук авторът **ще препоръчва**^{НСВ-буд} интересни книги и филми.

б. ЕК **ще препоръча**^{СВ-буд} отмяната на визите за Албания и Босна.

(20) а. Латвия **ще кани**^{НСВ-буд} строители от чужбина, местните избягали.

б. Първанов **ще покани**^{СВ-буд} авторите на писмото, които искат референдум.

В примере (19а) говорящий указывает на то место, где регулярно будут публиковаться различные литературные и кино-рекомендации, а в примере (20а) подчеркивается, что действие *каня* ‘приглашать’ распространяется на всю территорию Латвии, касается многих иностранных строителей и, возможно, будет растянуто во времени. Оба предиката (*ще препоръчва* и *ще кани*) называют неопределенно-кратные события, их итера-

⁶² По своим лексико-семантическим характеристикам перформативы (как и моментальные глаголы, пунктивы) относятся к вендлеровскому классу достижений (*achievements*), что видно также из неперформативного употребления тех же глаголов. Как уже было сказано, такие глаголы образуют такие видовые пары, в которых оба коррелята называют событие (глагол совершенного вида называет однократное событие, в то время как имперфектив – неопределенное число событий).

тивная семантика поддерживается нереферентным характером второго аргумента (*книги и филми, строители*). Действия в примерах (19б) и (20б) являются конкретными и однократными, а аргументы предикатов *ще препоръча* и *ще покани* – референтными и определенными (*отмяната на визите; авторите на писмото*).

Такие глаголы, как *препоръчвам, каня*, а также *моля, съветвам, предупреждавам, разрешавам, отказвам, изисквам, забранявам* в настоящем времени не имеют актуально-длительного значения и не выражают действие в процессе его реализации (21), но могут использоваться в контекстах настоящего исторического (примеры (22) и (23)):

(21) Какво правиш в момента? – ^{НСВ-наст} **Забранявам / разрешавам** на сина си да излиза.

(22) Преди години, когато предстоеше посещение на нашия цар и министър-председател в Белград, един от звенарите се среща с Царя и го ^{НСВ-наст} **предупреждава**, че народът счита тях отговорни за убийствата, които подлудели лица от македонците вършат и пред двореца (БНК)

(23) След два дни шефът му ^{НСВ-наст} **напомня** уговорката, но безрезултатно (БНК)

Выделенные глаголы несовершенного вида в (22) и (23) принадлежат к классу *acheivement* и входят в видовые пары, в которых оба коррелята называют событие – однократное или неопределенной кратности. Использование таких видовых пар в перформативных контекстах приводит к нейтрализации оппозиции по кратности, в результате чего имперфектив называет однократное событие, совпадающее с моментом речи. Такое употребление приводит, с одной стороны, к аннулированию видовых различий (Апресян 1995а [1986]: 208), а с другой – переносит отличия перформативных высказываний с глаголами СВ (*попрошу, посоветую*) от таких же высказываний, но с

перформативами НСВ (*прошу, советую*) в область прагматики (Апресян 1995а [1986]: 208-209). Э. Кошмидер назвал это явление коинцидентностью: «Под коинцидентностью я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие» (Кошмидер 1962: 163, разрядка автора). Анализируя феномен коинцидентности в польском языке и пытаюсь найти грамматическое объяснение смысловому различию между видами в коинцидентных высказываниях, автор подчеркивал, что настоящее время перформативов не выражает процесс, а форма будущего времени глаголов говорения (*verba dicendi*) не называет будущее действие в собственном смысле слова, а скорее всего приобретает модальный оттенок (Кошмидер 1962: 163-165).

Как уже было сказано, и в отношении болгарского языка можно отметить возможность употребления аналитического будущего времени глаголов совершенного вида, хотя, так же как и в русском, преобладают имперфективы в настоящем времени. Кроме формы будущего времени глаголов совершенного вида в болгарском языке в некоторых перформативных высказываниях может употребляться и форма будущего времени глаголов несовершенного вида.

Таким образом, в болгарском языке для некоторых перформативов становится возможной комбинация из трех форм: имперфектив в настоящем времени, глагол совершенного вида в будущем времени и глагол несовершенного вида в будущем времени. В русском языке этим трем формам соответствуют две: глагол несовершенного вида в настоящем времени и глагол совершенного вида в будущем времени (совершенный презент).

2. Перформативы в теории речевых актов

Перформативные высказывания подробно изучались в рамках Теории речевых актов Дж. Остином, который предложил классификацию перформативов с точки зрения типа иллокуции (Austin 1962, 1986 [1973]). Вердиктивы по Остину предполагают оценку или мнение лица, обладающего официальным статусом. При этом собеседник может с такой оценкой или мнением не соглашаться, поскольку «само решение может быть правильным или неправильным, верным или неверным, оправданным или неоправданным с точки зрения реальных обстоятельств» (1986 [1973]: 121), но он обязан принять его во внимание. Экзерситивы также предполагают выражение воли говорящего, который может *назначать, приказывать, предписывать*, если обладает для этого нужным социальным положением. Если же говорящий не обладает нужным официальным статусом, то он может *предостерегать* или *советовать*. Комиссивы связаны скорее с личным пространством и планами говорящего, который может *обещать, планировать, намереваться, поддерживать*, принимая на себя обязательство следовать собственным решениям или намерениям. Социальное поведение говорящего проявляется в использовании бехабитивов, которые, как правило, связаны с формальными, этикетными нормами определенного языка – это поздравления, извинения, благодарности. Тем не менее, при выражении отношения говорящего к чьему-либо поведению могут возникать коммуникативные неудачи, а также создаваться «еще дополнительные условия для неискренности» (там же: 126). Разного рода разъяснения, аргументирование и приведение оснований в процессе диалогического общения (т.е. такие перформативы, как *замечаю, подтверждаю, допускаю, свидетельствую*) объединяются в класс экспозитивов.

Теория Остина и изучение иллокутивных актов получила развитие у Дж. Серля (Searle 1965, 1969, 1975, 1976), в работах которого выделенные Остином типы речевых актов были частично перераспределены, поскольку Серлем подчеркивалась

как «внутренняя разнородность постулируемых классов глаголов», так и факт «чрезмерного пересечения категорий» (1986 [1976]: 179). В структуре иллокутивного акта Серль различает две стороны: суждение (или пропозицию) и показатель иллокутивной функции, а также особо подчеркивает тот факт, что реализация «иллокутивного акта относится к тем формам поведения, которые регулируются конститутивными правилами» (1986 [1965]: 152). Именно показатели иллокутивной функции позволяют нам понять «как надо воспринимать данное суждение, или, иными словами, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание, то есть какой иллокутивный акт совершает говорящий, произнося данное предложение» (1986 [1965]: 157). На основе типов показателей иллокутивной силы, отражающих коммуникативное намерение говорящего, Серль в своей работе Searle 1976 предлагает альтернативную классификацию речевых актов, обладающую большей гомогенностью внутри каждого отдельного класса. Репрезентативы (*утверждаю, что; заключаю, что*) отличаются прежде всего чувствительностью к истинности суждения (Серль 1986 [1976]: 181) и нацелены на сообщение и утверждение, а также на выражение согласия или несогласия. Общим для всех директивов является наличие попыток «со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» (или не совершил). К глаголам, обеспечивающим формулирование таких высказываний, относятся такие перформативы, как *прошу, приказываю, советую, приглашаю, позволяю, запрещаю*. Группа комиссивов по классификации Серля практически совпадает с комиссивами Остина (*обещаю, предлагаю*): «это те иллокутивные акты, цель которых – в том, чтобы возложить на говорящего обязательство [...] совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» (1986 [1976]: 182). Иллокутивная цель экспрессивов (*поздравляю, извиняюсь, благодарю, сочувствую, сожалею, приветствую*) «в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей определенного в рамках пропозиционального содержания»

(1986 [1976]: 183), этот класс соответствует классу бехабитивов по Остину и составляющие его глаголы его можно задать списком. Класс декларативов (*проклинаю, назначаю. увольняю, объявляю войну*) вписывается в определенную, ограниченную строгими параметрами ситуацию, в заданный социальный сценарий. Они имеют смысл, если социальная роль говорящего соответствует содержанию перформативного высказывания и не входит в противоречие с содержанием иллокутивного акта и с его иллокутивной функцией.

Среди прочих Дж. Серль выделял в отдельный класс *директивы*, определяя их следующим образом: «Иллокутивная направленность их состоит в том, что они представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» (1986 [1976]: 182). Основными среди них являются приказания, требования, просьбы, запреты и разрешения. Прагматическая составляющая исследовалась также в работах Г. П. Грайса и Дж. Лича, в которых рассматривались, принципы сотрудничества в общении (Grice 1975) и социальные и языковые конвенции, максимы вежливости (Leech 1983). Как мы увидим далее, плодотворной для нашего анализа является и теория языковой вежливости (Brown, Levinson 1987), так как именно стратегии языковой вежливости, негативной и позитивной, могут определять выбор той или иной видо-временной формы.

В отношении речевых актов с перформативными глаголами Э. Бенвенист вводит понятие аутореферентности, означающее, что референтом перформативного высказывания является тот отрезок действительности, который оно само создает: «Cela conduit à reconnaître au performatif une propriété singulière, celle d'être *sui-référentiel*, de se référer à une réalité qu'il constitue lui-même, du fait qu'il est effectivement énoncé dans des conditions qui le font acte» (Benveniste 1966: 273-274). И далее: «De là vient qu'il est à la fois manifestation linguistique, puisqu'il doit être prononcé, et fait de réalité, en tant qu'accomplissement d'acte» (Benveniste 1966: 274). Иными словами, в тот отрезок времени, в котором высказывание произ-

носится, оно совпадает с действием. Среди необходимых условий существования перформативного акта Бенвенист называет правомочность лица, произносящего высказывание: «Un énoncé performatif qui n'est pas act n'existe pas. Il n'a d'existence que comme acte d'autorité» (273). Тождественность высказывания самому акту действия выразится в том, что «L'énoncé est l'acte; celui qui l prononce accomplit l'acte en lo dénommant Dans cet énoncé, la forme linguistique est soumise à un modèle précis, celui du verbe au présent et à la première personne» (274).

Тем не менее, как уже было отмечено выше, в некоторых иллокутивных актах форма перформативного глагола выходит за рамки традиционной формы первого лица настоящего времени – нередко в иллокутивных высказываниях используются глаголы совершенного вида, имеющие в обычном, непрформативном употреблении значение будущего времени. И если в русском языке используемый глагол совершенного вида имеет форму настоящего времени, то в болгарском языке мы говорим о специализированной форме будущего времени *tout court*. При этом речь может идти о глаголах обоих видов.

Ниже мы рассмотрим прагматическую окраску видо-временных форм в русских и болгарских перформативных высказываниях. Специально для болгарского языка можно отметить, что в зависимости от набора видо-временных форм перформативные глаголы делятся на три группы:

а) перформативы, для которых возможна только одна видо-временная форма (о *настоящее время несовершенного вида*);

б) перформативы, для которых возможны две формы: *настоящее время несовершенного вида* и *аналитическое будущее время совершенного вида*;

в) перформативы, для которых возможны три формы: *настоящее время несовершенного вида*, *аналитическое будущее время совершенного вида* и *аналитическое будущее время несовершенного вида*.

В русском языке будущее время глаголов несовершенного вида в иллокутивных актах не используется, так как его пре-

имущественно итеративная и проспективная семантика (т.е. актуализация начальной стадии действия) ограничивает ситуации его употребления (Падучева 2010б: 17). Именно частное видовое значение проспектива глаголов НСВ в будущем времени препятствует называнию единичного результативного действия в будущем (Падучева 2010б: 18). Тем не менее, не раз отмечалась возможность использования простого будущего времени глаголов совершенного вида в иллокутивных актах.

В связи с этим возникают некоторые вопросы. Первый касается не только роли глагольного вида, но и семантики времени в структуре перформативного высказывания с учетом того, что в одном и том же перформативном высказывании глаголы могут различаться только по виду (как в русском языке) или, как в болгарском, один и тот же глагол несовершенного вида может использоваться как в настоящем, так и в будущем времени (помимо глаголов совершенного вида в будущем времени). Иными словами, какова специфическая функция каждой из этих видо-временных форм?

И второй вопрос: каким образом эти формы связаны с типом иллокутивного акта, т.е. почему в одних иллокутивных актах тот или иной набор форм возможен, а в других – нет? Почему это возможно для одних перформативных глаголов, а для других – нет?

Наша гипотеза состоит в том, что грамматическое оформление иллокутивных актов, направленных на воздействие на собеседника, т.е. предполагающие ответное действие или, в принципе, реакцию собеседника, нельзя рассматривать без учета фактора межличностной дистанции и языковой вежливости. Попробуем ответить на поставленные вопросы, опираясь на работы, посвященные теории вежливости, изложенной в Leech (1983), Brown, Levinson (1987),⁶³ а также межличностной

⁶³ Отметим также, что применение теорий языковой вежливости в работах, посвященных виду глагола в императиве в славянских языках (см., например, Venacchio 2010) позволило дать новое и оригинальное объяснение выбору глагольного вида в побудительных высказываниях.

и социальной дистанции, т.е. выражению семантики солидарности и семантики власти (Brown, Gilman 1972). Будут анализироваться контексты употребления и прагматическая нагруженность трех типов перформативных предикатов в различных видах речевых актов.

В связи с этим, особенно важным при анализе оформления речевых актов является проявление позитивной и негативной вежливости (*negative and positive politeness*) и связанных с ними стратегий поведения (Brown, Levinson 1987). Позитивная вежливость связана с естественным стремлением человека, чтобы его воспринимали положительным образом, то есть, чтобы восприятие его личности окружающими (в нашем случае адресатом речевого акта) соответствовало его собственной оценке самого себя, а негативная – с необходимостью сохранения собственного личного пространства и уважением к пространству собеседника.⁶⁴ Любое действие, навязываемое адресату помимо его воли и не соответствующее его желаниям, нарушает его личное пространство, т.е. угрожает его негативному лицу. С этой точки зрения для некоторых *директивов*, в частности, для просьб и советов, особенно важной является негативная вежливость.

Кроме того, нам представляется, что нельзя игнорировать тот факт, что *директивы* напрямую связаны и с представлением о межличностной и социальной дистанции, т.е. с выражением семантики солидарности и семантики власти (см. об этом Brown, Gilman 1972). В нашем случае, при выражении просьбы, мы рассматриваем ситуации симметрических отношений, т.е. горизонтальную дистанцию между собеседниками, отражающую семантику солидарности.⁶⁵ Большая дистанция (т.е.

⁶⁴ Ср. определения, данные негативному и позитивному лицу в Brown, Levinson 1987: в первом случае утверждается “the basic claim to territories, personal preserves, right to non-distinction – i.e. to freedom of action and freedom from imposition”, а во втором – “the positive consistent self-image of ‘personality’ (crucially including the desire that this self-image be appreciated and approved of) claimed by interactants” (61).

⁶⁵ Эксплицитное выражение возможных солидарных отношений установи-

минимальная солидарность) наблюдается при формальных (258) и уважительных отношениях (на *Вы*), в то время как малая горизонтальная дистанция (и, соответственно, максимальная солидарность) предполагает близкие и дружелюбные отношения (258).

В работе Brown, Gilman 1972 анализируется также – и это особенно важно для нашей работы – окказиональное, временное нарушение существующей ‘дистанции’, т.е. нормы в обращении на *ты* и на *Вы*. (277). Это означает, что говорящий на время воспринимает собеседника как близкого (‘своего’) или как чужого, т.е. переходит, соответственно, на *ты* и на *Вы*. Р. Браун и А. Гилман рассматривают такой переход как смену настроения, в результате чего собеседник включается в сферу близких отношений или исключается из нее. Мы покажем, что сходным образом действует выбор вида и времени перформативного глагола: замена имперфективов на перфективы и настоящего времени на будущее и наоборот в некоторых ситуациях становится средством приближения или отдаления адресата иллокутивного акта.

лось в западноевропейских странах в XIX веке (Brown, Gilman 1972: 260), когда стало использоваться взаимное обращение на *Вы* при минимуме солидарности или ее отсутствии и взаимное *ты* при максимальной солидарности. О межличностных отношениях в болгарском обществе см. Младенова 2011, где было показано, что в традиционный период болгарской культуры (который длился до середины XIX века и частично сохранился сегодня в сельской местности) преобладала позитивная вежливость, в то время как отрицательная вежливость, характерная для современной культуры в городе, проникла в болгарское общество с Запада, и в первую очередь через более крупные города. Вхождение и распространение западных моделей вежливости началось в конце XIX века, в первую очередь, благодаря болгарским эмигрантам. Однако этот процесс, особенно с точки зрения социальной дистанции и межличностной солидарности, не считается завершенным, поскольку система остается гибридной, а солидарность часто является формальной (искусственной, а не искренней) (Паскалев 2011: 76).

3. Вид и время перформативов и связь с категорией вежливости

3.1. Перформативные высказывания, допускающие одну видо-временную форму

В эту группу высказываний, входят речевые действия, которые ориентированы на личность говорящего, так как предполагается, что он обладает некоторыми полномочиями и законным правом навязывать свою волю другим участникам речевого акта. Это может быть связано с личной, социальной или административной позицией говорящего, позволяющей требовать чего-либо, как в примерах (24) – (27), с выполнением определенных должностных функций, как в (28). Как видно из приведенных переводов, в обоих языках используются формы первого лица единственного числа настоящего времени:

(24) а. – **Запрещаю**^{НСВ-наст} это, – категорически ответил Филипп Филиппович.

б. – **Забранявам**^{НСВ-наст} ви! – категорично отговори Филип Филипович (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(25) а. **Посвящаю**^{НСВ-наст} эту повесть всем ее друзьям, кто принял как свое личное это беспризорное дитя литературы и не дал ее автору впасть в отчаяние.

б. **Посвещавам**^{НСВ-наст} тази повест на всички нейни приятели, които приеха като свое това безпризорно дете на литературата и не позволиха на нейния автор да изпадне в отчаяние (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(26) а. – Командам **разрешаю**^{НСВ-наст} увольнение на берег...

б. – **Разрешавам**^{НСВ-наст} на екипажите отпуска на брега... (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(27) а. **Предлагаю**^{НСВ-наст} и **настаиваю**^{НСВ-наст}, за следующую неделю слухи о гибели Стрелецкой довести до высшей точки, а потом Стрелецкую показать.

б. **Предлагам**^{НСВ-наст} и **настоявам**^{НСВ-наст} през следващата седмица слуховете за гибелта на Стрелецкая да се докарат до връхната им точка, а след това Стрелецкая да бъде показана (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(28) а. До прибытия адмирала Скрудлова эскадру Порт-Артура **назначаю**^{НСВ-наст} командовать вас.

б. До пристигането на адмирал Скрудлов ви **назначавам**^{НСВ-наст} да командувате ескадрата на Порт Артур (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

Если рассматривать высказывания (24) – (28) с точки зрения теорий вежливости, то можно признать справедливым утверждение о том, что “politeness is not relevant to declarations because they do not have an addressee in the sense that applies to personal discourse” (Leech 1983: 106). Следовательно, ни вид, ни время перформативного глагола не могут играть здесь какую-то особую роль, поскольку использование специальных перформативных глаголов (в специальных иллокутивных актах) определяется особой ритуальностью, которая предполагает использование разных формул или формулировок (*забранявам / запрещать, разрешавам / разрешать, посвящавам / посвящать, назначавам / назначать, предлагам / предлагать*). Кроме того, отсутствие какой-либо ‘возможности маневра’ у слушающего может определяться именно ролью и социальными функциями говорящего, который может, имеет право разрешать, запрещать и т.п. Таким образом, сохраняется классическая (универсальная) форма выражения перформативов, то есть первое лицо глагола несовершенного вида в настоящем времени.

В таких речевых актах, как директивы, речь может идти о приглашениях (29) или предложениях (30), которые собеседник может принять или отвергнуть. В любом случае говоря-

щим ожидается продолжение диалога (принятие, отказ, благодарность, извинения и т. д.). Так, например, фраза “Каня те на рождения си ден” [Приглашаю тебя на день рождения] означает, что (а) говорящий хочет видеть адресата на своем дне рождения, (б) говорящий считает, что это адресату будет приятно, (в) говорящий сообщает о своем желании адресату; (г) адресат принимает к сведению желание, выраженное говорящим; (д) адресат может решить, принять приглашение или нет.

(29) а. «Обогнем эскадрю этот шарик, прорвемся с боем у Цусимы, и заранее **приглашаю** тебя в ресторан на Светланской»

б. “Ще обиколим с ескадрата това малко кълбо, ще се промъкнем с бой покрай Цушима и предварително те **каня** в ресторанта на «Светланска» (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(30) а. – Теперь, – говорит Барсуков, – я вам **предлагаю** дать показания.

б. “Сега – каза Барсуков – ви **предлагам** да дадете показания” (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

В болгарском языке также может встретиться и настоящее время вторичного имперфектива, как в (31):

(31) Та, говорим си за глупости и те **поканвам** на среща. Погледнах Ричард: – На среща ли ме каниш? – Да, именно. (БНК)

Высказывания (24) – (31) можно проанализировать в ключе принципов вежливости, сформулированных для речевой коммуникации в Leech 1983. В частности, примеры (24) – (28) относятся к коллаборативной (т.е. направленной на сотрудничество) функции иллокутивного акта, который по определению «безразличен к принципу взаимной вежливости» (Leech 1983: 104). Что касается (29) – (31), они представляют собой

пример конвивиальной функции коммуникативного акта, которая предполагает использование любой возможности, чтобы проявить дружелюбие и выразить уважение и близость к собеседнику (Leech 1983: 105). Предполагается, что приглашение и предложенное действие приятны для адресата и, следовательно, вполне подходит нейтральная, базовая форма перформатива. В этом случае выбирается перформативный глагол несовершенного вида. Кроме того, возможность для адресата в (29) – (31) принять или не принять предложение или приглашение, на наш взгляд, является важным элементом в этих речевых актах, поскольку отражает максимальную степень эмпатии говорящего, который предоставляет эту возможность.

3.2. Перформативные высказывания, допускающие две видо-временные формы

Этот тип речевых актов предполагает использование в обоих языках наряду с глаголами несовершенного вида в настоящем времени, как в примерах (32) и (34), также глаголов совершенного вида в будущем времени – см. (33) и (35):

(32) а. Особо **подчеркиваю**^{НСВ-наст}, что Жар-птица находится только в подчинении Центрального Комитета.

б. Специально **подчертавам**^{НСВ-наст}, че Жар-птицата се намира в подчинение единствено на Централния комитет (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(33) а. Еще раз **подчеркну**^{СВ-буд}, что все вышенаписанное непосредственно к Вам никакого отношения не имеет, хотя думаю, что Вам это и так понятно (НКРЯ).

б. **Ще подчертая**^{СВ-буд}, че единното финансиране на болниците подобрява значително възможността за контрол (БНК).

(34) а. **Напоминаю**^{НСВ-наст}, – подал голос Драмба, – что вы намеревались отправиться домой.

б. **Напомям**^{НСВ-наст} ви – сигнализира Драмба, – че вие имайте намерение да вървите към къщи (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(35) а. **Напомню**^{СВ-буд} вам, что лагерь является типично советским учреждением (НКРЯ).

б. – Ако имаш предвид католическата църква, **ще ти напомя**^{СВ-буд}, че аз самият съм католик (БНК).

Несмотря на то, что во всех примерах (32) – (35) речь идет о перформативных высказываниях, в которых речевой акт равен действию, в предложениях с глаголами совершенного вида в будущем времени (33) и (35) действие как бы ‘отдальется’ от фактического момента высказывания. На наш взгляд, здесь речь идет о большей межличностной дистанции, которая как раз и может выводиться из видо-временной формы перформативного глагола. Эта комбинация (несовершенный вид в настоящем + совершенный вид в будущем) довольно регулярна в группе декларативов – таких, как *подчертавам – ще подчертая / подчеркиваю – подчеркну; напомям – ще напомя / напоминаю – напомню; казвам – ще кажа / говоря – скажу; съобщавам – ще съобщя / сообщаю – сообщу; признавам – ще призная / признаю – признаю*, которые предназначены не для того, чтобы ‘принудить к действию’ или ‘заставить сделать’, а для того, чтобы сообщить о чем-нибудь. Форма совершенного вида фокусирует внимание на однократности моментальной ситуации, усиливая таким образом результативную составляющую иллокутивного акта. Такие иллокутивные акты должны быть мало чувствительны к функциям языковой вежливости, поскольку они вводят «чистое», нейтральное мнение говорящего.⁶⁶ Тем не менее, на наш взгляд, выбор совершенного вида перформативного глагола в будущем времени позволяет говорящему сохранить (или увеличить) дистанцию с собесед-

⁶⁶ См. об этом в Leech 1983: “Such illocutions tend to be neutral as regards politeness, *ie* they belong to the *collaborative* category (c) above” (105).

ником, объективируя таким образом содержание высказывания и избегая индивидуальной ответственности за содержание высказывания. Таким образом, сохраняется не только индивидуальное пространство адресата, но и «личная территория» говорящего, его желание представить факты как объективные и истинные (см. примеры (33) и (35)). В каком-то смысле здесь подчеркивается желание говорящего представить адресату содержание сообщения как объективное и достоверное.

В случае использования речевых формул, как в примерах (36) и (37), отражающих акты социального поведения, будущее время глагола совершенного вида также возможно:

(36) а. – **Желаю**^{НСВ-наст} от всей души удачи!

б. – **Желая**^{НСВ-наст} ви от все сърце успех! (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(37) а. Спасибо, товарищ. Теперь **пожелаю**^{СВ-буд} вам всего самого доброго, а главное – мирного неба над головой! (НКРЯ)

б. Не знам и не мога да предвидя. Само **ще** ви **пожелая**^{СВ-буд} да проведете успешни полети и да се завърнете тук с нови знания и умения (БНК)

В примере (37), если учитывать ‘положительную’ семантику самого глагола (*желая – пожелая / желать – пожелать*), можно также говорить о готовности или стремлении говорящего придать своему пожеланию объективный, официальный характер за счет эффекта ‘формализации’ межличностных отношений и выражая таким образом бóльшую вежливость и уважение к собеседнику. Статус адресата таким образом повышается, и он как бы занимает позицию выше той, которую он обычно занимает в межличностных отношениях с говорящим.

3.3. Перформативные высказывания, допускающие три видо-временные формы

Болгарский язык отличается от русского (и от других славянских языков) в вопросе использования времени и вида тем, что в некоторых речевых актах могут использоваться глаголы одной видовой пары в трех различных формах: помимо уже рассмотренных несовершенного вида глагола в настоящем времени и совершенного вида в будущем времени, встречается также и несовершенный вид в будущем. Ниже мы покажем, что выбор видо-временной формы можно рассматривать как способ реализации нюансов межличностных отношений, в частности, дистанции между собеседниками.

В примерах (38) – (44) директивный речевой акт в обоих языках выражается перформативным глаголом несовершенного вида в настоящем времени. Поскольку просьба сделать что-либо в интересах другого участника ситуации является проявлением компетитивной иллокутивной функции (Leech 1983: 104-105), то возникает необходимость в средствах смягчения эффекта этого речевого акта. Одним из таких средств является форма несовершенного вида глагола в настоящем времени. Эта форма чаще всего встречается при симметричных межличностных и социальных отношениях и поэтому воспринимается как нейтральная. Как в русском, так и в болгарском языке таких примеров множество.

(38) А накануне вечером он позвонил: – Я **прошу**^{НСВ-наст} тебя приехать (НКРЯ)

(39) Зная Вас, как человека порядочного, обязательного и юридически грамотного, **прошу**^{НСВ-наст} Вас помочь разобраться в запутанном вопросе (НКРЯ)

В примерах из болгарского языка просьба совершить действие также выражена в рамках симметричных отношений: близких и дружеских в высказывании (40) и формальных, бо-

лее дистанцированных в примере (41):

(40) **Моля**^{НСВ-наст} те да дойдеш там. (БНК)

(41) **Моля**^{НСВ-наст} Ви да ми помогнете да я разконспирираме (БНК)

Сказанное подтверждается и примерами из параллельного русско-болгарского корпуса НКРЯ, где перформативный глагол *просить* в перформативном употреблении переводится с помощью болгарского глагола *моля* – см. (42) – (44):

(42) а. «Милый друг Анечка, я проиграл твои последние тридцать рублей и **прошу**^{НСВ-наст} тебя ещё раз спасти меня, в последний раз, – выслать мне ещё тридцать рублей...»

б. Мила Анечка, проиграх последните ти трийсет рубли и те **моля**^{НСВ-наст} още веднъж да ме спасиш, за последен път – изпрати ми още трийсет рубли... (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(43) а. – Возможно, – кивнул Стемман. – Исходя из этой угрозы, я **прошу**^{НСВ-наст} вас, любезный Сергей Николаевич, сверить таблицы девиации магнитных компасов на мостиках крейсера.

б. – Възможно е – кимна Стеман. – Като изхождам от тази заплаха, ви **моля**^{НСВ-наст}, любезни Сергей Николаевич, да проверите таблиците за девиацията на магнитните компаси на мостичите на крайцера (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(44) а. Я **прошу**^{НСВ-наст} вас ознакомиться с последней директивой нашей главной квартиры.

б. **Моля**^{НСВ-наст} ви да се запознаете с последната директива на нашата Главна квартира (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

Анализ примеров (38) – (44) показывает, что говорящий считает, что его собеседник в состоянии выполнить определенное действие и что его отношения с собеседником позволяют ему обратиться к нему с просьбой об этом действии. Несмотря на то, что говорящий допускает, что собеседник может и не выполнить просьбу, т.е. может уклониться от ее выполнения, он уверен в том, что равноправные и солидарные отношения ('*ты-ты*' или '*Вы-Вы*') могут гарантировать также проявление позитивной вежливости. Если же речь идет о симметричных, но формальных отношениях и, следовательно, о большей социальной дистанции между участниками диалога, то важно соблюдение принципов негативной вежливости, и поэтому предпочтительны не прямые, а косвенные речевые акты просьбы, когда «один речевой акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» (Серль 1986 [1975]: 196).⁶⁷

Тем не менее, во всех случаях симметричных и солидарных отношений форма перформативного глагола одна и та же: несовершенный вид глагола в настоящем времени. Межличностная дистанция регулируется симметричным использованием личных местоимений *ты / ти* и *Вы / Вые*. Таким образом, можно сказать, что перформативный глагол несовершенного вида в настоящем времени выражает обычную, вежливую просьбу и оставляет за адресатом право самому решить выполнить ее или нет (т.е. если не предполагает, то допускает возможность отказа). Иными словами, просьба, выраженная в такой форме, при равноправных, симметричных отношениях говорящего и слушающего (адресата просьбы) в обоих языках воспринимается как вежливая, нейтральная и некатегоричная, особенно, если не противоречит желаниям адресата (т.е. со-

⁶⁷ Ср. об этом Серль 1986 [1976], а также Падучева 2016 о возможных способах выражения просьбы в русском языке. Ср. также болгарские косвенные речевые акты, выражающие просьбу: *Бихте ли ми помогнали?* или другие конструкции, содержащие имплицитную просьбу: *Дали ще можете да ми помогнете?*

храняет его лицо).

То же можно сказать и о речевом акте совета, в котором форма несовершенного вида настоящего времени является так же вежливо-нейтральной – см. примеры (45) и (46):

(45) а. А потому, благородный друг мой, **советую**^{НСВ-наст} тебе запастись подругой сердца, и все твои тоскливые ощущения тотчас исчезнут.

б. И затова, благородни ми приятелю, **съветвам**^{НСВ-наст} те да си намериш другарка на сърцето и всички твои тъжни чувства веднага ще изчезнат (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(46) а. У вас талант, и я **советую**^{НСВ-наст} вам не зарывать его в землю.

б. Имате талант и ви **съветвам**^{НСВ-наст} да не го похабявате (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

Директивы, как известно, по определению «угрожают лицу» собеседника, и стратегии вежливости (позитивной и негативной) в них играют важнейшую роль. Ниже мы рассмотрим примеры с директивами совершенного вида в будущем времени,⁶⁸ в основном, на примере высказываний с глаголами просьбы и совета именно с точки зрения степени вежливости (degree of politeness) в различных коммуникативных ситуациях и, в частности, в свете их компетитивной иллокутивной функции (*competitive illocutionary function*). Как мы увидим ниже, глаголы совершенного вида (*попросить* и *помоля, посоветовать* и *посъветвам*) используются, как правило, в тех случаях, когда дистантные социальные отношения предполагают минималь-

⁶⁸ Выше мы анализировали сочетание грамматической формы будущего времени и совершенного вида глагола, характерное прежде всего для декларативов, которое используется, как правило, для того чтобы сообщить о чем-нибудь. При этом указанная видо-временная форма, помимо прочего, «работает» на увеличение межличностной дистанции.

ную солидарность собеседников по теории Р. Брауна и А. Гилмана. Более того, учитывая тот факт, что действия, являющиеся предметом просьбы или совета, могут не входить в планы адресата или, по крайней мере, не соответствовать его внутреннему желанию (и таким образом, угрожать его лицу), мы можем предположить, что адресат, чувствуя повышенную степень категоричности, воспринимает такой речевой акт как требование или даже приказ. Иными словами, иллокутивный акт, выраженный перформативным глаголом совершенного вида в обыденной, повседневной ситуации отличается от официального обращения представителя власти к простому гражданину: «*Попрошу* Вас предъявить документы!», где форма *попрошу* соответствует норме, поскольку она ожидаема: она отражает социальную роль говорящего и сохраняет негативное лицо адресата.

В высказываниях с солидарным *Вы* (т.е. ‘*Вы-Вы*’) совершенный вид глаголов просьбы и совета в будущем времени позволяет развитие различных сценариев.

Прежде всего, надо отметить, что выбор глагола совершенного вида в будущем времени может быть связан с желанием говорящего установить некую дистанцию с адресатом (или увеличить ее), как бы не признавая за ним право самому принять решение о выполнении просьбы (47) или прислушаться к совету (48):

(47) – И **попрошу**^{СВ-буд} вас подождать пять минут, пока я найду для вас какую-нибудь одежду.⁶⁹ (НКРЯ)

(48) – Прекрасно. Достаточно. Благодарю вас. Знаете, госпожа Старобельская, я вам **посоветую**^{СВ-буд} и на будущее время уроков не готовить. Зачем? Когда вы точно по какому-то чутью предугадываете, что именно сказал бы Карамзин, и выражаетесь почти подлинными его словами (НКРЯ)

⁶⁹ В приведенных примерах сохранена авторская орфография. Из расширенного контекста понятно, что говорящий обращается к одному лицу на *Вы*.

В болгарском языке совершенный вид перформативного глагола в будущем времени в обращении на *Вы* к незнакомому или малознакомому собеседнику может быть средством выражения негативной вежливости и способствовать сохранению горизонтальной дистанции и формальности отношений, как в примерах (49) – (51):

(49) **Ще Ви помоля**^{СВ-буд} да дадете за малко повече информация думата на господин Нанков.⁷⁰

(50) Като независим финансов консултант **ще ви посъветвам**^{СВ-буд} и да направите паралелна финансова инвестиция, която да е “защитен буфер” при непредвидени събития.

(51) От черния дроб ми се струва, че може да има сериозни последствия. Но все още е твърде рано Сега **ще ви посъветвам**^{СВ-буд} да се приберете в къщи и да си починете.

В этом типе высказываний сохраняется горизонтальная дистанция и формальность симметричных отношений между собеседниками, при этом у адресата просьбы или совета не всегда остается свобода действий и возможность выбора. Тем не менее, просьба может оставаться вежливой, а профессиональный совет – доброжелательным.

В случаях взаимного обращения на *Вы* выбор совершенного глагола маркирует увеличение социальной дистанции и свидетельствует о формальном, официальном характере просьбы, отражающем более высокий социальный статус адресанта по сравнению с социальным положением собеседника. При этом, (не)выполнение действия адресатом, как правило, не обсуждается. И действительно, сознательный выбор совершенного вида перформативного глагола в русском языке может стать средством, позволяющим подчеркнуть асимметрию со-

⁷⁰ <https://www.parliament.bg/bg/parliamentarycommittees/members/2580/steno/ID/5671> – последнее обращение 29.08.2020.

циальных отношений. Точно так же очень часто высказывания с глаголом совершенного вида в будущем времени в обоих языках могут восприниматься как акты, угрожающие лицу адресата, если содержание просьбы, т.е. требуемое действие, не входит в намерения последнего (52):

(52) а. – Во всяком случае, **попрошу**^{CB-буд} передать сказанное Авдотье Романовне. – Нет, не передам.

б. – Поне **ще** ви **помоля**^{CB-буд} да предадете казаното от мен на Авдоця Романовна. – Не, няма да ѝ предам (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

В таких случаях ‘просьба’ превращается в ‘требование’ – а оно отражает, как правило, ‘асимметричные’ межличностные или социальные отношения (т.е. слушающий допускает, что статус говорящего позволяет ему требовать от адресата совершения действия). Сказанное можно проиллюстрировать и примерами (53) – (55), в которых речь идет о требовании или даже о приказе, поскольку у слушающего нет никакой возможности возразить или обсудить гипотезу несовершения действия. Подчинение в данном случае становится косвенным подтверждением «семантики власти» по теории, изложенной в Brown, Gilman 1972:

(53) а. – Ага, – молвил Филипп Филиппович, – так? – Голос его принял подозрительно вежливый оттенок, – одну минутку **попрошу**^{CB-буд} вас подождать.

б. – Аа – промълви Филип Филипович, – така ли? – И гласът му придоби подозрително учтив нюанс. – **Ще** ви **помоля**^{CB-буд} да изчакате един момент (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(54) – **Ще** ви **помоля**^{CB-буд} да не идвате в работно време – строго рече той. – Много се извинявам за неудобството – подетя (БНК)

(55) Но для начала я **попрошу**^{СВ-буд} Вас дать мне полный список всех роботов-официантов с указанием даты их изготовления (НКРЯ)

Таким же проявлением «семантики власти» может надеяться и перформативное употребление глаголов *посоветовать* и *посъветвам* в (56) и (57), где на самом деле советуемое адресантом действие является в его представлении единственным правильным решением, т.е. не является собственно предложением одного из возможных вариантов, как поступить адресату.

(56) Разрешава ви се да разговаряте, да играете, да пушите и да пеете. Докато спазвате реда, нямате основание да се боите от телесни наказания. **Ще** ви **посъветвам**^{СВ-буд} да изчакате с разчистването на личните си сметки, докато пристигнем в Гвиана (БНК)

(57) – Я вам **посоветую**^{СВ-буд} уехать отсюда... – И про себя: – Впрочем, я сам постараюсь об этом (НКРЯ)

В некоторых случаях (58) – (60) говорящий сам определяет свой социальный статус, иногда безосновательно, как более высокий по сравнению с социальной ролью собеседника:

(58) Сега **ще** ви **помоля**^{СВ-буд} да ни оставите, защото трябва да обсъдим един въпрос, свързан с Рафик Азис. Райли излезе (БНК)

(59) – Только **попрошу**^{СВ-буд} вас, хоть на этот раз, вести себя как следует (НКРЯ)

(60) «Мы закрытое заседание проводим, поэтому **попрошу**^{СВ-буд} вас освободить помещение», – не удивил Николай

Семенович⁷¹ [муниципальный депутат обращается к журналистам].

В примерах (58) – (60) именно благодаря форме будущего времени глагола совершенного вида просьба, которая остается формально вежливой, воспринимается как навязывание определенного действия или поведения. При этом, с одной стороны, действие, являющееся содержанием просьбы, не приветствуется адресатом, с другой – у него нет выбора. В таких случаях можно говорить о достаточно авторитарных высказываниях, которые имплицитно приближаются к приказу. Поэтому у слушающего не остается возможности для дискуссий и оценок, и построенный таким образом иллокутивный акт становится выражением вертикальной дистанции между собеседниками. Возможно, по этой причине, несмотря на внешне «негрубую» семантику глаголов со значением просьбы и на вежливое обращение на «Вы», адресант часто считает нужным мотивировать, оправдать такую просьбу, т. к. именно по причине употребления глагола совершенного вида в будущем времени она звучит авторитарно и даже грубо. Иными словами, используя форму вежливой просьбы, говорящий как бы все равно «вынужден» минимизировать негативное воздействие на адресата и оправдать жесткую тональность просьбы, переходящей в требование.

Отсутствие смягчающей мотивации, как в примерах (61) и (62), говорит о грубом и высокомерном поведении говорящего (что подтверждается и расширенным контекстом):

(61) Вижте, инспекторе, не сме във филм, така че **ще ви помоля**^{СВ-буд} да захвърлите сценария и да карате по същество. И без това ме боли глава... очите ме смъдят... Тези ваши игрички със сержанта са твърде банални, не мислите ли? (БНК)

⁷¹ <http://sertolovo-online.ru/tema-dnya/sertolovskoe-bezzakonie-kak-glava-mo-sertolovo-vygonyal-nas-s-zasedaniya-soveta-deputatov> – последнее обращение 15.08.2020.

(62) Я вас очень **попрошу**^{СВ-буд} – вас и вас, – он строго ткнул в меня пальцем, – никому ничего не рассказывать, понятно? (НКРЯ)

Подобный эффект могут производить и формы будущего времени перформативов *посоветовать* и *посъветвам*. Оставаясь формально вежливыми, в определенных контекстах они могут восприниматься не как участливое предложение полезного или выгодного для адресата действия в определенной сложившейся ситуации, а как авторитарный речевой акт. Таким образом, доброжелательный по определению речевой акт совета на самом деле превращается в речевой акт угрозы – см. примеры (63) и (64).

(63) Если очень хотите – можете заявляться в суд и рассказывать там о своих наблюдениях. Но вот я вам **посоветую**^{СВ-буд} – не суйтесь. Не туда суетесь.⁷²

(64) Ако сте съгласен, ще уредя да ви предадат материала. – А ако не съм? – Тогава **ще ви посъветвам**^{СВ-буд} да не забравяте за последиците. (БНК)

Комплексный характер формы будущего времени перформативов совершенного вида и сочетание положительной лексической семантики и ‘дистантной’ грамматической формы позволяет использовать их в таких сложных коммуникативных ситуациях как вымогательство – в примере (65) речь идет о требовании, подкрепленном средствами скрытого давления на адресата:

(65) **Ще ви помоля**^{СВ-буд} за една дребна услуга. По-точно, искам да ми окажете известна помощ. Не е излишно да ви напомня, че Америка твърде много е помагала и помага на Белгия. Планът Маршал, НАТО и прочее. –

⁷² <http://www.e-reading.by/bookreader.php/45489/Maksim.html> – последнее обращение 15.08.2020.

Джими говореше важно, надуто, с пълното самочувствие на гражданин на велика държава (БНК)

Таким образом, мы видим, что в случае наличия дистанции между собеседниками просьба и совет, выраженные формами будущего времени перформативов совершенного вида, могут быть вежливыми и выражать семантику солидарности, если имеются в виду равноправные (горизонтальные) отношения собеседников, и авторитарными и выражать семантику власти, если речь идет о проявлении асимметричных (реальных или подразумеваемых говорящим) отношениях.

Наоборот, использование будущего времени совершенного вида при симметричных неформальных и дружеских отношениях (т.е. при максимальной солидарности по Брауну и Гилману и обращении на «ты») воспринимается как несколько натянутое и не совсем натуральное. В этих случаях способ обращения при помощи совершенного вида, формально и вежливо (*я тебя попрошу, ще те помоля, я тебе посветуя, ще те посъветвам*), автоматически демонстрирует дистанцию, как бы сознательно устанавливаемую говорящим (входящую в противоречие с отношениями 'ты-ты'), что позволяет выразить как просьбу или совет (возможно, неприятные, неприемлемые для собеседника), так и критическую оценку действий адресата. Как видно из приведенных ниже примеров (66) – (70), чтобы оправдать просьбу, выраженную с точки зрения самого адресанта в несколько жестком тоне, почти как требование, не соответствующую неформальным и доброжелательным симметричным отношениям между собеседниками, говорящий использует лексические средства, смягчающие импозитивный тон высказывания: *тогда, ладно, только, извини, все же*.

(66) Мама, ты конечно меня извини, но я тебѧ **попрошу**^{СВ-буд} все же, чтобы ты мне изредка присылала маленькую посылочку... (НКРЯ)

(67) – Ты хочешь со мной играть? – Хочу, – отвечал он, смутившись. – Тогда я тебя **попрошу**^{СВ-буд} подавать первым – ладно? (НКРЯ)

(68) Она за это время стала старая. Не могу же я ей этого сказать! – Да, – говорю я, – не можешь. – Только я тебя **попрошу**^{СВ-буд} – Да, да, я понял... (НКРЯ)

(69) – Антон, я все-таки **попрошу**^{СВ-буд} тебя отнестись серьезнее к сложившемуся положению (НКРЯ)

(70) Я тебе **посоветую**^{СВ-буд} вместо всего этого глупого потока ненужных слов – оставь всего одну фразу, кажется, из Бернарда Шоу: «Нет в мире женщины, способной сказать «прощай» меньше, чем в тридцати словах». (НКРЯ)

И в болгарском языке, в случае близких, симметричных и неформальных отношений участников речевой ситуации (примеры (71) – (74)), использование перформативного глагола совершенного вида в будущем времени способствует увеличению дистанции со стороны говорящего (при этом, оно может быть вполне сознательным), что в конечном счете позволяет ему не только выразить просьбу или дать совет, которые могут быть неприятными для слушающего, но также выразить некоторую критику в его адрес:

(71) Понеже правиш препратки някакви към мен, а и твърдиш, че държиш на някаква етика, съвсем учтиво **ще те помоля**^{СВ-буд} да внимаваш за контекста, в който са написани разни неща, че да не стават грешки...⁷³

⁷³ <https://www.bg-mamma.com/?topic=200362.75#> – последнее обращение 15.08.2020.

(72) Единствено **ще те помоля**^{СВ-буд} да четеш внимателно, а не избирателно.⁷⁴

(73) – Ето, почти съм готова. Само **ще те помоля**^{СВ-буд} да ме изпратиш. Напоследък ме гони параноята. Непрекъснато се оглеждам (БНК)

(74) Аз **ще те посъветвам**^{СВ-буд} да внимаваш малко повече в часовете.⁷⁵

Во всех этих случаях, так же, как и в русских примерах (66) – (70), видимо, понимая неуместность формулировки *ще те помоля*, а также учитывая возможные усилия адресата (близкого человека) на выполнение предлагаемых (советуемых) действий, говорящий ищет способы ‘смягчить’ свою авторитарность и уменьшить ‘затраты’ адресата в выполнении просьбы (*съвсем учтиво, единствено, само, малко повече*). Будущее время перформатива совершенного вида, используемое в обоих языках в контекстах (66) – (74) выполняет особую прагматическую функцию. Несмотря на то, что акт просьбы имеет место в момент высказывания, т.е. в настоящем, в момент речи, ‘грамматическое отдаление’ акта запроса от момента фактического высказывания за счет формы будущего времени вместе с совершенным видом производит эффект большей межличностной дистанции, которая сталкивается с неформальными взаимоотношениями ‘ты-ты’ и превращает просьбу в требование. Резкость такого требования, в свою очередь, как мы видели выше, может смягчаться благодаря аттенуативным наречным выражениям.

Обобщая, можно сказать, что использование перформатива совершенного вида в будущем времени в обоих языках

⁷⁴ <https://news.bg/world/iran-izvede-v-orbita-izkustven-spatnik.html?sort=desc&page=2> – последнее обращение 29.08.2020.

⁷⁵ <http://www.forumshumen.com/forum/viewtopic.php?f=20&t=2356> – последнее обращение 15.08.2020

предполагает наличие формальных отношений между собеседниками и некоторой межличностной или социальной дистанции. Это соответствует взаимному обращению на *Вы*. В некоторых (редких) случаях указанные формы могут стать также грамматическим выражением временной «вертикализации» отношений, т.е. семантики власти – реальной или воображаемой (при сохранении обращения на *Вы*). Если же речь идет о неформальном общении близких людей (на *ты*), то использование перформативного глагола в будущем времени может привносить оттенок некоторой напряженности или холодности в отношениях, вступая таким образом в противоречие с солидарными, неформальными отношениями.

Остановимся теперь на той особенности, которая касается только болгарского языка, а именно, на возможности использовать в перформативных высказываниях имперфективы в будущем (аналитическом) времени, как в (75) – (77).

(75) Не може да се разбере срещу кого е образувано това дело. Ето защо считам, че издаденото решение е противозаконно и **ще ви моля**^{НСВ-буд} да бъде отменено.⁷⁶

(76)... към днешна дата няма запазени такива преписки в архива на ДНСК, поради което **ще Ви моля**^{НСВ-буд} да бъде общено това писмо към делото.⁷⁷

(77) По изложените съображения и по изложените в жалбата, аз **ще Ви моля**^{НСВ-буд} да отмените изцяло заповедта и ако сторите това, да присъдите на доверителите ми разноските, съгласно последния приложен по делото актуален списък на разноски, който сме представили преди предходното съдебно

⁷⁶ <http://www.admsudhaskovo.org/2013/oct/protocols/296-13.htm> – последнее обращение 30.08.2020.

⁷⁷ <http://www.admsudhaskovo.org/2011/may/protocols/a39-11.htm> – последнее обращение 29.08.2020.

заседание.⁷⁸

В приведенных примерах мы видим, что семантика будущего времени перформативов, позволяет выразить объективно существующую социальную дистанцию между адресантом и адресатом ('*Вы-Вы*'). При этом она как бы входит в противоречие с несовершенным видом глаголов, который, как правило, ассоциируется с сокращением дистанции (как по отношению к моменту речи, так и межличностной). Однако примеры (75) – (77), а также следующие ниже примеры (78) – (80), показывают, что на самом деле в формальных или официальных перформативных высказываниях эти формы позволяют сконцентрировать внимание на пропозициональном содержании перформативного глагола, а не на самой иллокутивной функции «просьбы». Иными словами, речевой акт полностью сосредоточен на содержании просьбы. Для говорящего важна не столько реакция адресата (или, по крайней мере, в рассматриваемом иллокутивном акте она уходит на второй план), сколько сама формулировка, выражение сути запроса. Таким образом, адресат как бы еще больше отдалается от говорящего. Отстраненность говорящего и речевого акта от адресата проявляется еще и в том, что, помимо прочего, действие, являющееся предметом просьбы выражено безлично-пассивной формой (*да ми бъде отменено, да бъде приобщено*). Кроме того, как видно из приведенных примеров, в целом адресат может представлять учреждение, организацию, и в таком случае говорящий на самом деле обращается к юридическому лицу, то есть к обобщенному адресату. Неслучайно эта формулировка особенно характерна для некоторых юридических жанров (жалоб, заявлений, заявок, служебных и докладных записок).

Такие формы характерны и для устного политического дискурса:

⁷⁸ http://admincourt-pz.bg/dela/20190101/0061da18_38621919.htm – последнее обращение 07.08.2020.

(78) Затова, госпожо Председател, **ще Ви моля**^{НСВ-буд} да го подложите на гласуване и съответно в окончателната редакция.⁷⁹

(79) Не бих могъл да приема още нещо и **ще Ви моля**^{НСВ-буд} да се обосновате малко по-добре: защо в Закона за частната охранителна дейност ние сме дали такива правомощия, а на представителите на общините не ги даваме?⁸⁰

(80) Държа да кажа, че е важно да направим тази поправка, защото тя ще осигури начина, по който ще се извърши финансирането и изпълнението на бюджета. Затова, госпожо Председател, **ще Ви моля**^{НСВ-буд} да го подложите на гласуване и съответно в окончателната редакция.⁸¹

В таких речевых актах, как (78) – (80), ярко выражены с одной стороны, социальное положение и статус адресата, а с другой – его ‘обязанность’ каким-либо образом ответить на запрос адресанта, удовлетворяя просьбу или мотивируя отказ. Просьбе обычно сопутствует изложение фактов ситуации и, главное, обоснование объективной (по мнению говорящего) необходимости в удовлетворении просьбы – см. пример (80). В результате, требуемое действие представляется как естественное следствие изложенной аргументации. Во всех этих случаях болгарский язык допускает комбинирование ‘нейтрального’ имперфектива и ‘дистанцирующего’ будущего времени, чья основная функция состоит в том, чтобы объективировать просьбу. Использование несовершенного вида позволяет избежать эффект требования и субъективного давления на адресанта, который появился бы при использовании перфектива. В

⁷⁹ <https://parliament.bg/bg/plenaryst/ns/52/ID/6579> – последнее обращение 15.08.2020.

⁸⁰ <https://www.parliament.bg/bg/plenaryst/ns/52/ID/7212> – последнее обращение 15.08.2020.

⁸¹ <https://parliament.bg/bg/plenaryst/ns/52/ID/6579> – последнее обращение 15.08.2020.

целом, такие речевые акты остаются официальными и дистантными, они чаще всего встречается в речи должностных лиц при исполнении служебных обязанностей и при дистантных коллегиальных отношениях, в частности, в политическом дискурсе. И только в немногих примерах говорящий сознательно демонстрирует причину увеличения дистанции – обиду, нежелание сблизиться, что, в свою очередь, приводит к излишней официальности просьбы. Так, например, если говорящий, находясь в зависимом от собеседника положении, обращается к собеседнику *ще Ви моля* без аргументации просьбы, она может звучать как ультиматум адресату:

(81) Не съм допушил още цигарата си, когато в стаята влиза моят познат Савов. Дръпвам резето и поканвам новодошлия да си почине. Сетне сядам срещу него, вадя небрежно магнетофончето-заглушител и пускам за настроение гальовната мелодия.

– Мисля, че успях да науча всичко, което би могло да се научи по обичаен път – заявява Савов. – Така че **ще ви моля**^{НСВ-буд} с това да приключим.

– Без предварителни условия – казвам. – Говорете!

В русском языке в официальных формальных, в том числе юридических контекстах используются нейтральные формы перформативов в настоящем времени с эксплицитным выражением учреждения, т.е. неодушевленного адресата, как в примере (82):

(82) В случае несогласия суда с какими-либо сведениями, содержащимися в представленных доказательствах и объяснениях, **прошу**^{НСВ-наст} суд истребовать эти сведения из соответствующих органов и опросить свидетелей.⁸²

⁸² https://www.vashamashina.ru/centre_strip.html – последнее обращение 15.08.2020.

Максимальная степень дистанцированности достигается в русском языке за счет предикативного перформативного употребления существительного *просьба* в прямой речи, Конструкции с именным предикатом встречаются в устной речи: в официальных обращениях (83), в депутатской речи (84), в интернет-форумах при обращении к незнакомым лицам (85), на бланках учреждений в качестве обращения к анонимному лицу (86).

(83) Вопрос: В связи с объявленными в Пекине сроками проведения третьего раунда шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР в Пекине **просьба** сообщить, кто будет возглавлять российскую делегацию на переговорах и в рабочей группе (НКРЯ)

(84) Это и проблема изменения границ без учета мнения населения, это проблема отмены прямых выборов муниципальных районов, это и вопросы жестко заданной структуры органов местного самоуправления и некоторые другие. Огромная **просьба** прислушаться к этим замечаниям. Будет очень стыдно, если после принятия закона начнутся массовые обращения в Конституционный Суд (НКРЯ)

(85) Спасибо, **просьба** прояснить несколько моментов. Продается ли упомянутый клейстер с сформалином где-нибудь в хозмагазинах, или его проще приготовить самому (доступ к химикатам есть в общем-то).⁸³

(86) И второй вопрос... кредитные карты Русский Стандарт и Ренессанс. Всем известные кредитные продукты, но есть одно НО. У меня нет договора по этим продуктам, и подпись я не ставил в договорах на ранее выданные продукты. Графа с подписью _____ **Просьба** изготовить на моё имя

⁸³ <https://www.alib.ru/forumarhtema.phtml?forumbeg=550&arhtema=apteka> – последнее обращение 02.06.2020

кредитную карту, пуста. Активировалась по телефону.⁸⁴

Такие конструкции неуместны в личных отношениях (87), более того, их использование может стать признаком грубости (88):

(87) «Уважаемый папа Ляли! В понедельник состоится Масленица. **Просьба** надеть белые чешки, блузку и гольфы. Возьмите ещё пять блинов и варенье». [...] Воспитательницу зовут Ева, симпатичная латышка. Тексты сочиняла как могла, потом перевела на русский (НКРЯ)

(88) Вот-вот, прокомментировала Танька, только новой заразы нам и не хватало. Сеанс окончен, посетителям **просьба** очистить помещение, сейчас мы будем проводить его полную дезинфекцию.

Еще одним фактором вежливости может стать вид зависимого глагола, как в примерах (89) и (90)

(89) **Просьба** прокомментировать приговор катарского суда по делу двух российских граждан и

(90) **Просьба** сдерживать эмоции, хотя бы для того, чтобы убедить собеседников в своей правоте а не в неких других своих качествах.

Как видим, если используется совершенный вид (90), то высказывание скорее выражает официальную просьбу, если несовершенный (91), то, помимо итератива, это может быть выражение нетерпения, возможно связанное с семантикой

⁸⁴ https://www.banki.ru/forum/?PAGE_NAME=read&FID=38&TID=38892 – последнее обращение 02.06.2020

‘приступ к действию’⁸⁵, характерного для инфинитива глаголов несовершенного вида.

Что касается неформальных, солидарных отношений (‘ты-ты’), оформление вежливой просьбы или доброжелательного совета при помощи перформативного имперфектива в будущем времени, как (91) – (92), представляется неуместным. По сути, просьба перестает быть просьбой, возможно потому, что необоснованно (и неожиданно для слушающего) увеличивается межличностная дистанция между собеседниками:

(91) Сега **ще те моля**^{НСВ-буд} [букв. я буду тебя просить] да не ми отказваш това, което **ще те помоля**^{СВ-буд}. Искам да те ожена за най-малката си дъщеря...⁸⁶

(92)... аз **ще те съветвам**^{НСВ-буд} [букв. я буду тебе советовать] да пуснеш уведомление за назначаването на ексчетоводителката, но не като редовен запис, а като корекция.⁸⁷

Просьба и совет, выраженные в (91) и (92), безусловно, по форме вежливы, но эта вежливость из-за несоответствия межличностной дистанции и особой видо-временной формы приводит к некоторой неуместности просьбы и отстраненности и формальности совета. Сознательный выбор такой стратегии в диалоге может отражать несоблюдение условия искренности (Серль 1986 [1965]: 160-166). При такой стратегии говорящий как бы специально увеличивает дистанцию, которая при солидарных отношениях по определению минимальна. Именно из-за своего официального характера выраженные таким образом просьба или совет ‘сталкиваются’ с неформальными солидарными отношениями (‘ты-ты’), и поэтому вряд ли могут считаться вежливыми; они скорее воспринимаются как попытка

⁸⁵ О понятии ‘приступ к действию’ см. Рассудова 1981 и 1982.

⁸⁶ <https://chitanka.info/text/32714/23> – последнее обращение 15.08.2020.

⁸⁷ <https://www.odit.info/?s=6&i=173021&f=3> – последнее обращение 29.08.2020.

навязать собеседнику некое действие или поведение, или как формальный, ‘безучастный’ совет, в который говорящий ничего не вкладывает. Более того, из-за своей коммуникативной неуместности они могут интерпретироваться как скрытая агрессия.

В примерах (93) и (94) сам факт выбора формально-вежливой формы несовершенного вида в будущем времени приводит к тому, что говорящим как бы создается некая искусственная дистанция, необходимая ему (возможно, с целью оказания давления на адресата), но необъяснимая и неожиданная для адресата. Такие просьбы не могут быть вежливыми, они могут восприниматься даже как требование, поскольку имплицитуют, что адресат *должен* выполнить действие, являющееся предметом просьбы. Более того, судя по общему контексту, можно сказать, что в приведенных ниже примерах речь идет о конфликтных ситуациях – о ссоре в (93) и о попытке вымогательства в (94):

(93) – Лоши уста имаш, сватяаа! Господ да ти плаща. Ама аз пак **ще** те **моля**^{НСВ-буд} Генка да го кръстим, че тый му прилича, пък и майка му тый иска. Не се пита никой тука, а майката само. Каквото тя рече. (БНК)

(94) – Не – казал Шико, – министърът не ми е искал нищо, ама неговият секретар ми рече: “Аз приготвих писмото и утре министъра ще го подпише, но **ще** те **моля**^{НСВ-буд} да ми услужиш с един заем от петнадесет хиляди лева.” Йе разбрах какъв “заем” ми се иска! Ами какво да му река? Казвам: “Йе немам – викам – в мен толкова пари...”⁸⁸

Таким образом, можно утверждать, что использование формы несовершенного вида в будущем времени в болгарском уместно прежде всего при выражении официальных просьб и запросов, чье выполнение гарантировано социальной функци-

⁸⁸ http://www.promacedonia.org/giliev/bg/bg_45.html – последнее обращение 02.06.2020

ей адресата. Если же отношения неформальные, то такое употребление может создавать искусственную дистанцию между собеседниками и нарушать исходное равновесие в отношениях.

3.4. О возможных причинах неравномерного распределения видо-временных форм перформативных глаголов в различных типах речевых актов

Как мы видели выше, нейтральной, базовой формой перформативного глагола в русском и болгарском языках является первое лицо единственного числа настоящего времени глагола несовершенного вида.

Тем не менее, предложенный выше анализ языкового материала показал, что картина использования перформативных глаголов в обоих языках, и особенно в болгарском, является довольно сложной, поскольку наблюдается также ряд случаев использования перфективов и – хотя и реже – имперфективов в будущем времени.

Как мы показали выше, формы несовершенного вида в настоящем, совершенного в будущем и несовершенного в будущем могут выполнять функцию регулятора межличностной дистанции между адресантом и адресатом. Следовательно, выбор формы времени и вида перформативного глагола может обеспечивать сохранение или увеличение дистанции между собеседниками, а также способствовать соблюдению или нарушению личного пространства адресата.

В этой связи особенно интересен иллюкуционный потенциал директивов, так как они наиболее чувствительны к регулированию межличностной дистанции и к языковой вежливости.

С точки зрения семантической солидарности перформативный глагол несовершенного вида в настоящем является наиболее нейтральным. При равноправных неформальных отношениях (*'ты-ты'*) он передает максимальную степень позитивной вежливости. Дистантные, формальные на горизонталь-

ной оси отношения ('*Вы-Вы*') также допускают использование этих форм, но в основном в случаях, когда просьба не угрожает лицу адресата и требуемое действие является для него приемлемым (или даже выгодным). При этом возникает эффект сокращения дистанции. Именно по этой причине эта форма может быть неуместной при формальных (официальных) отношениях (особенно если запрос не является приемлемым для адресата): в этих случаях предпочтительны косвенные речевые акты просьбы.

Наоборот, если использовать будущее время глагола совершенного вида, то предполагается *a priori* бóльшая социальная дистанция между собеседниками. Эта форма целесообразна в тех случаях, когда необходимым является обеспечение соблюдения принципов негативной вежливости. Если же речь идет о симметричных, но неформальных, близких, дружественных отношениях участников диалога ('*ты-ты*'), то форма будущего времени глагола совершенного вида не всегда представляется уместной. Более того, совершенный вид глагола, фокусируя внимание на конечной, результативной фазе действия, которое является предметом просьбы или совета, может восприниматься как требование и, соответственно, вызывать внутреннее сопротивление адресата. Таким образом, увеличивая (а иногда с неизбежностью вертикализируя) межличностную дистанцию между участниками речевого акта, эти формы реализуют свой потенциал выражения 'большей власти' говорящего над адресатом. Важно также отметить тот факт, что форма будущего времени совершенного вида в русском и в болгарском языках в отличие от формы настоящего времени имперфективов в принципе позволяет говорящему увеличить дистанцию и даже вертикализировать ее, интерпретируя таким образом асимметрию межличностных отношений в свою пользу и превращая речевой акт в инструмент семантики власти. Эта субординация (хотя и временная, субъективная) чувствуется адресатом в основном тогда, когда запрашиваемое действие неожиданно для адресата и увеличивает его затраты (в смысле шкалы 'затраты – выгода').

Что касается имперфективных перформативов в будущем времени, данные БНК показали, что они используются в речевых актах в некотором смысле чисто формально, т.к. они играют роль сигналов к должному ответному действию адресата согласно его социальной функции. Кроме того, центральным элементом высказывания становятся сама просьба (или совет) говорящего и желание довести его до собеседника, а потребность в немедленной реакции адресата уходит на второй план. Поэтому чаще всего это перформативные высказывания в юридической и политической речи. В русском языке, такую же функцию 'обезличивания' и формализации речевого акта просьбы может выполнять существительное *просьба*.

Иную картину мы наблюдаем в ситуации близких, солидарных отношений (т.е. при минимальной горизонтальной дистанции и обращении на *ты*). На наш взгляд, форма будущего времени глаголов обоих видов, увеличивая межличностную дистанцию между собеседниками, вступает в противоречие с их близкими, солидарными отношениями, предполагающими подключение механизмов позитивной вежливости (в частности, стратегии сближения и сокращения дистанции), и может привносить оттенок некоторой напряженности или холодности в отношениях. Выраженные таким образом директивы при неформальных отношениях могут нарушать существующую гармонию в отношениях и приводить к 'коллизии' из-за возникающей дистанции между собеседниками, как бы специально создаваемой говорящим и, в некотором смысле, необъяснимой, неожиданной для адресата. Иными словами, в некоторых случаях такие речевые акты могут звучать авторитарно и создавать предпосылки для конфликтов, также создавать эффект невежливости и даже грубости (например, просьба, выраженная такой формой, может звучать грубо, а совет является формальным и необедительным).

Итак, мы показали, что видо-временные формы в рассмотренных директивах в русском и в болгарском языках представляют собой удобное средство для выражения негативной вежливости, так как позволяют участникам коммуникации

сохранить социальную и межличностную дистанцию, запрашивая при этом совершение определенных действий со стороны адресата. Их коммуникативная ценность является результатом взаимодействия различных языковых и внеязыковых факторов, позволяющих говорящему контролировать свое коммуникативное поведение в процессе общения с целью оказания нужного воздействия на собеседника. Варьирование видо-временных форм директивов в силу импозитивного характера речевого акта просьбы обладает широким спектром прагматических функций. По сравнению с другими речевыми актами их можно считать прагматически наиболее ёмкими, так как они предполагают большее число ситуаций и контекстов, в которых необходимо регулировать и межличностную дистанцию между собеседниками и проявление языковой вежливости в процессе коммуникации.

Таким образом, можно заключить, что коммуникативная ценность перформативного высказывания является результатом синергии лингвистических и экстралингвистических факторов в речевом акте. Богатство прагматических смыслов и нюансов находится в прямой зависимости от возможности использования различных видо-временных форм. Поэтому знание семантико-грамматических особенностей перформативов, с одной стороны, а также учет типа отношений между участниками речевого акта (формальных, неформальных, солидарных) и размер межличностной дистанции – с другой, позволяет говорящему использовать специфические, необходимые в каждой отдельной ситуации морфо-синтаксические средства с тем, чтобы донести до собеседника свое коммуникативное намерение.

Итак, если обратиться к основным типам иллокутивов (ассертивам, комиссивам, декларативам, экспрессивам и директивам), то можно заметить, что не все типы речевых актов одинаково чувствительны к категории вежливости, к солидарности и к межличностной дистанции. Ассертивы могут допускать «отдаление» говорящего от сообщаемой информации (*скажу, ще ти кажжа*), комиссивы, наоборот, предполагают полную эмоциональную вовлеченность говорящего, конвен-

циональная социальная значимость декларативов обеспечивает их объективный характер в том смысле, что их содержание не подлежит обсуждению и никак не зависит от вежливости, солидарности и межличностной дистанции. Декларативы не предполагают возможности говорящего каким-либо образом смягчить или ужесточить сообщение, т.е. по определению ими совершается социально значимый и институционно обусловленный факт (хотя в некоторых случаях, в зависимости от собственного лексического значения глагола, увеличение дистанции благодаря видо-временной форме также возможно). Семантика экспрессивов может быть вполне лично ориентированной, хотя их использование в основном связано с этикетными ситуациями и формулами. Директивы отличаются от вышеперечисленных речевых актов тем, что они предполагают попытку заставить другого что-либо сделать и тем самым могут нарушать личное пространство собеседника. Именно поэтому директивы особенно чувствительны к категории вежливости, к солидарности и к межличностной дистанции. Именно директивы тесно связаны с максимами Дж. Лича (Tact Maxim di Leech), в частности с максимой такта, согласно которой необходимо минимизировать затраты *другого* и максимизировать выгоду *для другого*, “(a) Minimize costs to *other* [(b) Maximize benefits to *other*]” (1983: 132). Иными словами, реализация этой максимы регулирует степень вежливости (Leech 1983: 107) в тех речевых актах, которые предполагают бóльшую вовлеченность слушающего. Важным аспектом является также возможность для слушающего самому решить, прислушаться или нет к совету, выполнить или нет приказ, принять или нет предложение, предоставляемая свободой выбора собственного поведения “optionality scale” (Leech 1983: 108). В этом смысле продуктивным является применение исследования категории вежливости Brown, Levinson 1987, в частности, введенных в этой работе понятий негативной и позитивной вежливости. Негативная вежливость выражается в способности говорящего управлять механизмами иллокутивной силы с целью регулировать дистанцию с собеседником, давая ему понять, что у

него есть свобода выбора производить или не производить действие (Brown, Levinson 1987: 70), т.е. оставляя ему возможность «сохранить лицо». Позитивная вежливость ориентирована на позитивное лицо собеседника и на сближение. К слушателю обращаются как к ‘своему’, возможная угроза лицу минимизирована благодаря пресуппозиции, что желания говорящего и адресата совпадают (там же). Директивы при этом представляют собой самостоятельную группу речевых актов, имеющие целью заставить адресат совершить определенное действие и поэтому напрямую связанных с такой категорией речевого общения, как лингвистическая вежливость. С этой точки зрения можно сказать, что поскольку иллокутивная цель директивов вступает в противоречие с принципом вежливости и со стремлением избегать конфликтов в принципе, их можно отнести к речевым актам, выполняющим конкурентивную функцию (Leech 1983, 104-106). Согласно теории речевого общения Дж. Лича конкурентивная функция возникает в тех случаях, когда “the illocutionary goal competes with the social goal” (там же, 104). Такие директивы Лич называет импозитивами (*impositives*) (там же, 106). Мы уделили больше внимания директивам, выражающим просьбу и совет не случайно. Дело в том, что социальная роль говорящего, его полномочия и ритуальный характер ситуаций приказаний, запретов и разрешений сами по себе уже гарантируют достижение иллокутивной цели без учета реакции собеседника. Просьба и совет (в отличие от них) не предполагают безоговорочного выполнения запрашиваемого или рекомендуемого действия. Ответная реакция адресата может не устраивать адресанта, но она может им предугадываться, и тогда он пользуется механизмами вежливости и регулирования дистанции, чтобы контролировать эту реакцию, а именно, различными видо-временными формами перформативных глаголов.

Глава 4.

О специфических прагматических функциях некоторых глагольных префиксов

В настоящей главе мы хотим предложить краткий сопоставительный обзор русских и болгарских супралексических префиксов, чтобы затем остановиться более подробно на интенсифицирующей функции некоторых из них. В качестве исходной для сопоставительного анализа мы будем использовать классификацию русских префиксов, предложенную в Татевосов 2009 и развивающую положения, изложенные в работах Babko-Malaya 1999 и Svenonius 2004 и 2008. Источником примеров, как и в предыдущих главах, станут Национальный корпус русского языка, Болгарский национальный корпус, интернет.

Вопросы глагольного словообразования рассматривались в русистике множеством исследователей в русле изучения глагольного вида и способов глагольного действия (Виноградов 1986, Исаченко 2003 [1960], Зализняк, Шмелев 2000, Шведова 1980). В работах, посвященных собственно словообразованию и, в частности, семантически обусловленным сочетаемостным свойствам корневых и аффиксальных глагольных морфем обсуждалась как возможность синтеза новых лексических единиц, так и понятие сложения смыслов словообразовательных единиц (Милославский 1981, 2002, Улуханов 1977, 2005, 2017).

Возросший в последние десятилетия интерес к семантике глагольных приставок и к их роли в образовании новых глаголов с сопутствующей сменой акциональных характеристик и валентностных свойств (помимо, естественно, вида исходных глаголов), привел к новым подходам к рассмотрению синтагматических характеристик префиксов и к их новым классифи-

кациям: «Обнаружение того, что префиксы в славянских языках структурно неоднородны и образуют по меньшей мере две обширные группы – внутренние, или лексические, и внешние, или супралексические, – одно из главных достижений западной славистики в последние 10 лет» (Татевосов 2009: 98). В этом ключе работает Л. Янда, которая рассматривает русские глагольные приставки с точки зрения их способности образовывать естественные, специализированные, комплексные и однократные перфективы в русском языке (см. об этом подробнее в Янда 2012, Janda et al. 2013). Классификация Л. Янды перекликается с другими исследованиями глагольной префиксации. Здесь надо заметить, что специализированные и комплексные перфективы, выявленные в работах Янда 2012 и Janda et al. 2013, можно соотнести с глагольными совершенностями по А.В. Исаченко, в частности, с перфективами, образованными путем присоединения, соответственно, приставок-квалификаторов и приставок-модификаторов (Исаченко 2003 [1960]: 222-223). В иной терминологии, речь идет о лексических (внутренних) и супралексических (внешних) префиксах,¹ выделяемых для русского и других славянских языков (см., в частности, Svenonius 2004 и 2008, Di Sciullo, Slabakova 2005). Общепризнанным считается также, что специализированные и комплексные префиксы различаются в русском языке по способности образовывать вторичные имперфективы (первые образуют их свободно, а вторые – нет).

Проводя семантический и структурный анализ супралексических (внешних) префиксов С.Г. Татевосов в своей работе (2009) разделяет русские внешние (супралексические) префиксы на два основных класса:² селективно-ограниченные и позиционно-ограниченные.

¹ См. об этом также сноску 2 в Янда 2012: 4.

² При анализе класса внешних префиксов автор принимает во внимание параметры семантической композициональности, степень воздействия префикса на актантную структуру основы глагола, порядок присоединения внешних и внутренних префиксов (Татевосов 2009: 100)

К селективно-ограниченным префиксам относятся кумулятивный *на-* (*набрать* <грибов>, *наварить* <варенья>, *начистить* <картошки>), инцептивный *за-* (*забегать*, *запеть*), делимитативный *по-* (*посидеть*, *побегать*, *пописать* <письмо>), дистрибутивный *пере-* (*переловить* <всех преступников>, *пересагать* <всех врагов>). Префиксы этого класса присоединяются к основе несовершенного вида и, как правило, не образуют вторичных имперфективов).³

Класс позиционно-ограниченных префиксов составляют репетитивный *пере-* (*переписать*, *перечитать*, *переделать*), комплетивный *до-* (*доделать*, *дописать*, *дочитать*), аттенуативный *под-* (*подустать*, *подзабыть*, *подвыпить*). Они присоединяются к основам любого вида, без ограничений, при условии, что суффикс вторичной имперфективации *-ива-/ыва-* присоединяется после того, как был образован префиксальный имперфектив.

Отдельный, самостоятельный, класс образует дистрибутивный префикс *по-* (*побросать*, *понабросать*, *покусать*, *повыбрасывать*, *повытаскивать*).

Присоединение внешних префиксов не приводит к возникновению новых участников ситуации, вернее, оно «может сужать диапазон возможностей, которые представлены у осно-

³ Тем не менее, использование электронных средств поиска позволяет обнаружить случаи использования и производных имперфективов с кумулятивным *на-*: *В это время мы, как правило, готовили впрок такие вещи, как гречневую кашу, бульон и др. **Наваривали** мы их тоже на десять дней сразу, а потом выносили на мороз и по мере надобности расходовали* (НКРЯ); *Она **наваривала** себе большие кастрюли компоту и съедала его с серым хлебом, в одиночку* (НКРЯ); *Мать раз или два в неделю **напекала** шесть-семь огромных хлебов, фунтов по 10 – 12, сколько вмещала печь наша* (НКРЯ). Что касается начинательного *за-* и делимитативного *по-*, то в норме в русском языке они образуют инхоативы и делимитативы совершенного вида, не подвергающиеся в дальнейшем вторичной имперфективации (см. об этом подробнее Зализняк и др. 2015: 113 – 114, 118 – 119). Тем не менее, о вторичных имперфективах с начинательным *за-* см. интересные наблюдения в Горбова 2017. На глаголах с префиксом *по-* мы остановимся подробнее ниже.

вы, но не может создавать новые» (Татевосов 2009: 109), они занимают позицию левее внутренних (лексических) префиксов, которые, со своей стороны, расположены ближе к корню. Как селективно-ограниченные, так и позиционно-ограниченные префиксы соединяются с основой композиционно (Татевосов 2009: 100-105), т.е. семантика приставочного глагола может рассматриваться как сумма значений внешнего префикса и мотивирующего глагола.

В болгарской языковедческой традиции приставочные глаголы также изучались, в основном, в рамках традиционного описания акциональности, вида и способов действия глагола (см. по вопросу богатую литературу в области болгаристики, в частности, Иванова 1974, Лилов 1964, Матеев 1952, Пернишка 1979). В последние десятилетия этот интерес возобновился и привел к новому витку в изучении феномена глагольной префиксации на основе современного языкового материала, в том числе из устной речи и диалектов, а также из разного рода электронных источников. Предметом интереса болгаристов разных поколений были также префиксы десемантизированные (чистовидовые) и префиксы, участвующие в образовании глаголов, выражающих способы действия, вопросы субсумпции (*начервя, извадя, острижа*), дефективности в отношении некоторых специфических значений (так, например, некоторые вторичные имперфективы не встречаются в актуально-длительном значении), наличие у одного исходного (простого) глагола более одного чистовидового коррелята (*къпя – изкъпя / окъпя; харча – изхарча / похарча*), а также (особенно в последнее время) вопросы полипрефиксации. Из последних работ можно перечислить Атанасова 2008, Куртева 2006, 2007, Лесева 2009, 2011, Паскалев 2015, Първанов 2005, 2006, Чакърова 1998, 2003, Istratkova 2004, Muro 2018. Далее наше внимание будет фокусироваться на некоторых деривационных особенностях различных приставочных глаголов с различными типами приставок, в частности, на возможности образования в обоих языках вторичного имперфектива, а также на специфической интенсифицирующей роли префиксов.

1. Русские глаголы, полученные путем внешней префиксации, и их болгарские соответствия

Как уже было сказано, внешние префиксы в русском языке составляют два больших естественных класса, а именно класс селективно-ограниченных префиксов и класс позиционно-ограниченных префиксов, к которым примыкает дистрибутивный русский префикс *по-*, образующий «собственный одноклассный класс» (Татевосов 2009: 117-118).

1.1. Селективно-ограниченные префиксы в русском языке и их болгарские соответствия

Сопоставление русских глаголов с внешними селективно-ограниченными префиксами с соответствующими приставочными глаголами в болгарском языке показывает, что в обоих языках префиксы *на-*, *за-* и *по-* добавляют к значению исходного глагола соответственно кумулятивный, инцептивный и делимитативный семантический компонент, а русскому дистрибутивному *пере-* в болгарском языке соответствуют префиксы *из-* и *изпо-*.⁴ Иными словами, для выражения значения «накопление результата» действия в обоих языках используется префикс *на-*, если речь идет о процессе, стремящемся к достижению естественного предела и выраженном предельным имперфективом; фокус на начальной фазе (т.е. обозначение начального предела) и ограничение процесса внешними времен-

⁴ Префикс *изпо-* в болгарском языке традиционно считается единым сложным префиксом (так он отмечен и в БТР, «представков комплекс» в болгарской терминологии). Существует, однако, и другая точка зрения, рассматривающая глаголы с *изпо-* как результат полипрефиксации (см. об этом Атанасова 2008, где предлагается считать, что в случае речь идет о двух префиксах *из-* и *по-*). В то же время, важно обратить внимание на тот факт, что имеется множество случаев, в которых мотивирующего глагола с префиксом *по-* не существует: *вадя* – **повадя* – *изповадя* (в отличие от *вадя* – *извадя* – *поизвадя*, где *по-* реализует собственное аттенуативное значение).

ными рамками требуют в обоих языках, соответственно, префиксов *за-* и *по-*. Различается в двух языках выражение распространения действия на множество объектов поочередно – в русском оно выражается благодаря присоединению префикса *пере-*, а в болгарском – префиксами *из-* (1) и *изпо-* (2):

(1) а. Первый русский корабль «Орел» построен при царе Алексее Михайловиче, но Стенька Разин **перебил**^{СВ} всех матросов, а сам корабль спалил.

б. Първият руски кораб “Орел” е построен при цар Алексей Михайлович, но Стенка Разин **избил**^{СВ} всички матроси, а самия кораб запалил (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(2) а. Всю ночь давал показания и разъяснения, а потом еще навещал Валентину, у которой и в самом деле обнаружилось тяжелое сотрясение мозга – хорошо хоть костей не **переломала**^{СВ}.

б. Цяла нощ дава показания и обяснения, после навести и Валентина, която наистина беше с тежко мозъчно сътресение – поне не беше си **изпотрошила**^{СВ} костите (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

Как уже было сказано, чаще всего полученные новые перфективы не образуют вторичного имперфектива в русском языке, в то время как в болгарском языке это норма: глаголы совершенного вида, полученные путем присоединения префиксов *на-*, *за-* и *из-* (*изпо-*), образуют вторичный имперфектив практически без ограничений.⁵ В результате, получаем

⁵ Надо сказать, что развитие вторичных имперфективов от префигированных перфективов в болгарском языке – явление обычное и регулярное, не зависящее от типа префикса. Оно приводит к возникновению «своеобразных «троек» с двумя имперфективами» (Маслов 1984: 99) – таких, как: *строя*^{НСВ} – *построя*^{СВ} – *построявам*^{НСВ} ‘*постраивать’, *беля*^{НСВ} ‘чистить’ → *обеля*^{СВ} ‘почистить’ → *обелявам*^{НСВ} ‘*почищать’. В таких тройках Св. Иванчев усматривает по сути две разные оппозиции: одну предель-

стандартные видовые пары из приставочных глаголов, в которых исходным является приставочный перфектив, а производным – полученный от него путем вторичной имперфективации глагол несовершенного вида: *беля*^{НСВ} → *забеля*^{СВ} – *забелвам*^{НСВ}, *трепя*^{НСВ} → *изтрепя*^{СВ} – *изтрепвам*^{НСВ}, *хапя*^{НСВ} → *изпохапя*^{СВ} – *изпохапвам*^{НСВ}. То же касается и делимитативов с *по-*: *седя*^{НСВ} → *поседя*^{СВ} – *посеждавам*^{НСВ}, *работя*^{НСВ} → *поработя*^{СВ} – *поработвам*^{НСВ}, *лежа*^{НСВ} → *полежа*^{СВ} – *полежавам*^{НСВ}.

Болгарские кумулятивы, инцептивы, делимитативы и дистрибутивы регулярно употребляются как в итеративных контекстах (примеры (3), (4) и (5)), так и в настоящем историческом времени (ср. примеры (6) и (7)), удовлетворяя таким образом критерию Маслова:

(3) Много често идва при мен, **посеждава**^{НСВ} малко и разговаря. (БНК)

(4) От време на време **поработва**^{НСВ} и за своя сметка [...] (БНК)

(5) Вечер на светещ връх [...] си **налавям**^{НСВ} морунажчета по 5-6 бр.⁷

(6) На 10 декември 1868 г. в Лондон **заработва**^{НСВ} първият уличен светофар в света.⁸

ную НСВ₁:СВ (*беля*^{НСВ} → *обеля*^{СВ}) и одну тривиальную НСВ₂:СВ (*обеля*^{СВ} → *обелвам*^{НСВ}).

⁶ Имеются, конечно, исключения: полученный от *купувам*^{НСВ} глагол *закупувам*^{СВ} в начинательном значении является глаголом *perfectiva tantum*: *От сутринта съм закупувал книги* (БТР) В данном случае отсутствие вторичного имперфектива объясняется морфологическими причинами, а именно, невозможностью присоединения еще одного суффикса *-ва*.

⁷ <https://www.nariba.com/forum/viewtopic.php?t=9396&start=780> – последнее обращение 16.08.2020.

⁸ <http://www.kmeta.bg/zarabotva-purviyat-ulichen-svetofar-v-sveta> – последнее обращение 16.08.2020.

(7) На всичко отгоре Шлезингер се е държал така, като че ли вижда всичко на длан, сякаш знае, че Шопен не може и няма вече да може да пише! Когато се връща от това търговче, Фридерик **изпохапва**^{НСВ} пръстите си от безсилна мъка и яд.⁹

Другим общим, объединяющим признаком для этой группы болгарских глаголов является отсутствие у вторичных имперфективов от глаголов совершенного вида, образованных при помощи кумулятивного *на-*, инцептивного *за-* и дистрибутивного *из-* (*изпо-*), актуально-длительного значения. Ср. невозможность их использования в ответе на вопрос *Какво правиш в момента?* ‘Что ты сейчас делаешь?’ в примерах (8), (9), (10):

(7) *В момента тя **забелва**^{НСВ} картофите ‘В данный момент она *зачищает картошку’

(при приемлемом: В момента тя **започва да бели** картофите ‘В данный момент она **начинает чистить** картошку’)

(8) *В момента тя **налавя**^{НСВ} три кила риба
‘В данный момент она *налавливает три килограмма рыбы’

(ср. возможное: За 15 мин. **налавям**^{НСВ} колкото те за някой час.¹⁰ ‘За 15 минут я **налавливаю**^{НСВ} столько, сколько они за пару часов’)

(10) *В момента те **се изпохапват**^{НСВ}
‘В данный момент они *перекусывают^{НСВ} друг друга’

(ср. возможное: а маймуните, които обикновено живеят в мир, стават нервни и често **се изпохапват**^{НСВ} една друга¹¹ ‘а

⁹ <https://chitanka.info/text/32546/12> – последнее обращение 30.08.2020.

¹⁰ http://mcu-bg.com/mcu_site/viewtopic.php?f=6&t=7993&start=15 – последнее обращение 16.08.2020.

¹¹ http://stara-sofia.blogspot.it/2013/06/blog-post_24.html – последнее обращение 16.08.2020.

обезьяны, которые обычно живут в мире, начинают нервничать и часто **кусают**^{НСВ} друг дружку’)

Примеры с делимитативным *по-* будут рассмотрены более подробно ниже.

1.2. Позиционно-ограниченные префиксы в русском языке и их болгарские соответствия

Второй класс русских глаголов, выделяемый С.Г. Татевосовым, – это глаголы с внешними позиционно-ограниченными префиксами (комплетивным *до-*, репетитивным *пере-* и аттенуативным *под-*). В болгарском языке комплетивное значение выражается, как и в русском, префиксом *до-*, а соответствиями репетитивного *пере-* и аттенуативного *под-* являются соответственно болгарские префиксы *пре-* и *по-*.¹²

В русском языке позиционно-ограниченные префиксы *до-*, *под-* и *пере-* и в отличие от селективно-ограниченных, ‘безразличны’ к видовой принадлежности глагольной основы, к которой они присоединяются [Татевосов 2009: 123], поскольку они присоединяются как к несовершенным простым основам, привнося в их семантику значение предела и одновременно перфективируя их (*писать*^{НСВ} → *переписать*^{СВ}, *строить*^{НСВ} → *достроить*^{СВ}, *таять*^{НСВ} → *подтаять*^{СВ}), так и к префигированным перфективным основам, не меняя вид глагола (*записать*^{СВ} → *перезаписать*^{СВ}, *застроить*^{СВ} → *дозастроить*^{СВ}, *накопить*^{СВ} → *поднакопить*^{СВ}). Полученные таким образом перфективы образуют регулярный вторичный имперфектив: *переписывать*, *добивать*, *достраивать*, *подтаивать*, *перезаписывать*, *дозабивать*, *поднакапливать*.

Что касается болгарского языка, префиксы *до-* (в (11) и (12)) и *пре-* (13) также присоединяются к основам обоих видов (*пиша*^{НСВ} → *препиша*^{СВ}, *напиша*^{СВ} → *пренапиша*^{СВ}, *дам*^{СВ} →

¹² Болгарский префикс *по-* соответствует и русскому аттенуативному префиксу *по-*. Он присоединяется как к простым имперфективам, так и к глаголам совершенного вида (включая приставочные).

предам^{CB}), а полученные глаголы далее образуют вторичный имперфектив, имеющий, как и русский глагол, актуально-длительное значение:

(11) а. К обеду он опоздал, Корней уже **допивал**^{НСВ} свой сок.

б. Беше закъснял за обяд. Корней вече **допиваше**^{НСВ} сока си (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(12) а. Надзиратели в надзирательской **докуривают**^{НСВ} последнюю сигарку перед обыском.

б. Надзирателите в надзирателската **допушват**^{НСВ} последната цигара преди обиска (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(13) а. Поговаривали, что адмирал Хэйхати́ро Того уже начал **перекрашивать**^{НСВ} японские корабли в такой же цвет...

б. Говореше се, че адмирал Хейхати́ро Того вече е започнал да **пребоядисва**^{НСВ} японските кораби в същия цвят... (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

Таким образом, можно сказать, что болгарские глаголы с *пре-* и *до-* ведут себя так же, как и их русские соответствия, а сами префиксы *пре-* и *до-* соответствуют русским внешним (супралексическим) позиционно-ограниченным приставкам *пере-* и *до-*.

1.3. Русский дистрибутивный префикс *по-* и его болгарские соответствия

Левопериферийный дистрибутивный префикс *по-*, который был выделен С.Г. Татевосовым в самостоятельный класс, отличается тем, что «находится на левой периферии глагольной основы независимо от того, какие еще элементы представлены в ней» (Татевосов 2010: 96), и может присоединяться к глагольной основе вне зависимости от вида и класса исходного

глагола (**побросать**, **понабросать**, **покусать**). Полученные глаголы не образуют вторичных имперфективов, в частности, и потому, что базовый глагол уже может являться вторичным имперфективом (**повыбрасывать**, **побивать**).

В болгарском языке русскому *по-* в этом значении (так же, как и префиксу *пере-*) соответствуют префикс *из-* (14) и сложный префикс *изпо-* (15):

(14) а. Он их всех **побивает**^{CB}, с неудовольствием подумал Румата.

б. Ще ги **избие**^{CB} всичките, с неудовольствие си помисли Румата (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(15) а. Может, **пересажаят**^{CB}, может, **побивают**^{CB}, может, оставят в покое.

б. Може да ни **изпозатворят**^{CB}, може да ни **изпозастрелят**^{CB}, може и да ни оставят на мира (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

Болгарские глаголы с префиксами *из-* и *изпо-* образуют регулярные вторичные имперфективы, не реализующие актуально-длительного значения.

2. Об интенсифицирующей функции префиксов *по-*, *под-* и *при-* и роли контекста

Интенсификация как языковое явление в настоящей работе будет рассматриваться в широком смысле термина. Мы исходим из соображения, что “Intensification is the linguistic expression of exaggeration and depreciation, and is just as hard to encompass” (Bolinger 1972: 20). Средства интенсификации чаще всего относятся к так называемым *degree words*, т.е. к тем лексемам, чьей семантике может быть присуща бóльшая или

меньшая степень реализации некоторых их свойств или характеристик. В первую очередь это качественные прилагательные и наречия. Тем не менее, феномен интенсификации может проявляться на различных языковых уровнях (помимо лексического, также на морфологическом, словообразовательном, синтаксическом) и может охватывать широкий спектр проявления признака или действия. Русский язык не является исключением: помимо таких классических работ, в том числе сопоставительных, как Арутюнова 1988, Убин 1974, в последние десятилетия вышло множество работ, исследующих именно категорию интенсивности признака, прежде всего с функционально-семантической точки зрения, и средства ее выражения (лексические и фразеологические).¹³ Помимо лексики, в последнее время анализируются также морфологические, словообразовательные и синтаксические способы выражения интенсивности – подробный обзор языковых средств разных уровней представлен в работе Benigni 2017. В частности, глаголы с различного типа интенсифицирующими аффиксами рассматриваются в работах Palosi 2009, Белоглазова 2013, Улуханов 2017.

Дискретный характер категории интенсивности выражается в том, что между крайними, предельными точками шкалы проявления признака (по терминологии Болинджера *boosters* и *minimizers*) могут располагаться и другие степени проявления признака: *compromisers* (приближающие соответствие признаку к верхнему пределу шкалы) и *diminishers* (приближающие соответствие характеристике к нижнему пределу шкалы) (Bolinger 1972: 17). В применении к виду глагола мы хотели бы определить, каким образом интенсифицирующее значение присоединяемого глагольного префикса (*no-*, *под-*, *при-*) зависит от вида базового глагола (*аплодировать*, *торговать*, *лечить*, *задержаться*, *отдохнуть*, *ободриться*) и его акционального класса, а также понять, всегда ли можно градуировать качество действия и его результата. Нас будет интересо-

¹³ См. об этом Воротников 1999, Лисова 2015, Родионова 2005.

вать последний из упомянутых типов, хотя в работе, говоря о префиксах, будем пользоваться более традиционной терминологией (речь пойдет о диминутивных и аттенуативных префиксах).

Вопросы о степени проявления признака имеет смысл рассматривать прежде всего в связи с субъективной оценкой меры качества. Скалярный характер соответствия признака некоему стандарту согласно Н.Д. Арутюновой выражается в том, что поскольку «речь идет об относительной, а не абсолютной мере признака, то для ее определения необходим термин сравнения, некоторая точка отсчета или пункт прибытия (терминал) (Арутюнова 1988: 233).

В русской лингвистической традиции существует также понятие лексической функции, разработанное в рамках теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» и определяемое следующим образом: «Лексическая функция – это весьма общий и достаточно абстрактный смысл f , который выражается особым образом, т.е. особой лексемой y в зависимости от лексемы x , при которой он выражается: $f(x) = y$ » (Мельчук 1995: 9).

Одна из ‘хрестоматийных’ стандартных лексических функций – это функция Magn, соответствующая значению интенсификации, высокой степени проявления признака или «далеко зашедшей» ситуации (значение ‘ОЧЕНЬ’). Как мы покажем далее, лексический параметр Magn может характеризовать слова разных частей речи и выражаться, соответственно, также разными частями речи. И.А. Мельчук иллюстрирует реализацию функции Magn такими примерами, как: Magn (аплодисменты) = бурные; Magn (нуждаться) = крайне; Magn (пьяный) = мертвецки, в стельку. Функции Magn противопоставлена функция AntiMagn: AntiMagn (аплодисменты) = сдержанные / скупые / редкие / жидкие; AntiMagn (пьяный) = немного / слегка.

Возможность лексического выражения большей или меньшей степени интенсивности не всегда зеркально симметрична, поскольку может зависеть от других (объективных, семантических) факторов. В этом смысле, можно говорить о не-

которой избирательной лексической сочетаемости интенсификаторов (см. также Benigni 2017: 20) ср.: *бурно* ↔ *условно аплодировать*, но *бурно* ↔ ?*условно хлопать*. Тем не менее, как мы увидим ниже, эта асимметрия может восполняться достаточно регулярно и свободно другими (нелексическими) средствами.

Исходя из субъективной значимости языковых средств, участвующих в реализации феномена интенсификации, мы рассмотрим некоторые особенности глагольных префиксов в русском и болгарском языках с тем, чтобы определить, к каким семантико-прагматическим последствиям может привести глагольная префиксация, чтобы определить тот путь, который проходит префигированный глагол, превращаясь из простого композиционного образования в сложный механизм с определенными прагматическими функциями. С этой целью мы рассмотрим поведение русских префиксов *по-*, *под-* и *при-* и болгарского *по-*, присоединяемых к глаголам несовершенного вида с семантикой деятельности и к событийным перфективам.

Как известно, префиксы *по-*, *под-* и *при-* в русской грамматике относятся к префиксам, с помощью которых оформляются способы глагольного действия. В нашем случае речь будет идти в основном о так называемом аттенуативном способе действия, или о смягчительной совершаемости согласно терминологии А.В. Исаченко, см. (Исаченко 2003 [1960]: 238). Частично мы затронем делимитативы с префиксом *по-*.

Наиболее изученным из всех ввиду его многослойности и многогранности является префикс *по-* (не только в русском, но вообще в славянских языках). Присоединение славянского префикса *по-* к глаголам деятельности рассматривается с точки зрения изменения вида исходного глагола (т.е. в его аспектуальной роли перфектизатора – см. об этом Федотов, Чуйкова, 2013, Dickey, Hutcherson, 2003, Dickey 2006) или же подчеркивается его роль делимитатива¹⁴, т.е. возможность выражения

¹⁴ Делимитатив, равно как и пердуратив, выражает типологически выделенное аспектуальное значение лимитатива (Плунгян 2011б: 414).

совершения действия в меньшей, чем стандартная, степени (Filip, 2003, Kagan, 2015, Зидарова 2008). В частности, в работе Каган 2015 все три русских префикса рассматриваются с точки зрения скалярной гипотезы вида глагола. Автор отмечает, что префикс *по-* отдает предпочтение временной шкале, префикс *при-* функционирует как некий ограничитель результирующего состояния, в то время как префикс *под-* связывает событие со степенью, которая может быть либо ниже максимальной (если таковая вообще существует), либо ниже контекстуально заданного значения.

Что касается исходного, базового глагола, к которому присоединяются префиксы, традиционно считается, что делимитативы с *по-* мотивированы имперфективной основой: *по-торговать*, *поохотиться*, *поносить*, а аттенуативы (с префиксами *по-*, *под-*, *при-*) производны от основ совершенного вида (Исаченко 2003 [1960], Зализняк, Шмелев 2000): *попридержать*, *поразмислить*, *поразвлечь*; *подзабыть*, *поднакопить*, *подзакусить*; *привстать*, *прилечь*, *приутихнуть*. В первом случае действие ограничено в своей длительности, а во втором речь идет о действиях, смягченных с точки зрения интенсивности. Иными словами, аттенуативы в отличие от делимитативов производятся не «некоторое время», а «слегка, отчасти, немного» (Исаченко 2003 [1960]: 239). Тем не менее, в специальных работах по словообразованию приводятся примеры аттенуативов с мотивирующей основой несовершенного вида: *подлечить*, *подладить*, *притаять*, *припачкать*, *приболеть* (Улуханов 2017).

Ниже мы рассмотрим, каким образом семантика префикса влияет на реализацию неопределенного гомогенного процесса и кратко остановимся на контекстах употребления глаголов деятельности с некоторыми типами наречий.

2.1. Прагматические функции префиксов, присоединяемых к глаголам деятельности несовершенного вида

Для более полного понимания того, каким образом семантика префикса влияет на реализацию неопределённого гомогенного процесса, остановимся кратко на контекстах употребления глаголов деятельности с наречиями времени и степени. Речь идет о гомогенных ситуациях, которым не присуще поступательное развитие и которые можно прервать и начать заново в любой момент. Тем не менее, их осуществление может предполагать как бóльшую или меньшую длительность процесса, как видно из примеров (16) – (19), так и бóльшую или меньшую его интенсивность, как в примерах (20) – (23):

(16) Студенты его обожали, после каждой лекции вставали и долго **аплодировали** (НКРЯ)

(17) Всички народни представители от опозицията стават прави, продължително **ръкопляска**т и викат “Ура!”¹⁵

(18) Что ж, сыграю комедию, чтобы человек, которым я восхищаюсь, был счастлив! Я недолго **играл** эту комедию (НКРЯ).

(19) а. Он танцевал до тех пор, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, как водится в таких случаях, в кружок, наконец плюнула и пошла прочь, сказавши: «Вот это как долго **танцует** человек!»

б. Игра, докато настъпи време за закуската, и слугите, които го бяха заобиколили в кръг, както става в такива случаи, най-после плюха и си отидоха, като казаха: “Виж го колко дълго **игра** човекът!” (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

¹⁵ <https://books.google.bg/books?id=VDY2IOJhTgAC&pg=PA187&lpg=PA187&dq=#v=onepage&q&f=false> – последнее обращение 16.08.2020.

(20) а. Смотрит Настя в зал, изменения отмечает: чем больше врагов из зала выводят, тем яростнее зал оратору **аплодирует**.

б. Гледа Настя салона и констатира промените: колкото повече врагове извеждат от салона, толкова по-яростно **аплодира** салонът на оратора (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(21) а. [...] и целая гурьба растрепанных мужчин, тех самых любителей пения, которые так усердно **хлопали** Зое, высыпала на дорожку.

б. [...] и една група чорлави мъже, същите ония любители на пеенето, които така усърдно **ръкопляскаха** на Зоя, изсочиха на пътеката (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(22) а. Когда-то Мересьев лихо **плясал** «Русскую» и старые танцы, какие играл в камышинском городском садике оркестр пожарной команды.

б. Някога Мересиев буйно **танцуваше** “руската” и старите танци, които оркестърът на пожарната команда свиреше в камышинската градска градина (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(23) а. У публики Катаев прошел средне, **хлопали** ему вяло, так же вяло **хлопали** и Яновскому.

б. Публиката не посрещна защитата на Катаев с голям възторг, **ръкопляскаха** му вяло, също тъй вяло **ръкопляскаха** и на Яновски... (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

В некоторых случаях, как, впрочем, и следует ожидать, в обоих языках малая длительность сочетается с низкой интенсивностью (24) и наоборот (25):

(24) а. Все присутствовавшие недолго **аплодировали**. Впрочем, достаточно сдержанно.¹⁶

б. От два дни просто почти не се храни. **Суче** кратко и вяло.¹⁷

(25) а. Севастопольцы бурно и продолжительно **аплодируют** речи Путина.¹⁸

б. Народните представители, министрите и гостите стават, бурно и продължително **ръкопляскаат**.¹⁹

Как видно из примеров, и русские, и болгарские глаголы могут выражать действия, предполагающие разную степень интенсивности, что выражается в присоединении наречий, называющих проявление признака, приближающиеся к двум крайним точкам шкалы (максимальной и минимальной: рус. *лихо* – *вяло*, болг. *буйно* – *вяло*). Тем не менее, представляется, что лексически гораздо полнее представлена гамма высокой степени признака (то, что можно также обозначить лексической функцией *Magn*): так, например, максимум проявления признака ‘одобрение’ при глаголе *аплодировать* по данным основного корпуса НКРЯ реализует длинный список (квази)синонимичных наречий.²⁰ Однако важен сам факт возможности градуирования проявления признака.

¹⁶ <https://books.google.bg/books?id=fBksdLtJai8C&pg=PT347&lpg=PT347&dq#v=onepage&q&f=false> – последнее обращение 16.08.2020.

¹⁷ <https://www.bg-mamma.com/?topic=31537> – последнее обращение 16.08.2020.

¹⁸ <https://oleg-leusenko.livejournal.com/2003166.html> – последнее обращение 16.08.2020.

¹⁹ <https://dnes.dir.bg/politika/nazad-v-istoriyata-pametnoto-glasuvane-za-nato-predi-15-g> – последнее обращение 16.08.2020.

²⁰ Показательны количественные данные, которые нам удалось выявить для некоторых сочетаний с наречиями высокой степени проявления признака: *бешено* (29), *стоя* (24), *неустово* (35), *бурно* (39), *горячо* (46), в то время как варианты слабой степени оказываются немногочисленными: *условно* (1), *вяло* (1), *сдержанно* (1), *жидко* (2), *вежливо* (4) – данные на 28.09.2020.

Помимо наречий, «длительную, но ограниченную во времени ситуацию» (Плунгян 2011б: 396), а также сниженную интенсивность деятельности в русском языке могут выражать и морфологические средства. Более того, в некоторых случаях избирательная, нерегулярная сочетаемость интенсификаторов сниженной степени проявления признака с глаголами деятельности может компенсироваться за счет присоединения префикса (см. примеры (26) – (29)). Так, например, более подходящими для выражения длительности или интенсивности, которые могут быть ниже некоторого общепринятого стандарта, оказываются глагольные префиксы *по-*, *при-* и *под-*. В русском языке они не только образуют перфективы от простых имперфективов, устанавливая для них, хотя и внешние, временные рамки, но и отсылают к некоторому недостигнутому стандарту осуществления действия. В болгарском присоединение к глаголам деятельности и семантика недостижения количественного и качественного стандарта действия характерна, как и в русском, прежде всего для префикса *по-*, как в примерах (26) и (27). Тем не менее, префиксы *под-* и *при-* также могут обозначать слабую степень совершения действия: хотя и редко, встречаются примеры типа (28) и (29).²¹

(26) а. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, **посердился**, а делать было нечего!

б. Като събудих казака с твърде неучтив ритник, аз му се поскарах, **посърдих се**, но нямаше какво да се прави! (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(27) а. Подождал Николас, дал ей еще немного **поплакать**.

²¹ Отметим, что префикс *при-* в значении совершения действия в слабой степени в современном болгарском языке считается непродуктивным (Грамматика 1998: 21). Что касается *под-*, то несмотря на то, что в грамматиках такое его значение отмечено (Грамматика 1998: 19), в толковом словаре БТР оно не указано.

б. Николас изчака, остави я да си **поплаче** (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(28) а. Огорчившись своим незнанием, пегий **подвыл** (НКРЯ)

б. С друга кърпа й **подсуших** косата, доколкото можах (БНК)

(29) а. Нельзя сказать, что концерт был левый, но полуофициальный. Володя **приболел** перед концертом, принимал антибиотик (НКРЯ)

б. Внезапно съвсем наблизю изтрещя гръмотевица. Спящият се пробуди, **привдигна се** (БНК)

Полученные префигированные глаголы в обоих языках могут сочетаться с различного рода наречиями длительности, равно как и с наречиями со смягчающей функцией. В первую очередь отметим, что глаголы, называющие ограниченное во времени действие²² могут сопровождаться наречием времени или различными обстоятельствами длительности, гармонирующими со значением префикса – см. примеры (30) – (33):

(30) Старичок, с которым я познакомился в Риме на толкучке, признавался, что мечтает успеть хоть немного **поторговать** (НКРЯ)

(31) – **Поторговал** несколько минуток – и семьдесят пять копеек заработал! (НКРЯ)

(32) а. Известие о назначении Крехтунова никого не удивило, чиновники коротко **поаплодировали** и приступили к вопросам.²³

²² В соответствии с семантикой префикса, который вносит значение совершения действия в течение какого-л., ч аще непродолжительного времени.

²³ https://www.znak.com/2016-06-27/nachalnikom_upravleniya_ekologii_chelyabinska_stal_eks_glava_rayona – последнее обращение 14.09.2020.

б. Те **порькопляскаха** малко и си заминаха без да им пука за усилията и страстта на актьора.²⁴

(33) а. Маруся говорит упрашивающе: – Ну, **посиди** еще, **поиграй** немного.

б. Маруся казва умолително: – Е, **постой** още, **посвири** малко (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

С другой стороны, есть немалое количество примеров,²⁵ в которых глагол с префиксом *по-* сочетается с наречиями с функцией AntiMagn (такими, как *слегка, сдержанно, просто, мягко, лениво, вежливо, насмешливо, снисходительно*). В примерах (34) – (37) семантика префикса *по-* ‘осуществление действия в несколько ослабленной степени’ как бы входит в противоречие со значением базового глагола ‘выражать одобрение какому-либо зрелищу рукоплесканием’. В результате, снижается релевантность (не только для говорящего, но, в результате, и для слушающего) позитивной оценки, составляющей ядро значения глагола *аплодировать*, а к этому добавляется семантика сниженной интенсивности самого наречия. В результате, значение длительности уходит на второй план, а глагол приобретает нейтральное событийное значение. Судя по параллельным болгарским примерам, сказанное можно отнести и к болгарскому языку²⁶.

²⁴ <https://dariknews.bg/regioni/bugas/izbornite-uspehi-i-izbornite-provali-v-burgas-797510> – последнее обращение 14.09.2020.

²⁵ По данным НКРЯ глагол *поаплодировать* сочетается с наречиями сниженной интенсивности в двадцати трех примерах из тридцати (на 28.09.2020).

²⁶ Тем не менее, надо отметить, что таких примеров не так много. Мы не нашли словосочетание *сдържано порькопляскаха*, хотя нашими информантами оно указывалось как возможное. Предлагался, например, такой вариант перевода: ‘И започнаха импровизирани четения... За гробовете, за изкуплението, за огнената геена и т.н. Сдържано му *порькопляскаха*’. Возможен также и вариант с глаголом *изрькопляскам*, в котором однако префикс *из-* привнесит дополнительное значение внезапности.

(34) а. Присутствующие ничего толком не поняли, о чем речь, но **пооплодировали** для приличия выкрикивая проблемы с места: фонари по ночам не горят, нас бог не видит, и поэтому подъезды не отремонтированы и воды горячей нет.²⁷

б. **Порькопляскаха** от приличие, със снизходителна усмивка. Преживя всичко като тежък не успех.²⁸

(35) а. Партийных иерархов насторожил агресивно-наступательный тон выступления. Оратору на всякий случай слегка **пооплодировали** (НКРЯ)

б. Някакви си там дечица отишли да попеят [...] и разни хорица им **порькопляскали** малко и гласували два-три пъти за тях по телефона...²⁹

(36) а. Студенты вежливо **пооплодировали**, но Павел Николаевич видел: никто, кроме толстого ректора, не воспринял сказанное всерьез (НКРЯ)

б. Министър-председателят и присъстващите официални лица ще трябва със сериозни лица да изслушат горното. След това учтиво да **порькопляскаат**.³⁰

(37) И начались импровизированные чтения. [...] Про гробы, искупление, геенну огненную и так далее. Ему сдержанно **пооплодировали** (НКРЯ)

С другой стороны, если тип действия не предполагает возможности оценки (38), то можно говорить только о внешних временных границах состояния, но не об однократном событии:

²⁷ <https://books.google.bg/books?id=fRStDwAAQBAJ&pg=PT72&lpg=PT72&dq#v=onepage&q&f=false> – последнее обращение 14.09.2020.

²⁸ http://kova4ev2012.blogspot.com/2014/07/blog-post_15.html – последнее обращение 14.09.2020.

²⁹ <http://magikaa.blog.bg/lifestyle/2009/11/22/quot-tancyt-na-rosinka-quot.440928> – последнее обращение 14.09.2020.

³⁰ <http://oshte-info.de-zorata.de/oshte.info/004/11/0211/01.htm> – последнее обращение 14.09.2020.

(38) Она называла его по-старинному: Петербург, хоть он уже успел и Петроградом **поназываться** (пример из: Улуханов 2017: 121)

Как видим, семантика низкой интенсивности указанных наречий вполне соответствует и делимитативной, и аттенуативной семантике префикса *по-* (см. в связи с этим ниже пример (39)). Именно поэтому на наш взгляд возможно одновременное сочетание с адverbиалами как с делимитативным значением (ограниченности во времени), так с аттенуативами (наречиями слабой интенсивности), как в примере (39), что говорит об их общей семантической базе, проявляющейся именно в семантике префикса *по-*:

(39) После всего этого публика «Олимпийского», жидко **поплодировав** минуты три и поняв, что ждать от сбежавшей за кулисы Бритни больше нечего, сама побежала к выходу.³¹

В следующих примерах (40) и (41) также наблюдается полная гармония значений русских префиксов *под-* (40) и *при-* (41) и семантики наречий слабой степени проявления признака. Болгарский язык тоже представлен префиксами *при-* и *под-* (см. соответственно примеры (41) и (42)), хотя недостижение стандарта действия характерно прежде всего для префикса *по-* (см. болгарский перевод русского примера в (40)):

(40) а. Он скучно прошелся в приемную и легонько **под-выл** там на собственное отражение.

б. Разходи се без ишах из приемната и тихичко **пови** там срещу собственото си отражение (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

³¹ https://www.trud.ru/article/24-07-2009/225734_printsesssa_tsirka.html – последнее обращение 14.09.2020.

(41) а. В связи с этим мы несколько **придержали** поставки новых товаров (НКРЯ)

б. Леко ме **приболя** коремът. Беше ясно. Раждах.³²

(42) Когато оформяте косата си с четката, не започвайте с напълно мокра коса – тя трябва да се **подсуши** леко с кърпа.³³

Тем не менее, примеры, обнаруженные в НКРЯ, показывают, что семантика полученного перфектива связана с количеством в той степени, в какой количество определяет достижение нормы. Так в примерах (43) и (44) имеется в виду та мера действия, которая бы обеспечила достижение такого результата, который бы соответствовал некоему [минимальному] стандарту. Очень часто для этого необходимо совершить необходимую и достаточную (часто небольшую) порцию действия (процесса).

(43) **Подлечат** тебя там, **подкормят**, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернешься к нам, – посмотрим, куда тебя определить (НКРЯ)

(44) Азотом, фосфором и калием мы через листья можем только **подкормить**, а не накормить растения; только дополнить, а не заменить основное – корневое питание – немного, недостаточно для достижения полного необходимого объема (НКРЯ)

Как в русском, так и в болгарском языке низкая интенсивность деятельности может также проявляться на уровне всего высказывания (45):

³² <https://mamaninja.bg/деца/здраве/itemlist/user/56-ninja-editor?limit=8&start=144> – последнее обращение 14.09.2020.

³³ <http://eva.bg/article/30968> – последнее обращение 14.09.2020.

(45) а. Публика снисходительно отнеслась к юной певице. Мне даже **поаплодировали**, но зажечь аудиторию я не смогла.³⁴

б. Много толерантен е българският зрител. Вместо да ос-
вирка поредното недоразумение, **поръкопляска, по-
ръкопляска**, пък си отиде... за да не се върне ско-
ро.³⁵

Таким образом, мы видим, что слабая степень интенсивности может получать выражение и за счет деривационных механизмов: присоединение в русском языке глаголами действительности некоторых префиксов приводит к образованию глаголов совершенного вида, не просто называющих ограниченное во времени действие (в случае префикса *по-*) или действие малой интенсивности, указывающее на ослабленную реализацию ситуации (к этой категории относятся префиксы *по-*, *под-*, *при-*), но и обладающего легко градуируемой семантикой, предоставляющей широкие прагматические возможности.

Наивысшая форма проявления феномена интенсификации обнаруживается в несовместимом на первый взгляд сочетании наречий большой интенсивности с перфективами, полученными путем присоединения префиксов *по-*, *под-*, *при-*³⁶, см. ниже примеры (46) – (49):

(46) [...] за счет чего можно сократить рост бюрократии. «За счет ее обрезания», – сострил Немцов, чем немало **повеселил** публику (= сильно развеселил) (НКРЯ)

³⁴ <http://www.frmusique.ru/artists/mathieu/mm1.htm> – последнее обращение 14.09.2020.

³⁵ http://www.online.bg/kultura/my_html/2389/c-andersen.htm – последнее обращение 14.09.2020.

³⁶ Надо отметить, что префиксы *под-* и *при-* в болгарском языке имеют также начинательное значение: (соответственно ‘начало на действие’ и ‘внезапно начало на действие или состояние’), которое мы здесь не рассматриваем. См. также выше сноску 4.

(47) а. Эти тучи песка, приносимые из степи, называли «камышинский дождик», и многие поколения камышинцев жили мечтой остановить пески, вволю **подышать** чистым воздухом.

б. Тия облаци прах, донасяни от степите, наричаха “камишински дъждец” и много поколения камишинци живееха с мечтата да спрат пясъците, **да подишат** до насита чист въздух (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(48) а. Как-то в детстве я крепко **приболел** воспалением лёгких, и меня приходила колоть антибиотиками дородная медсестричка по имени Дора Марковна, с такой же походкой (НКРЯ)

б. Някои казват имало нужда и от хлебарки. Може би – в Тайланд ги ядат силно **припържени**.³⁷

(49) а. Ржаной хлеб нарезать кусочками и крепко **подсушить** в духовке.³⁸

б. За да не изхабявам торбичката за нещо толкова дребно я изплакнах, **подсуших** добре и замразих в нея зрънцата нар.³⁹

Такого типа сочетания возможны в первую очередь именно ввиду композиционального характера приставочного глагола. По-видимому, действие семантики наречия интенсивности может распространяться как на корень, так и на префикс. Воздействуя на семантику корня, наречия низкой степени интенсивности, гармонируя с аттенуативным значением префикса, поддерживают и усиливают его. Со своей стороны, наречия высокой интенсивности нейтрализуют семантику пониженной интенсивности префикса, оставляя за ним только его перфек-

³⁷ <http://old.segabg.com/replies.php?id=91201&p=3> – последнее обращение 18.09.2020.

³⁸ <https://usadyba9.ru/kvas/> – последнее обращение 18.09.2020.

³⁹ <https://www.pickyeatersdiary.com/blog/2020/2/12/vegan-pomegranate-cake> – последнее обращение 18.09.2020.

тивирующие функции – таким образом префикс вносит только значение достижения результата однократного действия наподобие того, как это происходит у таких глаголов как *построить / постройка, приготовить / приготвя, подписать / подписа*, которые не предполагают градуирования действия. Развитие «самостоятельного» (без поддержки наречием) аспектуального значения русского префикса *по-* можно показать на примере (50), где контекст последовательных однократных и законченных действий позволяет интерпретировать значение глагола с префиксом *по-* как обычное для совершенного вида событийное значение.

(50) Выпрямилась, **поаплодировала** залу и гордо пошла к лестнице (НКРЯ)

Похожие контексты рассматриваются во многих работах о делимитативах. В работе (Dickey, Hutcheson 2003). В ней авторы ссылаются на исследование Lehmann 1988, в котором делимитативы с префиксом *по-* рассматриваются как функциональные партнеры глаголов деятельности. Отмечается, в частности, что в специфических для совершенного вида контекстах в русском языке, например, “in a narrative sequences of events” (Dickey, Hutcheson 2003: 25) на первый план выходит такая важная для осуществления коммуникативного намерения особенность делимитативного глагола, как его видовая характеристика⁴⁰ (Lehmann 1988: 177, см. также Леман 1997). Возвраща-

⁴⁰ Такое же употребление встречается в западных болгарских диалектах, где, например, непереходный глагол СВ *поора* [вспахать] называет законченное результирующее действие (Лани не съм га ни узимал, *поора* ми Манол с тракторат [‘в прошлом году я их не брал, мне *вспахал* Манол трактором’]), в то время как в литературном языке глагол *поора* имеет только делимитативное значение (‘ора малко, за кратко време’): Ти седни да си хапнеш, а пък аз ще **поора** малко, докато си почиваш [‘ты сядь поешь, а я попашу маленько, пока ты будешь отдыхать’]. Кстати, в украинском языке, глагол *поорати* совмещает два значения: результиativa (*Зорати що-небудь*) и делимитатива (*Орати якийсь час*).

ясь к примеру (50) отметим также, что такого типа фразы рассматривались и в работе Барентсен 1998, где вводится для русского перфектива признак «секвентная связь», распространяющийся в том числе на аористическое значение форм прошедшего времени глаголов совершенного вида при передаче цепи сменяющихся событий (1998: 50-52). Ср. также «В нарративном режиме [...] мы наблюдаем простое «встраивание» не достигающих предела ситуаций в нарративную цепочку» (Федотов, Чуйкова 2016: 69).

Прагматическая ценность префикса в примере (51), в котором аттенуативный характер префигированного глагола в сочетании с интенсифицирующей семантикой наречия *горячо*, допускает специфическое ироническое прочтение ситуации:

(51) В лучшем случае зритель готов некоторое время вежливо созерцать театральное действо и горячо **поплодировать** в финале, особенно если дорого заплатил за билеты. Кстати, зритель, оплативший дорогие билеты, подсознательно не хочет чувствовать себя одураченным и подчас упорно уходит от дискомфорта состояния в произвольную имитацию якобы полученного удовольствия (НКРЯ)

2.2. Прагматические функции префиксов, присоединяемых к событийным глаголам совершенного вида

Ниже мы перейдем к рассмотрению семантико-прагматических эффектов, получаемых в результате присоединения рассматриваемых префиксов к событийным (чаще всего уже префигированным) перфективам.

Для некоторых глаголов с префиксом *по-*, образованных от предельных глаголов совершенного вида, возможно сочетание с выражением длительности процесса (52), что предполагает его интерпретацию как темпорально ограниченного действия:

(52) а. 3-го марта в ночь я приехал в Чудово, чтобы **поотдохнуть** два-три дня.⁴¹

б. Цареше спокойствие и аз си позволих да **поотпочина** няколко часа.⁴²

На самом деле то же относится и к мотивирующему глаголу *отдохнуть*, который рассматривается в работе Плунгян 2011б как исключение. В частности, В.А. Плунгян по поводу русского *отдохнуть* в контексте *отдохнул две недели* отмечает, что «такое поведение для русского глагола СВ нетипично» (Плунгян 2011б: 414). Однако возможность присоединения префикса *по-* говорит как раз о том, что событие ‘отдохнуть’ можно рассматривать не только (и не столько) с точки зрения простой длительности во времени (что действительно не характерно для глаголов СВ событийного характера). Скорее всего, здесь мы имеем дело с субъективной оценкой полноты называемого результирующего состояния. Приблизительно так же обстоит дело и с обстоятельствами длительности, которые можно рассматривать не столько как количественно-временные показатели (некоторое, незначительное время, недолго: *немного почитать, немного поговорить*), а как синонимы наречия степени *немного* (в некоторой степени; чуть-чуть, слегка: *немного загореть, немного рассердиться, немного устать*). Таким образом событие градуируется по степени соответствия его результата ожиданиям говорящего (или некоторому общепринятому стандарту).

Тем не менее, более характерно для префикса *по-*, а также для префиксов *под-* и *при-* в русском языке выражение ослабленной интенсивности действия, как в сочетании с наречиями низкой интенсивности со значением ‘в некоторой степени’ (примеры (53) – (55)), так и без них (см. ниже):

⁴¹ <http://uspenskiy.lit-info.ru/uspenskiy/pisma/pismo-312.htm> – последнее обращение 18.09.2020.

⁴² <https://chitanka.info/text/670/7> – последнее обращение 18.09.2020.

(53) По ходу прощания все назывались [...] и все целомудренно чмокали девушку в щечку; один лишь полковник Гуляй слегка **попридержал** ее за бедра (НКРЯ)

(54) а. А с годами бывшая Светлана, ставшая сначала Лялечкой, потом Элеонорой, потом Элеонорой Ивановной, как-то **пообвыкла**сь.

б. А с годините бившата Светлана, превърнала се първоначално в Лялечка, после в Елеонора, а сетне и в Елеонора Ивановна, **попривикнала**. (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(55) а. Отец слегка **подвыпил**, спросил Мэра, можно ли ему до конца доверять, ибо возможны политические осложнения (НКРЯ)

б. А снощи леко **се понапих** с бяло вино, покрай рибната вечеря...⁴³

Во всех приведенных выше примерах (53) – (55), наречие гармонирует с префиксом пониженной интенсивности, как бы дублируя его семантику. Когда глагол употребляется без наречия, как в примерах (56) – (58) то высвечивается основное значение префиксов ‘немного, частично’:

(56) а. Поставив ухо торчком, Ташчайнар **приподнял** свою угловатую, тяжеловесную голову, [...]

б. Наострил ухо, Ташчайнар **понадигна** ъгловатата си тежка глава [...] (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(57) а. Потом-то **попривыкла**, стала подпускать к себе воспитательницу, Сашку, даже мужичков, но настороженно, с оглядкой.

⁴³ <https://www.bg-mamma.com/?topic=245420.1140> – последнее обращение 18.09.2020.

б. После **посвикна**, започна да пуска възпитателката, Сашка, дори малките мъже, но все някак предпазливо, плахо (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

(58) а. Тут все дружно стали хаять Россию, а Сеппинг Райт, **подвыпив** «банзая», хвастал, что хорошо изучил русских [...]

б. Тогава всички започнаха единодушно да хулят Русия, а Сепинг Райт, **понапил се** с “Банзай”, се хвалеше, че добре е опознал русите [...] (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ).

И в этом случае всем трем русским префиксам (*по-*, *под-*, *при-*) в болгарских переводах параллельного подкорпуса НКРЯ соответствует один префикс *по-*, концентрирующий в себе оценку интенсивности как не соответствующую некоторому стандарту или норме.

Все рассмотренные выше случаи показывают семантическую близость количественной и качественной оценки действия – как в случаях, когда мотивирующим глаголом является глагол деятельности, так и тогда, когда им является событийный перфектив, количественная характеристика может переходить в субъективную оценку качества.

Тем не менее, имеются случаи (примеры (59) – (62)), когда русские глаголы семантикой пониженной интенсивности (с префиксами *по-*, *под-* и *при-*) сопровождаются наречиями с противоположным значением большой интенсивности:

(59) В Высокинцах на дневке люди **поотдохнули** совершенно и достаточно погуляли, потому что в селе был праздник и жители угощали их хорошо (НКРЯ)

(60) Я стал убеждать Вл. Ил., что ему необходимо хорошенько **поотдохнуть**, бросить на время всякие дела, пожить просто растительной жизнью.⁴⁴

⁴⁴ <https://www.litmir.me/br/?b=285550&p=40> – последнее обращение 18.09.2020.

(61) Соответственно, я сильно **приотстал** в современных знаниях как клиники, так и диагнозов, и современных методах лечения, и в современных препаратах...⁴⁵

(62) Основательно **подзакусив**, милиционер Свистулькин снова забрался в постель и решил поспать еще чуточку (НКРЯ)

Особенностью примеров (59) – (62) является то, что возникающее противоречие между семантикой префикса и наречия разрешается в пользу наречия, которое как бы нейтрализует семантику префикса, и в результате, определяет базовый глагол СВ. В болгарском языке в таких контекстах (см. примеры (63) – (66) используются преимущественно глаголы с префиксом *по-*:

(63) По някое време през годините сложих и очила (-0.5), но след като си продадох компютъра, **поотпочинах** си 5 – 6 месеца и се занимавах с друга електроника – вече не ми бяха нужни.⁴⁶

(64) Доста **поизостанах** с темата, но се опитвам да ви следя и да си записвам нови заглавия!⁴⁷

(65) [...] вечерта бяхме в едно страхотно ресторантче, където всичко беше толкова вкусно, че доста си **похапнах**.⁴⁸

⁴⁵ <https://zen.yandex.tm/media/id/5dc139c2c7e50c00ae4be613/vnebolnichnaia-pnevmonia-ia-proshu-kollegvrachei-prosvetit-menia-chto-eto-takoe-5ede3cc01ef21d6c7ddc51> – последнее обращение 18.09.2020.

⁴⁶ <http://clubs.dir.bg/showflat.php?Board=computers&Number=1939426976&page=135&view=expanded&sb=1&part=all&vc=1> – последнее обращение 18.09.2020.

⁴⁷ <https://m.bg-mamma.com/?topic=793875.645> – последнее обращение 18.09.2020.

⁴⁸ <https://chick-chat.org/index.php?action=printpage;topic=2399.0> – последнее обращение 18.09.2020.

Более того, те же наречия высокой интенсивности встречаются и с исходными глаголами (*сильно отстал, крепко закусил, доста изостанахме, яко хапнахме*). Это говорит о том, что возможность присоединения событийными перфективами префиксов из семантической категории делимитативов и аттенуативов хотя и добавляет семантический компонент «реализация действия ниже стандарта», но не выводит их из класса градуируемых и не устанавливает запрет на использование наречий высокой интенсивности. В результате, присоединение наречий степени или интенсивности как ниже нормы (как бы гармонирующее со значением префикса), так и выше нормы (как бы ему противоречащее) практически не зависит от наличия или отсутствия делимитативного или аттенуативного префикса. Иными словами, на самом деле такие сочетания надо рассматривать как обычное присоединение наречия степени к любому слову из класса *degree words*.

В чем же тогда роль префиксов? Нам представляется, что семантический вклад рассмотренных префиксов в случае присоединения к глаголам совершенного вида выражается в том, что их наличие усиливает прагматический потенциал базовых глаголов, позволяя говорящему – сознательно или несознательно – снизить значимость самого действия или его результата, поставить его под сомнение или оставить вообще вопрос о результате неясным (ср. *подустать, поотдохнуть, приобнять, поотпочина, поизостана*), но при этом не накладывает ограничений на использование интенсификаторов другого рода.

2.3. Вторичная имперфективизация делимитативов и аттенуативов в их функции интенсификаторов

Рассмотрим сначала ситуацию в болгарском языке, где делимитативы совершенного вида формально (и функционально) соотносятся с вторичными имперфективами. Более того, вторичные имперфективы в болгарских толковых словарях представлены в одной словарной статье в качестве видовых коррелятов префигированных перфективов. При этом вторично имперфективированные глаголы, имеющие семантику повторяющегося (непродолжительного) действия, сохраняют оценочное значение, присущее мотивирующему глаголу.

Еще одна из ожидаемых характеристик вторичных имперфективов от делимитативов – это преобладание в их семантике итеративного компонента, как в примерах (66) и (67), которым они отличаются от глаголов, для которых префикс *по-* является внутренним и которые реализуют актуально-длительное значение, как в примере (68).

(66) Ще си **повървявам**^{НСВ} малко пеш, но няма как.⁴⁹

(67) Обича източни приказки и сам **пописва**^{НСВ} разказчета (БНК)

(68) – Какво правиш тук? – **Почиствам**^{НСВ} тоя капан (БНК)

Для болгарских вторичных имперфективов с делимитативным *по-* не характерно актуально-длительное значение. Эту особенность можно объяснить акциональной семантикой глагола совершенного вида: реализация действия, выражаемого нерезультативными глаголами *попиша*^{СВ} и *поработя*^{СВ} не требует предварительной фазы, приводящей к качественному из-

⁴⁹ <http://forums.mbclub.bg/topic/18052-чат-тема/page-998> – последнее обращение 18.09.2020.

менению, поскольку, во-первых, такого изменения не происходит, и во-вторых, осуществленность действия обеспечивается самим фактом его наличия (даже при минимальной его длительности). Именно поэтому для *повървявам*^{НСВ} (66) и *пописвам*^{НСВ} в (67) основным значением является итеративизация темпорально ограниченного процесса, и этим они отличаются, например, от глагола *почиствам*^{НСВ} (с внутренним *по-*) в (68), выражающего процесс перехода объекта в качественно новое состояние (*почистя*^{СВ}) и предполагающего обязательное наличие предварительной подготовительной фазы, которая и выражается имперфективом *почиствам*^{НСВ} (наряду с *чистя*^{НСВ}).⁵⁰

Кроме того, болгарские вторичные имперфективы без ограничений используются в настоящем историческом времени, как в (69) и (70), в качестве соответствий глаголов СВ в форме аориста, тем самым позволяя применить к ним критерий Маслова:

(69) Не променя решението си и след като **поживява**^{НСВ} сред англичаните (БНК) (ср. Не промени решението си и след като **поживя**^{СВ} сред англичаните)

(70) Свършваме с яденето. Помагам на Силвия да прибере и после **посеद्याме**^{НСВ} известно време (БНК) (ср. Помогнах на Силвия да прибере и после **поседахме**^{СВ} известно време)

Что касается русского языка, надо отметить в первую очередь, что считается, что в русском языке делимитативы с префиксом *по-* не образуют видовой пары с исходным простым (базовым) имперфективом. Более того, они не предполагают процесса вторичной имперфективации (Зализняк, Шмелев 2000: 112, Зализняк, Анна А. и др. 2015: 129-131), поэтому как правило, их относят к глаголам *perfectiva tantum*.

⁵⁰ Ср. также словарные дефиниции таких пар глаголов: «попи́свам *нсв.*, попи́ша *св. прх.* Пи́ша малко или от време на време»; «полежа́вам *нсв.*, полежа́ *св. нпрх.* Лежа малко или от време на време».

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении таких глаголов несовершенного вида, как *посиживать*, *полеживать*, *покашливать*, *почитывать*, *поглядывать* и других подобных, которые в русском языке не образуют видовой пары с глаголами СВ *посидеть*, *полежать*, *покашлять*, *почитать* и *поглядеть*, поскольку они, согласно традиции, словообразовательно не связаны⁵¹ и относятся к двум разным способам действия (первые к прерывисто-смягчительному, а вторые – к делимитативному). Приведем здесь принятые в русистике определения двух способов действия:

а) *делимитативный способ действия*: «Глаголы этого класса описывают некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую⁵² и ограниченную временем, в течение которого оно производилось» (Зализняк, Анна А. и др. 2015: 118 – разрядка наша, С.С.)

б) *прерывисто-смягчительный способ действия*: «Глаголы этого класса образуются от глаголов, обозначающих непрерывные процессы и (реже) состояния, и значат ‘делать что-то время от времени и понемногу’» (Зализняк, Анна А. и др. 2015: 130 – разрядка наша, С.С.)

Если основываться на приведенных дефинициях, а также с учетом того факта, что и тот и другой класс глаголов образует-

⁵¹ К примеру, считается, что *почитывать* не является производным от *почитать*^{СВ}, а образуется напрямую от *читать*^{НСВ} с помощью форманта *по...-ыва-* (Зализняк, Шмелев 2000: 112; Зализняк, Анна А. и др. 2015: 129-131).

⁵² Здесь необходимо отметить подробный анализ семантики делимитативов в русском языке в сопоставлении с западнославянскими языками в Петрухина 2000. В частности, в работе отмечается, что выражение делимитативами продолжительного действия может быть следствием «взаимодействия рациональной и эмоциональной оценки действия говорящим». Именно результатом такой субъективной оценки и являются эмоционально-окрашенные синтаксические конструкции типа *Ну, мы и поспали!* *Ну, и повозились мы вчера с машиной!*, действие в которых воспринимается как продолжительное (Петрухина 2000: 150). По нашему мнению, именно наличие яркого оценочного компонента привело к развитию специальных, прагматически нагруженных, функций у глаголов с *по-* как в русском, так и (в еще большей степени) в болгарском языке, о чем будет сказано ниже.

ся от глаголов со значением неопределенного процесса, то можно определить глаголы СВ типа *посидеть* как однократные делимитативы, а глаголы типа *посиживать* – как неопределенно-кратные делимитативы.⁵³ Более того, как мы увидим далее, оттенок субъективной оценки длительности действия ('меньше нормы'), привносимый префиксом *по-* в значение глагола совершенного вида, приводит к развитию дополнительных прагматических нюансов у производных вторичных имперфективов.

Обращение к примерам (71) и (72) показывает формальный и функциональный параллелизм в употреблении русских и болгарских глаголов с префиксом *по-* и суффиксами вторичной имперфективации:

(71) а. Сестричка **поглядывала**^{НСВ} на Валеру и (по глазам было видно) улыбалась.

б. Сестриката го **поглеждаше**^{НСВ} и по очите ѝ личеше, че се усмихва (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(72) а. К тому же болеет туберкулезом, пусть погрееется на солнце, вон он какой худой, сутулый, **покашливает**^{НСВ}, смотрит исподлобья, врачи доложили – долго не протянет.

б. При това е бил болен от туберкулоза, да се попече на слънце, я какъв е слаб, прегърбен, **покашлюва**^{НСВ}, гледа изпод вежди, лекарите му докладваха – няма да изкара дълго (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

Приведенные параллельные примеры говорят о том, что в обоих языках рассматриваемые вторичные имперфективы могут совмещать значения неопределенной кратности суффикса и делимитативности префикса. Явление, определяемое как регулярное для болгарского языка, в русском (и вообще, в сла-

⁵³ См. об этом также точку зрения, предложенную в работе Татевосов 2009: 133-134

вянских языках) оценивается Ю.С. Масловым как потенциальный словообразовательный механизм: «То, что говорится о болгарском языке, в значительной мере могло бы быть отнесено и к другим славянским. Однако ни в каком другом языке изложенные здесь принципы не получили столь последовательного развития, как в болгарском» (Маслов 1963: 164).⁵⁴ Имеется в виду «почти неограниченная способность имперфективации» перфективных основ как «основная и важнейшая особенность морфологической системы вида болгарского языка» (там же). Предрасположенность к образованию в русском языке вторичных имперфективов, синонимичных базовому глаголу несовершенного вида, ясно прослеживается и в НКРЯ: так например, из 106 найденных в Основном корпусе употреблений глагола *полеживать* (треть которых приходится на период после 1985 г.) абсолютное большинство может быть заменено на *лежать* в актуально-длительном значении (ср. примеры (73) – (75)):

(73) Забираем вещички – и по домам – Да погоди ты! – цыкнул на него тот, что **полеживал**^{НСВ} у двери (НКРЯ)

(74) И еще один, правда уже пьян, **полеживал**^{НСВ} на диванчике в полной отключке, но интеллигентно, то бишь сняв обувь и демонстрируя красивые носки (НКРЯ)

(75) Там вдали **посиживал**^{НСВ} праздно потеющий муж с преогромною кучерской бородою, в синей куртке, в смазных сапогах поверх серых солдатского цвета штанов.⁵⁵

⁵⁴ См. также Dickey, Hutcheson 2003, где утверждается, что делимитативы с *по-* в чешском, словацком, словенском и сербскохорватском менее продуктивны, чем в русском и болгарском (27).

⁵⁵ <https://www.livelib.ru/quote/65242-andrej-belyj-peterburg-andrej-belyj> – последнее обращение 18.09.2020.

Приведенные примеры показывают, что нельзя исключить развития прагматических (оценочных) значений префикса *по-* и у русских имперфективов, образованных от совершенных делимитативов.⁵⁶ Можно допустить, что в глаголах типа *полеживать* значение ограниченности во времени (присущее глаголу СВ *полежать*) сохраняется и итеративизируется ('лежать недолго неопределенное количество раз'). Однако, помимо этого, в таких конструкциях, как (73), (74) и (75), глаголы *полеживать* и *посиживать* можно трактовать как вторичные имперфективы от *полежать* и *посидеть*, имеющие тенденцию к развитию специфического прагматического значения, основанного на субъективной оценке ситуации говорящим.

Всеми исследователями, принадлежащими к болгарской лингвистической традиции, вне зависимости от того, рассматривают ли они аттенуативы отдельно от делимитативов или нет, отмечается снижение интенсивности названного основной действия (Матеев 1952, Иванова 1974, Деянова 1974). В работах, появившихся в последние два десятилетия⁵⁷ также делается акцент на меньшей по сравнению с нормой интенсивности действия: «действието се извършва в *относителна слаба степен* спрямо приетата за неутрална мяра, означена с непрефигираня глагол» (Зидарова 2008: 600 – выделено автором), что в принципе отражает традицию, намеченную еще в первых работах о семантике префикса *по-* в болгарском языке. Так например, Д. Матеев (кроме темпоральной) выделяет в качестве отдельной модальную функцию приставки *по-*, которая «съчетана с глаголи от свършен вид, означава вече “малка”, “слаба степен на силата”, сир. преминала е от измерение на време към измерение във сила или с други думи, преместила е значението си от областта на времето (“четвъртото измерение”) в модалната област (“петото измерение”))» (Матеев 1952:

⁵⁶ См. об этом также в Пазельская, Татевосов.

⁵⁷ Атанасова 2008, Зидарова 2008, Куртева 2007, Лесева 2011, Паскалев 2015, Първанов 2005, 2006; Чакърва 1998, 2003 и др.

78).⁵⁸ В работе Лилов 1964, посвященной диахроническим изменениям в семантике префикса *по-*, было установлено, что окончательное оформление аттенуативной функции *по-* (наряду с делимитативной) относится к среднеболгарскому периоду, т.е. к XII-XIV векам: «деминутивната⁵⁹ функция е започнала да се набелязва още в старобългарската епоха, оформила се е окончателно в среднобългарския период» (Лилов 1964: 148).⁶⁰

Болгарский префикс *по-* в своей аттенуативной функции присоединяется в основном к производным перфективным основам, называющим однократное результативное (событие) и, естественно, не выполняет видообразующей функции: *забърши*^{CB} → *позабърши*^{CB}, *прочета*^{CB} → *попрочета*^{CB}, *науча*^{CB} → *понауча*^{CB}, *забравя*^{CB} → *позабравя*^{CB}, *забавя*^{CB} → *позабавя*^{CB}.

В связи с вышеизложенным сделаем небольшое уточнение. Если *по-* присоединяется к переходному глаголу, чья основа называет предельный, контролируемый агенсом процесс, то скорее указывается на неполную (минимальную) степень распространения действия на объект, как в примерах (76) – (78):

(76) а. Из этих трех тысяч я удовлетворил кое-как на минуту кредиторов и остальное роздал, кому обязан был дать, и

⁵⁸ Ср. также следующее замечание: “Note also that adverbial-like prefix *po-* means ‘for a while’ when attached to the atelic root, but it changes its meaning to ‘a little’ when added onto an already telic stem” (Di Sciullo, Slabakova 2005: 68).

⁵⁹ В терминологии М. Лилова диминутивная функция соответствует как делимитативной, так и аттенуативной в современном понимании, в то время как выделяемая им для префикса *по-* дефинитивная функция ближе к современному предельному значению (Лилов 1964: 106 – 118).

⁶⁰ Автор отмечает также, что в среднеболгарский период «за първи път деминутивното *по-* е втора представка, която изразява оценъчното отношение на говорещия към действието» (Лилов 1964: 147, разрядка наша – С.С.). Имеются в виду такие словоупотребления, как *позабавиха* и *попочинуте*: «а тие, като се *позабавиха* слугите на повелението да го не сторѣтъ» и «и бистъ 40 дни егда соуста седе *попочинуте*») (там же).

затем поехал за границу, чтобы хоть каплю здоровьем поправиться и что-нибудь **написать**^{CB}.

б. С тези три хиляди задоволих криво-ляво за малко кредиторите, раздадох останалата част на този-онзи и заминах за странство, за да позакърпя поне малко здравето си и **да понапиша**^{CB} нещичко (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(77) а. А я здесь подслушивал, сидя на стуле, два вечера сряду, оба раза часа по два, – и, уж конечно, мог **узнать**^{CB} что-нибудь, как вы думаете?

б. А аз подслушвах тук, седнал на стола, две вечери подред и двата пъти около два часа – и, разбира се, могъл съм да **понауча**^{CB} нещо, как мислите? (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(78) а... но тот, сколько я о нем слышал, все-таки хоть что-то **читал**^{HCB}

б.... но оня, доколкото съм чувал, все е **попрочел**^{CB} нещичко (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

В других случаях можно говорить просто о снижении интенсивности или о слабой степени реализации действия как такового (79):

(79) а. Все вещи с полной готовностью открывали ему свои тайны, – казалось, он не познавал мир, а узнавал, словно бы не пришел на землю, а вернулся – как возвращаются из дальнего многолетнего путешествия домой, где все известно, знакомо, только слегка **забыто**^{CB}.

б. Всички вещи с пълна готовност му разкривали своите тайни – той сякаш не откривал света, ами го опознавал, сякаш не бил дошъл на земята, ами се връщал, както след дълго пътешествие човек се връща в къщи, където всичко му е познато, само че малко **позабравено**^{CB} (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

О таком распределении свидетельствуют и некоторые показатели контекста – такие, как неопределенные местоимения *нещо* (в уменьшительной форме *нещичко*) и *что-нибудь, что-то* в (76) – (78) и наречия степени *малко* и *слегка* в (79).

Во всех приведенных примерах однако присутствует оценка события говорящим. При этом, она может касаться не только и не столько неполноты или слабой степени реализации действия, выраженного глаголом с аттенуативным *по-*, сколько желания говорящего донести до слушающего свое (субъективное) восприятие события. Это подтверждается тем фактом, что аттенуативное *по-* присоединяется и к основам, не предполагающим ни длительности действия, ни сниженной интенсивности, т.е. речь может идти именно о субъективном оценочном отношении к ситуации (80) – (82).

(80) Колеги, мисля да **се поожения**^{CB} и си търся кадърен фотограф за меропрятието.⁶¹

(81)...мисля да си направя къща, **ще се поожения**^{CB}, и като си поуредя работите, пак мога да дойда.⁶²

(82) **Понамерих**^{CB} квартира (пример из Лилов 1964: 148, буквальный перевод: ‘Я немножко /слегка **нашел** квартиру’)

От полученных перфективов посредством стандартного механизма вторичной имперфективации в свою очередь образуются парные им глаголы НСВ с сохранением аттенуативной семантики префикса и с добавлением значения нерегулярной повторяемости: *постоя*^{CB} *се* → *постоявам*^{НСВ} *се*; *понауча*^{CB}

⁶¹ <http://www.photo-orum.net/forum/read.php?f=3&i=358586&t=357580> (букв. перевод: ‘Коллеги, собираюсь слегка **жениться** и ищу способного фотографа’) – последнее обращение 22.09.2020.

⁶² <https://petardanov.com/beseda.php?id=2333&status=1> (букв. перевод: ‘собираюсь построить дом, слегка **женюсь** и, как только устрою свои дела, приеду опять’) – последнее обращение 22.09.2020.

→ *понаучавам*^{НСВ}, *позабърша*^{СВ} → *позабърсвам*^{НСВ}; *позабавя*^{СВ} → *позабавям*^{НСВ}; *позабравя*^{СВ} → *позабравям*^{НСВ}.

Вторичные имперфективы, образованные от аттенуативов не предполагают актуально-длительного употребления, но возможны в итеративных контекстах (83) и в настоящем историческом времени (84) – так же, как и вторично имперфективированные болгарские делимитативы (см. выше):

(83) а. Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами **сбиваясь**^{НСВ} немного и **затягивая**^{НСВ} речь.

б. Беше пиян, но говореше красноречиво и енергично, като само от време на време **се пооплиташе**^{НСВ} малко и **се позабавяше**^{НСВ} (параллельный русско-болгарский подкорпус НКРЯ)

(84) Компютърът обаче е сложно устройство и аптекарката се **поуморява**^{НСВ} ⁶³.

Итак, глаголы совершенного и несовершенного вида, образующие аттенуативную видовую пару, отмечены общим признаком неполноты или слабой степени интенсивности совершаемого действия, а различает их признак неопределенной кратности, привносимый суффиксом вторичной имперфективации. В результате, глаголы типа *позабърша*^{СВ} будут относиться к *однократно аттенуативному*, а глаголы типа *позабърсвам*^{НСВ} – к *неопределенно-кратному аттенуативному* типу, а сама видовая пара будет тривиальной.

Подтверждением высказанной гипотезы могут служить следующие примеры, в которых находим как итеративное (85), так и процессное (86) значение вторичных имперфективов от русских аттенуативов с префиксом *по-*:

⁶³ <http://www.dnes.bg/izvanrelsi/2005/09/09/pytuvane-vyv-vremeto.12933> – последнее обращение 22.09.2020.

(85) Что же касается права быть избранным в совет, то мы никогда никому не говорили: «Ты недостойн быть в совете бригады», – а **попридерживали**^{НСВ} до поры до времени: «Тебе еще рано» (НКРЯ)

(86) Аггей Никитич, начинавший несколько **поотста-
вать**^{НСВ} от своей спутницы, погрузился было в сладкие грезы; но аптекарша снова велела кучеру ехать тише, так что Аггей Никитич опять поравнялся с нею (НКРЯ)

Необходимо отличать такие примеры от случаев с дистрибутивным *по-*, в которых, как правило, речь идет о множественных ситуациях, как в (87):

(87) Женихов пока **попридерживали**^{НСВ}. Решила Лисавента Николаевна, что сперва нужно выучиться дочери, а потом уж и за свадьбу.⁶⁴

Вторичные имперфективы от аттенуативов с префиксами *под-* и *при-* в русском языке образуются достаточно регулярно и используются, в основном, в их итеративном значении, привносимом суффиксом вторичной имперфективации *-ыва-* / *-ива-* – см. примеры (88) – (90):

(88) Когда кошка **приболевала**^{НСВ}, она гадила в кровать (НКРЯ)

(90) Проходили годы, мы все учились, Тамара работала, мама в последнее время работала секретарём, она понемногу **приболевала**^{НСВ}.⁶⁵

(91) За двухчасовой хронометраж я несколько раз **поду-
тавала**^{НСВ} от просмотра.⁶⁶

⁶⁴ <https://author.today/reader/52922/428159> – последнее обращение 22.09.2020.

⁶⁵ <https://proza.ru/2012/04/02/1629> – последнее обращение 22.09.2020.

⁶⁶ <https://irecommend.ru/content/u-kazhdogo-iz-nas-est-svoi-slabosti-no-u-vsya-kogo-li-est-smelost-risknut-i-izmenit-svoyu-zhi> – последнее обращение 22.09.2020.

Как видно из приведенных примеров, речь идет о неконтролируемых действиях, не имеющих целеполагания, употребление которых в актуально-длительном контексте затруднено. Наоборот, действия контролируемые агенсом, могут интерпретироваться и как процесс. Подтверждением сказанному могут служить следующие примеры (92) – (94), в которых значение вторичных имперфективов с префиксами *под-* и *при-* можно интерпретировать и как актуально-длительное.

(92) Одна из молодяшек поменьше очевидно устала и **приотставать**^{НСВ} начала (НКРЯ)

(93) Журкин, сладко **подзакусывая**^{НСВ}, загорался опять рассказать, какая нужда настала кругом и захиренье, и чтобы все его слушали, как родные, и сочувствовали. (НКРЯ)

(94) С этого момента он ехал молча, нарочно придерживал кобылу, норовя пропустить Макара хоть на пол-лошади вперед, но тот из опаски тоже **приотставал**^{НСВ} (НКРЯ)

Итак, в результате проведенного анализа можно сказать, что рассмотренные префиксы в обоих языках реализуют достаточно регулярно собственную семантику интенсификаторов. Тем не менее, их вклад в семантику производного глагола сильно зависит от контекста, поскольку значение префикса может поддерживаться, т.е. как бы дублироваться – в случаях сочетания с наречиями низкой интенсивности, но может так же легко нейтрализоваться – в случаях сочетания с наречиями высокой интенсивности.

В частности, это касается диминутивов, в которых исходный, мотивирующий глагол называет неопредельный процесс, а префикс *по-*, например, маркирует его внешние границы и подчеркивает ограниченную продолжительность этого процесса, т.е. реализация действия оценивается говорящим как ограниченная (в некоторых случаях ниже нормы) по временной (количественной, горизонтальной) оси развития действия.

Приставка *по-* при этом выступает своего рода количественным ограничителем этого действия (или состояния). Если же глагол попадает в «благоприятные» синтаксические условия, то он и вовсе может выступать как обычный перфектив, без дополнительных оценочных значений, типа «ниже нормы или стандарта».

Другая большая группа глаголов с префиксами *по-*, *под-* и *при-* в русском и *по-* в болгарском языках мотивирована глаголами совершенного вида (чаще всего приставочными). Здесь присоединение префикса не играет видообразующей роли, за ним остается только смягчающая, аттенуативная функция. Результатом взаимодействия двух аффиксов, аттенуативного и видового, становится особый прагматический эффект, который можно определить как ограничение степени ожидаемой ‘результативности’ глаголов СВ, в некотором смысле, ‘недостижение’ ими результата, привнесенного видовым аффиксом событийного глагола. Субъективная оценка выражается в подчеркивании реализации события, как бы ‘меньше нормы’, т.е. в минимальной степени по качественной вертикали совершения действия, неполноценность его совершения. При этом, тем не менее, возможна нейтрализация содержательной семантики аттенуативного префикса за счет лексических средств, а именно за счет присоединения наречий высокой степени интенсивности, значение которых распространяется на семантику корневой части событийного префигированного глагола. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с композиционным взаимодействием значений префиксов с семантикой глагольной основы – в первом случае это воздействие на параметр ‘длительность действия/состояния’, выраженного базовым глаголом, во втором – на параметр ‘степень достижения результата по отношению к норме’. Оба значения адвербиальны, в первом случае префикс выступает как ограничитель длительности, во втором – как интенсификатор.

Заключение

Подведем итоги. В настоящей работе мы рассмотрели некоторые особые случаи структурирования аспектуальной характеристики в высказывании в русском и болгарском языках. Проведенный анализ показал, что, помимо типичных способов выражения вида (аспектуально маркированные глаголы, однородные значения вида и времени), в обоих языках имеются случаи, в которых аспектуальная характеристика высказывания зависит и от других факторов. Главным образом, это синтаксические и прагматические особенности речевого акта. Мы показали, что не всегда видо-временная форма глагола является однозначным носителем аспектуальной характеристики высказывания. В целом ряде случаев необходимо учитывать синтагматические связи глагольного слова, характеристики лексического окружения, иллокутивные намерения говорящего.

Так, например, реализация конкретного аспектуального значения таких гибридных видо-временных форм, как совершенный имперфект в болгарском и совершенный презенс в русском предполагает наличие таких условий, при которых одно потенциальное значение блокируется, а другое актуализируется. Задача говорящего обеспечить все средства для возможной декодификации аспектуальной характеристики высказывания, а цель слушающего эту характеристику восстановить.

Кроме таких сложных видо-временных форм, в обоих языках имеется группа глаголов, не выражающих вид типичным для славянских языков способом. Эти глаголы являются неопределенными с точки зрения вида, так как они объединяют в себе характеристики как совершенного, так и несовершенного вида. Тем не менее, эти глаголы не остаются за пределами видовой системы русского и болгарского языков, наоборот, активный рост их числа и сохранение в языке приводит к использованию новых, аналитических способов выраже-

ния аспектуальной характеристики высказывания в обоих языках.

Другим важным значением, предполагающим специфические контексты и применение некоторых когнитивных усилий и активных действий для их интерпретации, является так называемое общефактическое значение глаголов несовершенного вида. В частности, его разновидности, которые в болгарском языке эксплицитно выражаются в видо-временных формах аориста, перфекта и имперфекта глаголов несовершенного вида, в русском языке выражаются имплицитно – это конкретно-референтная, экзистенциальная и неопредельная разновидность общефактического значения. Таким образом, форма прошедшего времени русских глаголов несовершенного вида актуализирует семантику соответственно аориста, перфекта и имперфекта в зависимости от конкретных контекстных условий (а также от акционального класса глаголов). Что касается форм будущего времени, то «называние факта действия» глаголом несовершенного вида в русском языке является редкостью (наиболее частотным является итеративная интерпретация). В болгарском, наоборот, основным значением грамматической формы будущего несовершенного в болгарском языке является именно общефактическое значение, поскольку процессность и итеративность, как правило, требуют специальных показателей.

Кроме того, в болгарском языке интерес представляет выражение общефактического значения в вопросах, оформленных при помощи частицы *да* (в так называемых независимых *да*-конструкциях). В вопросах с ‘*да* + форма настоящего времени’, которым в русском соответствуют вопросы с инфинитивом и с субъектом в дативе (если агенсом не является сам говорящий), реализуется общефактическое значение НСВ, называющее конкретное единичное действие, мыслимое как факт с оттенком значения ‘приступ к действию’ в конструкциях ‘предстоящего действия’. В плане прошедшего времени общефактическое конкретно-референтное и общефактическое экзистенциальное выражаются формами перфекта (‘*да* + форма

перфекта'). В первом случае такие вопросы соответствуют несовершенному аористу в вопросах без *да*, а в русском – обычному вопросу с глаголом несовершенного вида, называющим конкретно-референтное действие результативного характера, что и приводит к конкуренции с совершенным видом. Во втором такие вопросы коррелируют с обычными вопросами с несовершенным перфектом и их русскими соответствиями, относящимися к экзистенциальному подвиду общефактического значения. В этом случае конкуренции с совершенным видом не возникает.

Помимо особых случаев структурирования аспектуальной характеристики в высказывании в русском и болгарском языках и механизмов интерпретации, в работе рассмотрены также прагматические функции вида и времени глагола в различных речевых актах. Было показано, что с выбором вида глагола связаны возможность нарушения личного пространства адресата, угрозы его лицу, а также, наоборот, стратегии сохранения лица слушающего. Все это говорит о том, что видо-временные формы перформативных глаголов могут использоваться для выполнения функции регулятора межличностной дистанции между собеседниками. Для этих целей наиболее подходящим оказывается иллюкуционный потенциал директивов, поскольку внутренне присущий им импозитивный характер предполагает более широкий спектр прагматических функций, чем другие речевые акты. И действительно, ассертивы, комисивы, декларативы и экспрессивы не предполагают такого набора ситуаций и контекстов, в которых возникала бы необходимость управлять межличностной дистанцией и использовать стратегии языковой вежливости для достижения коммуникативных целей говорящего.

Специфические прагматические функции присущи также некоторым глагольным префиксам (*по-*, *под-* и *при-*), в частности, если рассматривать их в свете реализации ими их собственной семантики интенсификаторов и в рамках реализации категории интенсивности. Рассмотренные в работе префиксы могут выступать в роли количественных ограничителей про-

должительности действия и перфективирующих маркеров, приводящих к образованию нового глагола совершенного вида. Тем не менее, глаголы с названными выше префиксами могут рассматриваться как простые глаголы совершенного вида, без каких бы то ни было дополнительных оценочных нюансов. Вторая большая группа глаголов с рассмотренными приставками *по-*, *под-* и *при-* отличается тем, что присоединение префикса не приводит к смене глагольного вида, так как они присоединяются к глаголам совершенного вида, чаще всего уже префигированного. При этом нередко взаимодействие аттенуативного и видового аффикса приводит к принижению значимости результата действия, выраженного видовым аффиксом событийного глагола совершенного вида. Более того, рассматриваемые префиксы, несомненно, оказывают воздействие на семантику глагольной основы как в количественном отношении, ограничивая длительность действия или (реже) состояния, так и с точки зрения качества действия, выступая как интенсификатор, воздействующий на степень достижения результата по отношению к норме. В заключение можно повторить, что аспектуальная характеристика высказывания является результатом синергии лингвистических и экстралингвистических факторов в речевом акте. В некоторых случаях сама возможность использования различных видо-временных форм становится источником богатства прагматических смыслов и нюансов.

Библиография

Авилова 1976: *Авилова, Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. Москва: Наука.

Алексова 2019: *Алексова, Кр.* За процеса на граматикализация на *един* в полето на неопределеността. – Известия на Института за български език “Проф. Любомир Андрейчин”, т. XXXII, София: Издателство на БАН “Проф. Марин Дринов”, с. 160 – 199.

Андрейчин 1962: *Андрейчин, Л.* К морфологической характеристике видовой системы современного болгарского языка. – В: *Маслов, Ю.С.* (отв. ред.). Вопросы глагольного вида. Москва: Издательство иностранной литературы, с. 231 – 237.

Андрейчин 1976: *Андрейчин, Л.* Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език. – В: *Ницолова, Р., П. Пашов* (ред.). Помагало по българска морфология. София: Наука и изкуство, с. 277 – 286.

Андрейчин 1978 [1944]: *Андрейчин, Л.* Основна българска граматика. София: Наука и изкуство.

Андросюк 2015: *Андросюк, Н.В.* Биаспектив и контекст. – В: *Benacchio, R.* (ed.) Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст. Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, с. 21 – 34.

Апресян 1995 [1974]: *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Школа «Языки русской культуры».

Апресян 1995a [1986]: *Апресян, Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре. – В: *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды в двух томах. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, с. 199 – 218.

Апресян 1995б [1988]: *Апресян, Ю.Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. – В: *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды в двух томах. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, с. 219 – 241.

Аркадьев 2008: *Аркадьев, П.М.* Уроки литовского языка для славянской аспектологии. – В: Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Охрид, 10 – 16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. Москва: Индрик, с. 28 – 43.

Аркадьев 2015: *Аркадьев, П.М.* Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). Москва: Языки русской культуры.

Арутюнова 1988: *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука.

Атанасова 2008: *Атанасова, А.* Представки и представкови комплекси в състава на полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език. – Български език, № 4, с. 29 – 43.

Барентсен 1998: *Барентсен, А.* Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке. – В: *Черткова, М.Ю.* (отв.ред.), Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Москва: Языки русской культуры, с. 43 – 58.

Белоглазова 2013: *Белоглазова, Е.В.* Градуальная функция приставок, участвующих в образовании глаголов. – Филология, № 3, с. 109 – 114.

Бенаккьо 2010: *Бенаккьо, Р.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ. München – Berlin: Otto Sagner.

Бондарко 1987: *Бондарко А.В.* (отв.ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград: Наука.

Бондарко 1990: *Бондарко, А.В.* О значениях вида русского глагола. – Вопросы языкознания, № 4, с. 5 – 25.

Бондарко 2002: *Бондарко, А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. Москва: Языки славянской культуры.

Брой 2006: *Брой, В.* Флективный и деривационный глагольный вид в молизско-славянском языке. – Вопросы языкознания, № 3, с. 70 – 87.

Булыгина 1982: *Булыгина, Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке. – В: *Селиверстова, О.Н.* (под ред.) Семантические типы предикатов, Москва, с. 7 – 85.

Вимер 2014: *Вимер, Б.* Употребление совершенного вида в перформативном настоящем. – В: *Дмитренко, С. Ю., Н. М. Заика, Р. Г. Мамедшахов* (под ред.) Acta Linguistica Petropolitana, Труды Института лингвистических исследований РАН, т. X, ч. 3. Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata, с. 90 – 114.

Виноградов 1986 [1947]: *Виноградов, В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва: Высшая школа.

Войводич 2010: *Войводич, Д.* Об употреблении и значении совершенного вида в перформативных предложениях-высказываниях в славянских языках: опыт типологической дифференциации. – В: Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы. Сборник научных трудов ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, с. 175 – 191.

Войводич 2003: *Войводич, Д.* Функционально-семантическое поле перформативности в славянских языках. – В: Сборник Матице српске за славистику, Нови Сад, 2003 (№ 63), 46 – 77.

Воротников 2011: *Воротников, Ю.Л.* Категория меры признака в смысловом строе русского языка. Москва: Азбуковник.

Геберт 2002: *Геберт, Л.* Вид глагола и иллокутивная сила. – В: Основные проблемы русской аспектологии. Санкт-Петербург: Наука, с. 44 – 54.

Генадиева-Мутафчиева 1970: *Генадиева-Мутафчиева З.* Подчинителният съюз ДА в съвременния български език. София:

Издателство на Българската академия на науките.

Георгиев 1998: *Георгиев, Б.* Речевите актове като предмет на лексикографско описание. – Български език и литература, год. XXXIX, кн. 5 – 6, с. 3 – 9.

Гловинская 2001: *Гловинская, М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: Азбуковник.

Горбова 2015: *Горбова, Е.В.* Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксации? – Вопросы языкознания, № 1, 7 – 38.

Горбова 2017: Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация, или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) – Вопросы языкознания, № 1, 24 – 52.

Горшкова, Хабургаев 1997: *Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А.* Историческая грамматика русского языка. Москва: Изд-во Моск. ун-та

Грамматика-60: *Грамматика русского языка*, т. I. Москва. Издательство АН СССР.

Грамматика 1998: Грамматика на съвременния български книжовен език в три тома. Том 2: Морфология. Част втора. София: Абагар.

Деянова 1966: *Деянова, М.* Имперфект и аорист в славянските езици. София: Издателство на Българската академия на науките.

Деянова 1982: *Деянова, М.* Функционален развой на инфинитива в сърбохърватски език (в сравнение с български). София: Издателство на Българската академия на науките.

Димитрова 2009: *Димитрова, С.* Лингвистична прагматика. София: Велес.

Дурново 2000 [1924]: *Дурново, Н.Н.* Избранные работы по истории русского языка. Москва: Языки русской культуры.

Ефремова 1996: *Ефремова, Т.Ф.* Толковый словарь словообра-

зовательных единиц русского языка. Москва: Русский язык.

Жекова 2001: *Жекова, С.* Синтактични да-конструкции в драмите на Яворов. – В: Годишник – Бургаски свободен университет, № 5, с. 127 – 143.

Жекова 2002: *Жекова, С.* Стилистични ефекти на синтактичните да-конструкции в драмите и лириката на Яворов. София: Нова звезда.

Жерева 2011: *Жерева, М.* Перформативи и перформативни изказвания в съвременния български език. – Автореферат за присъждане на научната степен Доктор на филологическите науки. Софийски университет “Св. Климент Охридски” – <www.uni-sofia.bg/index.php/bul/.../1/.../avtoreferat_M.Jereva.pdf>

Зализняк, Шмелев 2000 – *Зализняк, Анна А., Д.Н. Шмелев.* Введение в русскую аспектологию. Москва: Языки русской культуры.

Зализняк, Микаэлян 2010: *Зализняк, Анна А., И.Л. Микаэлян.* О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка – Доклад на конференции «Диалог 2010»: URL: <<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm>>

Зализняк, Анна А. и др. 2015: *Зализняк, Анна А., И.Л. Микаэлян, Д.Н. Шмелев.* Русская аспектология: в защиту видовой пары. Москва: Языки славянской культуры.

Земская 2000: *Земская Е.А.* (под ред.), Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). Москва: Языки русской культуры.

Зидарова 2008: *Зидарова, В.* Един семантико-словообразователен тип глаголи в съвременния български книжовен език (глаголи с префикс по-). – В: Comati, S. (Hrsg.), *Bulgaristica – Studia et argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolova zum 65. Geburtstag*, München, с. 597 – 607.

Иванов 1990: *Иванов, В.В.* Историческая грамматика русского языка. Москва: Просвещение.

Иванова 2014: *Иванова, Е.Ю.* Русские параллели болгарской

да-конструкции. – В: *Тополињска, З.* Субјунктив со посебен отврт на македонските да-конструкции. Скопје: Макед. акад. на науките и уметностите, с. 107 – 162.

Иванова 2018: *Иванова, Е.Ю.* Да-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков. – В: Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20 – 27 августа 2018. Доклады российской делегации. Москва: Институт славяноведения РАН, с. 171 – 205.

Иванова 1974: *Иванова, К.* Начини на глаголното действие в съвременния български език. София: Изд. на БАН.

Иванова, Ницолова 1995: *Иванова, К., Р. Ницолова.* Ние, говорещите хора. София: Университетско издателство Св. Кл. Охридски.

Иванчев 1971: *Иванчев Св.* Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София: Изд. на Българската Академия на науките.

Иорданская, Мельчук 2007: *Иорданская Л.Н., И.А. Мельчук.* Смысл и сочетаемость в словаре = Le sens et la cooccurrence dans le dictionnaire. Москва: Языки славянских культур.

Исаченко 2003 [1960] – *Исаченко, А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Bratislava, ч. I, 1954, ч. II, 1960; репринтное издание в одном томе: Москва: Языки славянской культуры.

Јачева-Улчар 2014: *Јачева-Улчар, Е.* Да-конструкциите во црковнословенските ракописи од македонска редакција. – В: *Тополињска, З.* Субјунктив со посебен отврт на македонските да-конструкции. Скопје: Макед. акад. на науките и уметностите, с. 162 – 170.

Кабакчиев 1992 – *Кабакчиев, К.* Глаголно-именна съчетаемост и аспектуалност. София: Университетско издателство «Климент Охридски».

Князев 2014: *Князев, Ю.П.* Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке. – В: *Сай*

С.С., М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская (под ред.). Acta Linguistica Petropolitana, Труды Института лингвистических исследований РАН, т. X, ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы, Санкт-Петербург, с. 43 – 71.

Козлов 2014: *Козлов, А.А.* К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти / имѣти* с инфинитивом. – Русский язык в научном освещении, № 1, с. 122 – 149.

Кошмидер 1962: *Кошмидер, Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. – В: *Маслов, Ю.С.* (отв. ред.) Вопросы глагольного вида. Москва: Издательство иностранной литературы, с. 105 – 168.

Кръпова 1998: *Кръпова И.*, Модални глаголи, да-конструкции и типове модалност. – Пловдивски университет «Паисий Хилендарски» – Научни трудове, том 36, кн. 1, 1998 – Филология, с. 111 – 12.

Куртева 1998: *Куртева, Т.* Илокуция и перформативност в диалога. – В: Foreign Languages for Specific Purposes, Варна, 1998, том 2, с. 75 – 78.

Куртева 2006: *Куртева, Т.* Глаголните представки – синтагматика и полисемия (за семантичната изборност на съчетаването). – Български език, № 1, LIII, 2006, 78 – 90.

Куртева 2007: *Куртева, Т.* Синтагматика и семантична функция на глаголните представки в съвременния български език, В. Търново: Астарта.

Ласкова, 2009: *Ласкова Л.* Перфект и плюсквамперфект в подчинени да-изречения при глаголи за възприятие. – Български език. Приложение: 169 – 185.

Лебедь 1983: *Лебедь, С.А.* Глаголы иноязычного происхождения в видовой системе современного чешского языка (в сопоставлении с русским языком). – В: *Широкова, А.Г., В. Грабье.* Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва: Издательство Московско-

го университета, с. 129 – 152.

Леман 1997: *Леман, Ф.* Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем. – В: *Черткова М.Ю.* (отв. ред.), Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, т. 2. Москва: Изд. МГУ, с. 54 – 68.

Лесева 2009: *Лесева, Св.* Изразяване на междуезиковата асиметрия в многоезикови лексикални ресурси (върху материал от български префигирани глаголи с представка по-). – Български език, № 3, с. 97 – 117.

Лесева 2011: *Лесева, Св.* Пределност, префиксация, перфективност. – Български език, № 1, с. 7 – 17.

Лилов 1964: *Лилов, М.* Семантичен развой на глаголната представка по- в съвременния български език. – Известия на института за български език, X, с. 65 – 157.

Лисова 2015: *Лисова, А.Б.* Функционирование контекстуально обусловленных интенсификаторов в диалогической речи. – Весник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика, № 2, с. 49 – 53.

Ломтев 1958: *Ломтев, Т.П.* О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке. – В: Сборник статей по языкознанию: Профессору МГУ В.В. Виноградову. Москва: Издательство Московского университета, с. 231 – 247.

Майсак и др. 2016: *Майсак, Т.А., В.А. Плунгян, К. П. Семёнова* (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, т. XII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта.

Маровска 2005: *Маровска В.* Новобългарският перфект – функционални метаморфози и теоретични предизвикателства. София: Ромина.

Маслов 1948: *Маслов, Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. – Известия

Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948
Том VII, вып.4, с. 303 – 316.

Маслов 1955 – О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке. – Краткие сообщ. Института славяноведения АН СССР. 1955. Вып. 15, с. 28 – 47.

Маслов 1959: *Маслов, Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). – В: *Бернштейн, С.Б.* Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва: Издательство академии наук СССР, с. 157 – 312.

Маслов 1981: *Маслов, Ю.С.* Грамматика болгарского языка. Москва: Высшая школа.

Маслов 1984: *Маслов, Ю.С.* Очерки по аспектологии, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

Матеев 1952: *Матеев, Др.* Семантика на глаголните представки и нейното отношение към видовото значение на глаголите. – Известия на Института за български език, т. 1, с. 5 – 91.

Мелиг 1985 [1981]: *Мелиг Х.-Р.*, Семантика предложения и семантика вида в русском языке. – В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV. Москва: Прогресс, с. 227 – 249

Мелиг 1998: *Мелиг Х.-Р.*, Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте. – В: *Черткова, М.Ю.* (отв. ред.), Типология вида: проблемы, поиски, решения. Москва: Школа “Языки русской культуры”, с. 289 – 304.

Мелиг 2002: *Мелиг, Х.-Р.* Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте. Употребление видов в вопросах с местоимением кто. – В: Основные проблемы русской аспектологии. Санкт-Петербург: Наука, с. 128 – 150.

Мелиг 2013: *Мелиг, Х.-Р.* Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке. – Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, № 4, с. 19 – 46.

Мельчук 1999 [1974]: *Мельчук, И.А.* Опыт теории лингвистических моделей Смысл \Leftrightarrow текст: Семантика, синтаксис. Москва: Школа «Языки русской культуры».

Мельчук 1995: *Мельчук, И.А.* Русский язык в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах.

Милославский 1980: *Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. Москва: Изд-во МГУ.

Милославский 1981: *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. Москва: Просвещение.

Милославский, 2002: *Милославский, И.Г.* Культура речи и русская грамматика. Москва: Ступени, Инфра-М.

Младенов 1939: *Младенов, Ст.* Граматика на български език. София: Казанлъшка долина.

Минчева 1987: *Минчева А.* Старобългарският език в светлината на балканистиката. София: Наука и изкуство.

Мирчев 1978: *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София: Наука и изкуство.

Младенова 2011: *Младенова, О.М.* За вежливостта от историческа перспектива. – Български език. Приложение. От любознание към езикознание. История на нормите и кодификацията на новобългарския книжовен език, с. 47 – 66.

Мучник 1966: *Мучник, И.П.* Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке. – Вопросы языкознания, №.1, с. 61 – 75.

Мучник 1971: *Мучник, И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. Москва: Наука.

Ницолова 1984: *Ницолова, Р.* Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език. София: Народна просвета.

Ницолова 2007а: *Ницолова, Р.* Българските да-форми в балкан-

ски контекст. – *Litera et lingua. Series “Dissertationes”*, vol. 1.

Ницолова 2007б: *Ницолова, Р.* Изречения с да-форми, означаващи възможност, в разговорната реч. – Трудове на Великотърновския университет “Св.Св. Кирил и Методий”, филологически факултет, т. 34, кн. 2, с. 11 – 22.

Ницолова 2008: *Ницолова, Р.* Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Климент Охридски».

Норман 1980: *Норман, Б.Ю.* Болгарский язык. Минск: Издательство БГУ.

Остин 1986 [1973]: *Остин, Дж.Л.* Слово как действие. – В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Москва: Прогресс, с. 22 – 129.

Падучева 1991: *Падучева, Е.В.* К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение. – Вопросы языкознания, № 6, с. 34 – 45.

Падучева 1994: *Падучева, Е.В.* Вид и время перформативного глагола. – В: Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 37 – 42.

Падучева 2001 [1985]: *Падучева, Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва: УРСС, 2001.

Падучева 2010а [1996]: *Падучева, Е.В.* Семантические исследования. Москва: Языки славянской культуры.

Падучева 2010б: *Падучева, Е.В.* Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя, “Известия РАН, Серия литературы и языка”, 2010, 3 (69), с. 16 – 20.

Падучева 2013: *Падучева, Е.В.* Русский имперфектив: инвариант и частные значения. – Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, № 4, с. 7 – 18.

Падучева 2016: *Падучева, Е.В.* Модальность: На правах рукописи. Москва: <<http://rusgram.ru>> На правах рукописи, Москва.

Палоши 2009: *Палоши, И.* Способы выражения интенсивности

действия в русском языке. – *Studia Russica*, 23, с. 289 – 297.

Пантелеева 1994: *Пантелеева, Хр.*. Граматика на вежливата реч. София: Наука и изкуство.

Паскалев 2011: *Паскалев, Н.* Комуникативна норма и учтивост (опит за диахронен анализ). – *Български език, Приложение*, с. 64 – 79.

Паскалев 2015: *Паскалев, Н.* За значението на два типа деминутивни глаголи в съвременния български език. – *Български език, № 1*, с. 65 – 74.

Пернишка 1979: *Пернишка, Е.* Някои прояви на граматична и словообразователна де-фективност при глаголи, образувани с представка *за-*. – *Български език, № 4*, с. 304–312.

Петрухина 1983: *Петрухина, Е.В.* Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским. – В: *Широкова, А.Г., В. Грабье*. Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва: Издательство Московского университета, 152 – 173.

Петрухина 2000: *Петрухина, Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарскими языками. Москва: Издательство МГУ.

Плунгян 2003: *Плунгян, В.А.* Общая морфология. Москва: УРСС.

Плунгян 2011а: *Плунгян, В.А.* Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). – *Scando-Slavica №2 (57)*, с. 290–310.

Плунгян 2011б: *Плунгян, В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: РГГУ, 2011.

Попов 1963: *Попов, К.* По въпроса за “българския конюнктив”. – *Език и литература*, год. XVIII, № 5, с. 100 – 106.

Първанов 2005: *Първанов, К.* Особенности на префиксното глаголно словообразуване в българските говори (I). – Български език, № 2, с. 23 – 31.

Първанов 2006: *Първанов, К.* Особенности на префиксното глаголно словообразуване в българските говори (II). – Български език, № 2, с. 50 – 60.

Рассудова 1981: *Рассудова, О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. München: Verlag Otto Sagner.

Рассудова 1982: *Рассудова, О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. Москва: Русский язык.

Родионова 2005: С.Е. Родионова, *Семантика интензивности и ее выражение в современном русском языке.* – В: *Бондарко, А.В.* (под ред.), Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Санкт-Петербург, с. 150 – 166.

Серль 1986 [1965]: *Серль, Дж.Р.* Что такое речевой акт. – В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Москва: Прогресс, с. 151 – 169.

Серль 1986 [1975]: *Серль, Дж.Р.* Косвенные речевые акты. – В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Москва: Прогресс, с. 195 – 222.

Серль 1986 [1976]: *Серль, Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов. – В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Москва: Прогресс, с. 170 – 194.

Сиракова-Сметс 1992: *Сиракова-Сметс, Н.* Местоименные формы за обръщение *ти* и *Вие* в речевия етикет на съвременните българи и холандци. – Съпоставително езиковедие XVII, № 4, с. 11 – 18.

Славкова 2009: *Славкова С.* Морфология и синтаксис на служебна изразителна аспектност. – Болгарская русистика, № 3 – 4, с. 18 – 36.

Славкова 2015а: *Славкова С.* Использование глагольных времен при выражении общефактического значения НСВ в болгарском языке. “Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Восто-

коведение. Журналистика”, 2015, № 3, с. 153 – 168.

Славкова 2015б: *Славкова С.*, Общефактическое значение НСВ в частном вопросе в болгарском языке. – В: *Кутадзё М.* (сост.) Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото 2015, с. 263 – 271.

Славкова 2017: *Славкова С.*, Супралексический префикс по-русском и болгарском языках. – В: *Benacchio R., A. Muro, S. Slavkova* (eds.). The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization. Firenze: FUP, с. 197 – 218.

Славкова (2018): *Славкова С.* Общефактическое употребление глаголов несовершенного вида в русском и болгарском языках в прошедшем и в будущем времени. – В: *Salmon L., M. C. Ferro, G. Ziffer* (a cura di) Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti. Firenze: FUP, с. 121 – 137.

Славова 2017: *Славова, Т.* Старобългарски език, София: Университетско издателство «Климент Охридски».

Станков 1976: *Станков, В.* Конкуренцията на глаголните видове в българския нижовен език. София: Издателство на Българската академия на науките.

Станков 1981: *Станков, В.* Стилистични особености на българския глагол. София: Народна просвета.

Станчева 2004: *Станчева, Р.* Въпросът за видовата семантика на глаголите с наставка *-ир-а-м* (*-изир-а-м*) в български език. – Български език, № 2 – 3, с. 93 – 102.

Стойнова 2016: *Стойнова, Н.М.* Аналитическая конструкция будущего времени, <<http://rusgram.ru>> На правах рукописи, Москва.

Татевосов 2009: *Татевосов, С.Г.* Множественная префиксация и анатомия русского глагола. – В: *Киселева, К.Л., В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов* (под ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. Москва, с. 92 – 156.

- Теодоров-Балан 1940: *Теодоров-Балан, А.* Нова българска граматика. София: Т. Ф. Чипев.
- Убин 1974: *Убин, И.И.* Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков), Автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва.
- Улуханов 1977: *Улуханов, И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке. Москва: Наука.
- Улуханов 2005: *Улуханов, И.С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. Москва: Азбуковник.
- Улуханов 2017: *Улуханов, И.С.* Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами. Москва: ИЦ “Азбуковник”.
- Успенский 1994: *Успенский, Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XVII вв.). Москва: Гнозис.
- Успенский 2002: *Успенский, Б.А.* История русского литературного языка (XI – XVII вв.). Москва: Аспект пресс.
- Ухлик, Желе 2018: Ухлик, М., А Желе. DA-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке. – Вопросы языкознания, № 5, с. 87 – 113.
- Федотов, Чуйкова 2013: *Федотов, М.Л., О.Ю. Чуйкова.* К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. – В: *Грехова, Е.И.* (под ред.). Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, с. 153 – 203.
- Федотов, Чуйкова 2016: *Федотов, М.Л., О.Ю. Чуйкова,* Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта. – В: *Майсак, Т.А., В.А. Плунгян, К. П. Семёнова* (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, т. XII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта, с. 67 – 83.
- Харалампиев 2001: *Харалампиев, И.* Историческа граматика на

българския език. Велико Търново: Faber, 2001.

Храковский 1989: *Храковский, В.С.* Типология итеративных конструкций. Ленинград: Наука.

Чакърова 1998: *Чакърова, Кр.* За същността на вторичната имперфективация в съвременния български език. – Пловдивски университет ‘Паисий Хилендарски’ – България. Научни трудове, Филологии, том 36, № 1, с. 171 – 181.

Чакърова 2003: *Чакърова, Кр.* Аспектуалност и количество. Велико Търново: Фабер.

Чакърова 2008: *Чакърова, Кр.* Повелителните да-конструкции в съвременния български език и проблемът за “българският конюнктив”. – Славистика, № 3, с. 98 – 112.

Чанг 1997: *Чанг, П.-Ч.* Системны или маргинальные двувидовые глаголы в современном русском языке? – В: *Черткова М.Ю.* (отв. ред.), Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, т. 3. Москва: Изд. МГУ, с. 197 – 210.

Черткова, Чанг 1998: *Чанг, П.-Ч., М.Ю. Черткова.* Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке. – *Russian Linguistics*», 22, с. 13 – 34.

Шатуновский 2009: *Шатуновский, И.Б.* Проблемы русского вида. Москва: Языки славянской культуры.

Шведова 1980: *Шведова, Н.Ю.* Русская грамматика т.1. Москва: Наука.

Якобсон 1998: *Взгляды Боаса на грамматическое значение.* – В кн.: *Якобсон Р. О.* Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, с.231 – 238.

Янда 2012: *Янда, Л. А.* Русские приставки как система глагольных классификаторов. – Вопросы языкознания, № 6, 3 – 47.

Alvestad 2013: *Alvestad, S. S.* Beware of fakes! Fake imperfectives in the Slavic imperative. University of Oslo: PhD Thesis.

Alvestad 2017: *Alvestad, S. S.* Aspect use in slavic infinitives and

corresponding da-construction. – In: *Alvestad, S.S.* (ed.) *Comparative Slavic Syntax and Semantics*. – Oslo Studies in Language № 9 (1), p. 5 – 16.

Antinucci, Gebert 1976 – 1977: *Antinucci F., L. Gebert*. Aspetto verbale in polacco. – *Ricerche Slavistiche*, XXII – XXIII, p. 5 – 60.

Austin 1962: *Austin, J. L.* *How to do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.

Babko-Malaya 1999: *Babko-Malaya, O.* *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case* [PhD dissertation]. New Brunswick, New Jersey: Rutgers university.

Benigni 2017: *Benigni, V.* Strategie di intensificazione in russo: i nomi non scalari tra semantica e pragmatica. – In: *Di Filippo, M., F. Esvan* (a cura di), *Studi di Linguistica Slava*. Napoli, p. 15 – 34.

Bertinetto 1997: *Bertinetto, P. M.* *Il dominio tempo-aspettuale. Demarcazioni, intersezioni, contrasti*. Torino: Rosenberg & Seller.

Bertinetto 2003: *Bertinetto, P. M.* *Tempi verbali e narrativa italiana dell'Otto/Novecento*. Alessandria: Edizioni dell'Orso.

Bolinger 1972: *Bolinger, D.* *Degree Words*. The Hague.

Breu 2011: *Breu, W.* Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo. – In: *Breu, W.* (a cura di): *L' influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie: resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi*, Bochum, p. 149 – 184.

Brown, Gilman 1972: *Brown, R., A. Gilman*. The pronouns of power and solidarity. – In: *Giglioli, P. P.* (ed.) *Language and social structures*. London: Penguin, p. 253 – 281.

Brown, Levinson 1987: *Brown, P., S. C. Levinson*. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bybee, Dahl 1989: *Bybee J. L., Ö. Dahl*. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. – *Studies in Language*, № 13-1, p. 51 – 103.

Comrie 1976: *Comrie, B.* Aspect. Cambridge: Cambridge University Press.

Comrie, Corbett 1993: *Comrie, B., G. C. Corbett.* The Slavonic Languages. London – New York: Routledge.

Dickey 2000: *Dickey, S. M.* Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach. Stanford: Center for the Study of Language and Information.

Dickey 2006: *Dickey, S. M.* Aspectual Pairs, Goal Orientation and PO- Delimitatives. – In: Russian. Glossos (The Slavic and East European Language Resource Center), 7: <https://www.researchgate.net/publication/320441634_Aspectual_Pairs_Goal_Orientation_and_PO-_Delimitatives_in_Russian>

Dickey 2015a: *Dickey S. M.* Outline of a comparative analysis of the development of the imperfective general-factual in Slavic. – In: *Benacchio, R.* (ed.) Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст. Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, p. 179 – 195.

Dickey 2015b: *Dickey, S. M.* The aspectual development of performatives in Slavic. – *Zeitschrift für Slavische Philologie*, № 2 (71), p. 249 – 304.

Dickey, Hutcheson 2003: *Dickey, S. M., J. Hutcheson,* Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. – In: *Maguire, R.A., A. Timberlake* (eds.), American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Columbus, Ohio, p. 23 – 36.

Di Sciullo, Slabakova 2005: *Di Sciullo, A. M., R. Slabakova.* Quantification and Aspect. – In: *Verkuyl, H.J., H. De Swart, A. Van Hout* (eds.). Perspectives on aspect. Dordrecht: Springer, p. 61 – 80.

Dahl 1985: *Dahl, Ö.* Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell.

Dahl 2004: *Dahl, Ö.* The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

- Esvan 2017: *Esvan, F.* On the dynamism of aspectual pair formation in Czech. – In: *Benacchio R., A. Muro, S. Slavkova* (eds.). The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization. Firenze: FUP, p. 103 – 114.
- Filip 2003: *Filip, H.* Prefixes and the delimitation of events. – *Journal of Slavic Linguistics*, № 1 (11), p. 55 – 101.
- Forsyth 1970: *Forsyth, J.* A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fortuin 2019: *Fortuin, E.* Universality and language-dependency of tense and aspect: Performatives from a crosslinguistic perspective. – *Linguistic Typology*, Volume 23: Issue 1, p. 1 – 58.
- Galster 1982: *Galster, I.* Zarys gramatyki historycznej języka rosyjskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Gebert L. 1991: *Gebert, L.* Il sintagma verbale. La questione dell'aspetto. – In: *Fici Giusti, F., L. Gebert, S. Signorini.* La Lingua russa: storia, struttura, tipologia. Roma, p. 237 – 292.
- Gebert 2014: *Gebert, L.* L'imperfetto 'narrativo' romanzo e l'imperfetto 'generale fattivo' slavo: un confronto. – In: *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi; a cura di Inkova O. et al.* Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 9 – 20
- Grice 1975: *Grice, H. P.,* Logic and Conversation. – In: *Cole P., J. L. Morgan.* Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts. New York: Academic Press, 41 – 58.
- Hopper 1991: *Hopper, P. J.* On some properties of grammaticization. – In: *Traugott, E., B. Heine* (eds.) Approaches of grammaticalization. Vol. I. Focus on Theoretical and Methodological Issues. Amsterdam-Philadelphia, p. 17 – 35.
- Istratkova 2004: *Istratkova, V.* On Multiple Prefixation in Bulgarian. – *Nordlyd*, 32 (№ 2), p. 301 – 321: <<https://septentrio.uit.no/index.php/nordlyd/article/view/71/67>>
- Janda et al. 2013: *Janda, L. A., A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O.Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S.Sokolova.* Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb

Classifiers. Bloomington IN: Slavica.

Kagan 2015: *Kagan, O.* Scolarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian. Cambridge: Cambridge University Press.

Lehmann 1988: *Lehmann, V.* Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des verbs. – *Zeitschrift für slavische Philologie*, № 47, p. 171 – 181.

Leech 1983: *Leech, G.* The principles of pragmatics. London and New York: Longman.

Mehlig 2001: *Mehlig H.-R.* Verbal Aspect and the referential Status of verbal Predicates: On Aspect Usage in Russian Who-Questions. – *Journal of Slavic Linguistics*, vol. 9, № 1, p. 99 – 125.

Muro 2017: *Muro, A.* Preverb Stacking. – In: Benacchio R., A. Muro, S. Slavkova (eds.). *The Role of prefixes in the formation of aspectuality*. Firenze: FUP, p. 137 – 152.

Rothstein 1993: *Rothstein, R.A.* Polish. – In: *Comrie B., G.C. Corbett* (eds.). *The Slavonic Languages*. London/New York: Routledge, p. 686 – 758.

Searle 1969: *Searle, J.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Slavkova 2010: *Slavkova S.* L'aspetto verbale tra morfologia e sintassi: il caso dei verbi aspettualmente non marcati. – *Russica Romana*, XVI, c. 65 – 86

Slavkova 2017: *Slavkova S.* Tense and Aspect in Performative Utterances in Bulgarian. – In: *Proceedings of 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2017)*, Vol. 142, p. 344 – 356.

Stunová 1993: *Stunová, A.* A contrastive study of Russian and czech aspect: invariance vs. discourse. Amsterdam (*Academisch Proefschrift*).

Svenonius 2004: *Svenonius, P.* Slavic Prefixes Inside and Outside VP. – *Nordlyd*, № 2 (32), Special Issue on Slavic Prefixes, p. 205 – 253.

Svenonius 2008: *Svenonius, P.* Russian prefixes are phrasal. – In: *Zybatow, G., L. Szucsich, U. Junghanns, R. Meyer* (eds.), *Formal description of Slavic languages*. Frankfurt am Main: Peter Lang, p. 526 – 537.

Vendler 1957: *Vendler, Z.* Verbs and Times. – *Philosophical Review*, № 66, p. 143 – 160.

Weinrich 1978 [1964]: *Weinrich H.* *Tempus. Le funzioni dei tempi nel testo*, Bologna, 1978.

Wiemer, Seržant 2017: *Wiemer, B., I. A. Seržant.* Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? // *Unity and diversity in grammaticalization scenarios* / Ed. by W. Bisang, A. Malchukov. Berlin: Language Science Press, 2017, p. 239–307.

Žagar 2011: *Žagar, I.* Performativity as tense and aspect. – *International review of pragmatics*, № 3 (2), p. 168 – 193.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ВИДА
И ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ВЫСКАЗЫВАНИИ

На материалe руского и болгарского языков

Автор:
Светлана Славкова

Рецензенты:
Пильгун Мария Александровна
Ерофеева Ирина Валерьевна.

Графичен дизайн:
Петра Лимоза

Печатни коли 17,25
Формат 60/90/16

Българска, първо издание
ISBN 978-954-471-686-8

Издателство ЛИБРА СКОРП
www.meridian27.com

2020 г.